

НИЯУ
МИФИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЯДЕРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИФИ»

ДЕТИ ВОЙНЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

---

*Посвящено 80-летию
Победы в Великой Отечественной войне*

ДЕТИ ВОЙНЫ

Воспоминания

Издание 2-е, дополненное

Москва 2025

УДК 359+355/359

ББК 63.2

Д 38

Авторский коллектив:

В.А. Македонская (руководитель проекта),
В.И. Наумов, И.О. Атовмян, Н.Н. Взоров, Ю.А. Волков,
В.А. Власов, Н.М. Гаврилов, В.В. Дмитренко, В.В. Исаченко,
Б.А. Калинин, Б.И. Лучков, В.А. Мальцев., В.В. Масленников,
Л.Е. Машкович, С.С. Носова, Л.Н. Патрикеев, Т.Е. Петрова,
Н.С. Погожин, Б.В. Поленов, О.В. Савченко, В.Т. Самосадный,
Н.К. Сафонова, А.А. Снегирев, Н.П. Собенин, В.Н. Старосельцев,
Т.Е. Страмоус, Н.В. Татаринова, А.И. Фесенко, В.С. Фигуров

ДЕТИ ВОЙНЫ. Воспоминания. Издание 2-е, дополненное. –
М.: НИЯУ МИФИ, 2025. – 212 с.

Все меньше остается свидетелей драматических событий 1941–1945 гг., участников священной войны, детей войны, от них мы узнаем о событиях тех времен. Данная книга является ценнейшим источником изучения истории Великой Отечественной войны. Каждый рассказ-воспоминания сотрудников и преподавателей нашего университета важен для нас, и особенно это значимо для современной молодежи. Настоящее издание дополнено статьями, не вошедшими в первую книгу.

Эта книга – совместный проект института фундаментальных проблем социо-гуманитарных наук, культурно-исторического центра «Наше наследие» и Совета Ветеранов НИЯУ МИФИ.

ISBN 978-5-7262-3140-2

© Авторский коллектив, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Атовмян И.О.</i> ВОЙНА: КАК ЭТО БЫЛО	7
<i>Взоров Н.Н.</i> ИЗ ДЕТСТВА 1941–1945	9
<i>Волков Ю.А.</i> НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СОРОКОВЫЕ	21
<i>Власов В.А.</i> ВСПОМИНАЯ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	28
<i>Гаврилов Н.М.</i> ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ОТ ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ	29
<i>Дмитренко В.В.</i> ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ И СТРЕСС	40
<i>Исаченко В.В.</i> ДЕТИ ВОЙНЫ. НИКОЛАЕВ	43
<i>Калин Б.А.</i> МЫ ПРОШЛИ ХОРОШУЮ ШКОЛУ ЖИЗНИ.....	55
<i>Лучков Б.И.</i> ДЕТИ ПОБЕДЫ	65
<i>Мальцев В.А.</i> ГОДЫ БОЛИ И СТОЙКОСТИ: ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ МАМЫ И МОИ.....	74
<i>Масленников В.В.</i> ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ В ГОДЫ ВОЙНЫ	77
<i>По записям жены Л.Е. Машкович</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРОФЕССОРА МИФИ В.П. МАШКОВИЧА	80
<i>Машкович Л.Е.</i> ВСПОМИНАЯ ВОЙНУ	85
<i>Наумов В.И.</i> ВСПОМИНАЯ ПЕРЕЖИТОЕ	87
<i>Наумов В.И.</i> ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ПОБЕДЕ. ШТАЛАГ 326. ШТУКЕНБРОК	109

<i>Носова С.С.</i>	
ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ 1941г. ПО 3 СЕНТЯБРЯ 1945 г.	130
<i>Патрикеев Л.Н.</i>	
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ОБ ОТЦЕ-ФРОНТОВИКЕ	132
<i>Петрова Т.Е.</i>	
ВОЙНА. КАКОЙ ОНА ОСТАЛАСЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ.....	145
<i>Погожин Н.С.</i>	
ВОСПОМИНАНИЯ О КУРСКОЙ ДУГЕ	148
<i>Поленов Б.В.</i>	
ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ МОСКВИЧА О ЖИЗНИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	151
<i>Савченко О.В.</i>	
МОЯ СЕМЬЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ	171
<i>Самосадный В.Т.</i>	
О СОБЫТИЯХ В ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ 1941 г. ПО 3 СЕНТЯБРЯ 1945 г.	178
<i>Сафонова Н.К.</i>	
ПЕРЕЖИТЬ ВОЙНУ	180
<i>Снегирев А.А.</i>	
ДЕТИ ВОЙНЫ – К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ	182
<i>Собенин Н.П.</i>	
МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	184
<i>Старосельцев В.Н.</i>	
МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	190
<i>Страмоус Т.Е.</i>	
ТАНКИСТ	199
<i>Татарина Н.В.</i>	
ВОЙНА В МОЕЙ ПАМЯТИ.....	202
<i>Фесенко А.И.</i>	
ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ В ГОДЫ ВОЙНЫ	204
<i>Фигуров В.С.</i>	
ВОСПОМИНАНИЯ О ГОДАХ ВОЙНЫ.....	207
ЭПИЛОГ	210

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Отечественная война, завершившаяся 80 лет тому назад, явилась одним из тяжелейших испытаний, выпавших на долю нашего народа в минувшем XX столетии. Миллионы прерванных жизней, искалеченных судеб, разрушенных семейных очагов. И сегодня еще ощутимы последствия минувшей войны.

Но, как это не раз бывало в отечественной истории, именно в военное время с особой силой проявляются замечательные черты национального характера нашего народа, его лучшие качества.

Тема Великой Отечественной войны занимает особое место в общественном сознании наших людей. Она всегда будет привлекать внимание исследователей, раскрывающих новые обстоятельства уже известных событий, вводящих в научный оборот новые исторические свидетельства и документы, проливающие свет на ранее неизвестные страницы нашей истории.

Сегодня у нас есть все возможности для воссоздания полной и объективной картины тех великих и трагических лет. Необходимо представить исторические события во всей полноте и истине, прежде всего, для того, чтобы подрастающее поколение россиян не только обладало объективной информацией, но и обрело в событиях минувшего нравственные ориентиры и примеры для подражания.

Решение многих задач, стоящих перед российским обществом в условиях радикальных политических и социально-экономических перемен, зависит от умения использовать исторический опыт, извлекать уроки из прошлого.

В изучении истории Великой Отечественной войны особое внимание современных исследователей привлекает человек на войне как решающий фактор Победы, его бытие и духовное состояние. Воспоминания сотрудников и преподавателей, которым довелось стать детьми войны, являются источником формирования исторического сознания российского молодого поколения в традициях патриотизма.

Актуальность темы определяется и усилением на страницах отечественных научных, популярных, особенно периодических из-

даний дискуссий по вопросам истории Великой Отечественной войны, проблеме консолидации советского общества.

В контексте современных исследований философское осмысление Великой Отечественной войны и Великой Победы в ней советского народа приобретает новое содержание, на которое раньше менее обращалось внимания. Речь идет о месте и роли Великой Отечественной войны в сохранении и развитии российской цивилизации. Именно советский народ преградил путь германскому фашизму к мировому господству и вынес основную тяжесть всей мировой войны, осуществил решающий вклад в достижение победы антигитлеровской коалиции, продемонстрировал всему миру превосходство идей гражданственности, патриотизма, гуманизма и интернациональной солидарности над человеконенавистническими устремлениями фашизма.

Все меньше остается свидетелей драматических событий 1941–1945 гг., участников священной войны, детей войны – от них мы узнаем о событиях тех времен. Данная книга является ценнейшим источником изучения истории Великой Отечественной войны. Каждый рассказ-воспоминание сотрудников и преподавателей нашего университета важен для нас и особенно это значимо для современной молодежи. Для всех жителей нашей планеты самое важное – память, ибо без прошлого нет и будущего. И войну ни в коем случае нельзя забывать, чтобы не допустить ее повторения в будущем.

Рассказы в сборнике воспоминаний задевают своей сердечностью. Это боль души рассказчиков.

*И.о. зав. кафедрой «История» НИЯУ МИФИ,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Македонская*

Атовмян И.О. (1928–2007)

ВОЙНА: КАК ЭТО БЫЛО

Мое участие в годы Великой Отечественной войны заключалось в следующем:

работал в депо вокзала города Еревана по разборке и сортировке немецкой военной техники в 1942–1943 годах;

сооружал защитные объекты, главным образом, окопы и рвы вокруг города Еревана;

проходил в 1944 и 1945 гг. подготовку в военных лагерях;

в течение трех лет посещал раненых в госпитале, регулярно помогал им писать письма, ходить.

В 1946 году окончил мужскую школу имени Ф.Э. Дзержинского с серебряной медалью.

В нашей студенческой группе с первых дней обучения в МВТУ и до окончания МИФИ с упорством учились шесть бывших фронтовиков: Роман Титов, Вадим Жуков, Юрий Пажин, Геннадий Бацких, Петр Мухин и Анатолий Голубев. Они исключительно благотворно влияли на коллективизм и трудовой дух в нашей группе. Мы «колхозами», т.е. большинством готовились к зачетам и экзаменам, часто жили в семьях друг друга, всегда были и остаемся сплоченной командой. Вот уже 54 года после окончания МИФИ мы *ежегодно* встречаемся. Несмотря на то, что многие разъехались по разным городам, на эти встречи приезжают наши товарищи даже из дальних стран... Некоторые наши друзья, к великому сожалению, уже ушли из жизни, но на встречах мы обязательно вспоминаем всех.

Свои воспоминания о Великой Отечественной Войне и об отце-фронтовике я написал по инициативе узника фашистских концлагерей, моего доброго друга и коллеги, профессора МИФИ, Владимира Ильича Наумова. Хорошо понимаю, насколько наивны и поверхностны мои детские воспоминания. Успокаивает то, что мои сыновья и особенно внуки с интересом прочитали эти заметки. Память о бабушке и прабабушке, надеюсь, будет бережно храниться и в их сердцах.

Я хорошо знаком и горжусь тем, что дружил с Т.М. Агаханяном, руководителем моего дипломного проекта, Е.В. Филипчуком, активно поддерживавшим в свое время организацию киностудии «МИФИ-ФИЛЬМ», А.Г. Филипповым, соавтором моих первых научных работ, В.Г. Кирилловым-Угрюмовым – нашим первым ректором, всегда доступным для делового и личного общения, Д.И. Мироновым и многими многими, уже умершими фронтовиками... Очень надеюсь, что созданные мной любительские кинофильмы «За честь Родины» и «В.Г. Кириллов-Угрюмов. К 80-летию» надолго останутся свидетельствами моей искренней любви и уважения ко всем нашим фронтовикам.

Взоров Н.Н. (род. в 1933 г.)

ИЗ ДЕТСТВА 1941–1945

Поистине героической и драматической эпопеей, беспримерной в мировой истории, явилось массовое перемещение на Восток в первый период Великой Отечественной войны из районов СССР, находящихся под угрозой неприятельского нападения, населения, промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ценностей. По мнению Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, эвакуация по своей значимости оказалась равной «величайшим битвам второй мировой войны». Перевозка населения была взята под постоянный и строгий контроль постановлением ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 года. Перемещению на Восток в первую очередь подлежали женщины с детьми наряду с кадрами квалифицированных рабочих и служащих. Все это, конечно, не означало, что эвакуация граждан с самого ее начала протекала гладко и слаженно. Организовать их погрузку, перевозку и обеспечить размещение в тылу было чрезвычайно сложно. Во многих западных пограничных районах эвакуация просто была невозможна вследствие быстрого продвижения противника. Даже ценой невероятных потерь (менее чем за полгода погибло более 2 миллионов 840 тысяч бойцов, как напишет потом Даниил Гранин) фронт не мог еще приблизиться к Москве в первых числах июля. В это время меня и тетю Лиду – жену дяди Володи (маминого брата) с двумя детьми – четырехлетней Таней и восьмимесячным Вовкой – отправляли с Ярославского вокзала в эвакуацию в Шарью.

Оставалось еще три месяца до рокового для Москвы дня 15 октября, когда ГКО вынес постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонной линии. Как раз в это день моя мать – хирург и отец – преподаватель МВТУ имени Баумана отправились в Шарью, до которой добрались только в конце октября. Мать стала работать сначала в больнице, потом в госпитале, а отец поехал в Ижевск, куда эвакуировался МВТУ. А «планомерной» эвакуации

предшествовала самостоятельная отправка женщин с детьми в тыл, как в нашем случае, без шума, плача и неразберихи, но с одной особенностью: тетя Лида со мной и Таней вошла в вагон, а «упаковка» с братом Вовкой была передана в вагон через открытое окно. О размещении в тылу нам не следовало беспокоиться. Мы ехали к нашему деду Иосифу Константиновичу Катерли – главному врачу Центральной районной больницы г. Шарьи и фактически основоположнику местной медицины. Еще в самом начале XX века молодой врач И.К. Катерли с женой Ниной Михайловной Катерли (Арцимович) и двухлетней дочерью Еленой* прибыл после окончания университета на строительство Вологдо-Вятского участка Транссиба, где принял участие в строительстве первой в Шарье железнодорожной больницы и стал ее главным врачом. В Шарье родились мая мать Нина (1905) и ее брат Владимир (1908), и только в 1913-м семья на несколько лет переехала в Иваново-Вознесенск, – надо было давать образование детям. «На добрую память от служащих станции «Шарья» Северных дорог» – это графическая надпись на старинном чернильном приборе из восьми предметов, подаренном деду перед отъездом из Шарьи. Оставаясь на службе железнодорожной медицины в Иваново-Вознесенске, дед участвует в гуманитарной акции во время второй Балканской войны как доктор лазарета Красного Креста имени города Москвы, за что награждается болгарским орденом «За гражданска заслуга» V степени. Во время Первой мировой войны дед заведует Лазаретом № 2 общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенска. Об этом свидетельствует семейная реликвия – вырезка из газеты «Провинция раненым» с фотографией доктора И.К. Катерли среди раненых. Эта вырезка была сделана юным Л.А. Арцимовичем*** и послана им двоюродному брату Володе. С охраной грамотой Ленина дед с санитарным вагоном ездит в Поволжье по тылам восточного фронта Гражданской войны. А в 1924 году дед получает назначение в Москву, но в начале 30-х годов И.К. Катерли решает вернуться на работу в Шарью, где начал свою карьеру. Теперь это, кажется, можно понять так: дед был человек крайне независимый, ему нравилось жить в провинции, что давало полную самостоятельность и независимость, и ему хотелось быть не просто подальше от начальства, но он предпочитал дер-

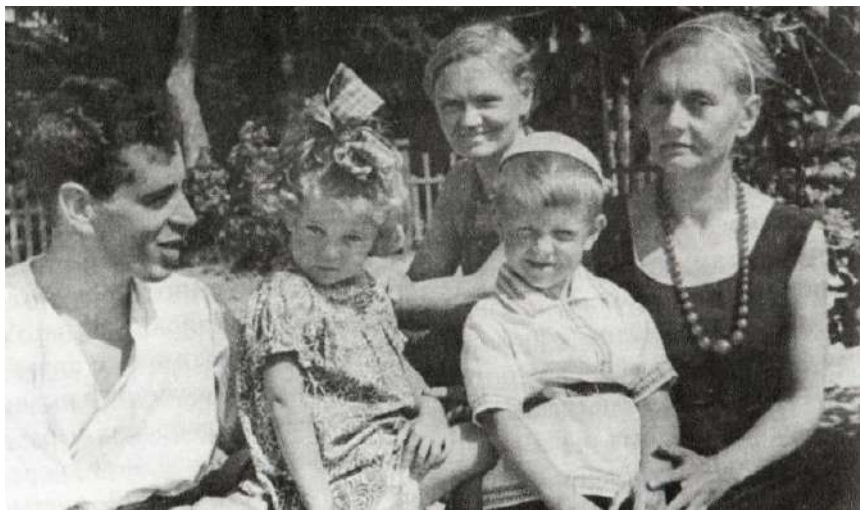
жаться подальше и от политики, бушевавшей в стране. Его личность, статус и определили наше военное детство.

Больница, в которой жил дед, представляла собой двухэтажное деревянное здание на западной окраине города возле железной дороги. Она была первым зданием на улице Привокзальной, вдоль которой тянулась железная дорога, расширяя свои пути перед вокзалом. Но выходила железная дорога на западе из-за леса и шла сначала по высокой насыпи, снижающейся к Привокзальной улице. Из окон квартиры деда при больнице и из примыкающего к ней сада хорошо был виден этот участок транссибирской магистрали, так что мы становились невольными наблюдателями массового перемещения с запада на восток людей и материальных ценностей, что Г.К. Жуков сравнил по своей значимости с величайшими битвами второй мировой войны. Но в этой битве был один миг, вызвавший шоковое оцепенение от какой-то большой беды в Москве, когда октябрьским утром по насыпи, покрытой первым белым снегом, от темного леса к Шарье стремительно приближался состав из голубых вагонов метро, и стало страшно. Тревога от этого шока, можно сказать, рассеялась только в декабре после разгрома немцев под Москвой.

А о том, что ночью 22 июня началась война, я узнал дома. С 1924 года Катерли жили в служебном жилом доме № 44 вблизи Ярославского вокзала между Ленинградской и Ярославской железными дорогами. Дом представлял собой типичную постройку, отражающую дух эпохи железнодорожного бума, эпохи магнатов фон Мекк. Сооружение с анфиладами просторных комнат, с широкими окнами и высокими потолками, со всеми коммунальными удобствами, хотя отапливался дом с помощью голландских изразцовых печей. У дома была веранда с витражами, на заднем дворе находился погреб-ледник, а перед домом сад с клумбами, кусты сирени и дорожки из каменных плит. Но этой идиллии уже не существовало к тому времени, когда семья Катерли переехала в Москву из Иваново-Вознесенска и получила две комнаты в одной из трех коммунальных квартир, на которые советская власть разделила дом. В 1941 году уже после смерти бабушки и отъезда деда в Шарью мы жили с матерью и отцом в одной комнате.

22 июня утром, расположившись на огромном письменном столе деда с известным чернильным прибором, оставшемся в Москве

после его отъезда, я был занят изучением игрушечной уменьшенной копии пассажирского вагона (наверное, в масштабе 1:87), который мне подарили родители 1-го мая. В это время перед открытым окном по саду быстро прошла соседка и крикнула: «Началась война!» Выяснилось, что на площади через громкоговорители передают речь Молотова. В напряженную суровость первых дней войны в Москве, как некий контрапункт, вносило радио, чередуя тревожные известия с фронта с отрывком из Богатырской симфонии Бородина. А в эвакуации в Шарье летом 41 года вплоть до глубокой осени главным камертоном жизни были сводки Совинформбюро, продолжавшие сообщать названия городов и населенных пунктов, оставленных врагу.

*Лисий Нос (под Ленинградом). Лето 1938 г.
В первом ряду (слева направо): С.С. Фарфель – отец моей
двоюродной сестры Нины, Нина и Коля (Н.Н. Взорев).
Во втором ряду (слева направо): Н.И. Катерли – мать Коли
и Е.И. Катерли – мать Нины*

Тетя Леля, работая в газете «Шарьинская коммуна», принесла домой карманный «АТЛАС СССР Ленинград 1939», по которому можно было следить за изменением линии фронта, но постоянная тревога и внимание к фронту после разгрома немцев под Москвой

сменилась верой в окончательную победу. На этом глобальном фоне и проходило наше военное детство, которое фактически началось в Шарье в первых числах июля, когда туда из Ленинграда привезли мою двоюродную сестру Нину** (дочь тети Лели). Мы почти ровесники, я ее знал с 1935 года. И, встретившись, мы тут же объединились для общих игр. Наш брат Вовка и сестра Таня младше нас, и они уедут с тетей Лидой к родным в Самарканд в 1942 году. Так что местоимение МЫ относится ко мне и Нине. Она признавала за мной главенство. Пока роман «Война и кусочек мира» писал я на оборотной стороне карточек от лото, так как не было бумаги. Война длилась и длилась, а кусочек мира, который нам удалось прожить до ее начала, с каждым днем казался все короче и нереальнее, сжимался. А в 2010 году в журнале «Звезда» № 1 в мемуарах XX века вышли воспоминания о нашем детстве «Война и кусочек мира», но уже написанные прозаиком Ниной Катерли. Еще раньше, в 70-х годах, в первых своих двух рассказах, напечатанных в журнале «Костер», Нина описала два наших мероприятия: встречу первых раненых (рассказ «Добро пожаловать») и решение купить корову (рассказ «Наш петух»). В первом случае, когда в июле 1941 года в здании городской больницы начал разворачиваться госпиталь, нам захотелось как-то участвовать в событии приема раненых. Мы, раздевшись до пояса, решили размалевать себя акварельными красками и забраться на забор, вдоль которого по Привокзальной улице все пойдут с вокзала. Наша надежда вызвать смех у бойцов и таким образом поддержать их дух не оправдалась. Вдоль улицы растянулась молчаливая хмурая толпа. Ехали подводы, на которых вплотную друг к другу, неподвижно лежали люди, укрытые шинелями. Следом, опираясь на костыли или на плечи санитарок, медленно двигались те, кто могли идти сами, но никто не обращал внимания на забор, где мы сидели. Во втором случае, мы задумали решить раз и навсегда продовольственную проблему – накопить денег и купить корову. Деньги в копилке прибавлялись медленно, а коровы дорожали прямо на глазах. Спустя некоторое время мы копилку вскрыли, и стало ясно, что ни корову, ни козу, ни свинью купить мы не в состоянии и решили купить курицу, на покупку которой нам добавили еще денег. Но она не снесла ни единого яйца, а к зиме вообще запела петухом.

Штаб эвакуогоспиталя № 5820. В третьем ряду третий справа автор этих воспоминаний Н.Н. Взоров

1-й корпус эвакуогоспиталя № 5820, г. Шарья

Летом, вообще, у нас с сестрой находилось много занятий. В нашем распоряжении была огромная территория больничного сада, забор, с которого видно далеко вокруг, дровяной сарай, где мы, отгородив себе фанерой угол, устроили штаб. Главное украшение штаба – гипсовый герб СССР с отбитым краем, его нам удалось по дешевке купить в книжном магазине в центре Шарья, магазин но-

сил непонятное нам название КОГИЗ. В штабе я изготавливал для нас оружие. В металлическую короткую трубку вставлял обрезанную с одной стороны катушку-поршень и закреплял ее резинкой так, чтобы, положив в трубку небольшой острый камешек, можно метров с трех-пяти выбить противнику глаз. Пистолетам дали название «глазуны». Они были предназначены для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, если те придут в Шарью. Между штабом и домом была установлена своеобразная связь: из штаба по воздуху тянулся длинный провод и через отверстие в стене для телефонного провода он входил в одну из комнат, где на конце его был укреплен тяжелый диск от ручного пулемета, найденный где-то у полотна железной дороги. Если в штабе дергали провод, диск начинал двигаться вверх-вниз вдоль стены – это был знак тревоги. В 1941 году я должен был пойти учиться в 1-й класс, и мама подарила мне «знаковую» книгу для того времени «М.Ю. Лермонтов Избранные Произведения» (Москва, 1941) с надписью «В память первого учебного года». Но первый учебный год не состоялся, я в сентябре заболел, и мы обучались дома, а в школу пошли только в 1943 году: Нина во 2-й класс, а я – в 3-й. И это не замыкало нашу жизнь в четырех стенах. То, что дедова квартира – практически часть госпиталя, играло огромную роль в нашей жизни. Из небольшого коридора в конце квартиры возле самой маленькой комнаты, куда переселился дед, уступив четыре больших комнаты приезжим, дверь открывалась в коридор госпиталя, куда мы по вечерам ходили смотреть кино. Перед началом фильма показывали военную хронику – «Боевые киносборники». Там мы и увидели замечательный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Это нам заменяло современное телевидение. В госпитале мы также пересмотрели множество картин: «Александр Невский», «Суворов», «Свинарка и пастух», «Парень из тайги», «Два бойца», знаменитый «Концерт фронту» с нашими великими артистами. Обычно нас сажал на колени кто-нибудь из раненых, и мы сидели тихо.

Тетя Леля все время хотела вернуться в Ленинград и ждала обещанный вызов от своего мужа – Нининого отца – Семена Фарфеля – журналиста, работавшего в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины». Эшелоны из блокадного Ленинграда шли все реже и реже, и к каждому из них на вокзал посылали под-

воды – снимать с поезда тех, кто умер в пути. В те дни, когда прибывали эти эшелоны, тетя Леля ходила с потемневшим лицом и не выпускала изо рта папиросы – она курила махорку. Уехала она из Шарьи в августе сорок второго года. Когда мы с ней прощались, то условились, что будем в письмах называть обстрел Аркадием, бомбежку – Борисом, а встреченного на улице покойника – Пашей. Иначе наши письма не пропустит военная цензура. Письма от дяди Володи из Ленинграда приходили обильно вымаранными военной цензурой, так что было непонятно, что же он писал о своей военноморской жизни в блокадном Ленинграде. Но вскоре его отправили в Горький, а затем в составе Волжской флотилии под Сталинград.

Трудности жизни во время войны проявлялись не только в исчезновении продуктов, в отсутствии каких-либо запасов, в ограниченности норм хлеба по карточкам или даже в том, что хлеб этот содержал какие-то колючки, но трудности были и такие, как нехватка халатов у раненых или ваты и бинтов для перевязок. Что касается ваты, то частично использовался мох после его обработки в автоклавах, бинты же стирали. А летом раненые вообще обходились без халатов, зашивая ширинку на кальсонах и отрезая от них тесемки, «отрывались» или «пикировали» в город в белых бязевых кальсонах и рубахах как в белых костюмах. У отважного «пикировщика» Жени Пипу персонал просто отбирал кальсоны, и ему приходилось целый день лежать в кровати, а нам хотелось на него взглянуть и мы проводили время под окнами его палаты.

В конце мая 1944 года мы с Ниной покидали Шарью. Приехал дядя Сема и привез нам вызовы, где было написано, что мы должны прибыть в Ленинград. Для нас война кончалась, оставался завершающий ленинградский период. В Ленинграде мы жили на Петроградской стороне на проспекте Щорса (Малый проспект) в той самой квартире, в которой Нина с отцом и матерью жила до войны. Но теперь семье принадлежали не две комнаты, а четыре, так как тетя Леля стала членом Союза писателей и получила ордер на дополнительные комнаты. К этому времени тетя Леля успела опубликовать сборник рассказов «Новые звезды» и детскую повесть «Гремячая башня», а в «Звезде» появился журнальный вариант романа «Некрасов». А еще в обновленной квартире нас ждал кот Муфтий, которого тете Леле привезли с Большой земли. Мы же из медицинской среды попали в среду писателей и журналистов.

Коля (Н.Н. Взоров) с двоюродной сестрой Ниной. Лисий Нос (под Ленинградом). Лето 1938 г.

Ленинград. Август 1944 г.

Два раза в неделю тетя Леля брала нас с собой в ресторан «Северный» на Садовой. В этом ресторане тогда кормили обедами ленинградских писателей, там мы впервые увидели Ольгу Берггольц с мужем Юрием Макогоненко, писателя Меттера с очаровательной молодой женой балериной Мариинского театра Ксаночкой, поэта Михаила Дудина и поэтессу Елену Рывину – тети Лелину подругу, к которой мы позже пристали с просьбой сочинить для нас стихи. В сквере Михайловской площади на скамейке стихи были написаны:

Чтобы было больше хлеба тем, кто был тогда в бою,
Нина с Колей в дни блокады жить уехали в Шарью.
А окончилась блокада, перестал летать снаряд –
Нина с Колей очень рады, прибывают в Ленинград.

Здесь у них – один знакомый, всем известный с давних пор:
Дядя Сема, папа Сема, замечательный майор.
С ним и штатская, другая, – и весьма знакомый вид.
То «Некрасова» терзает, то над «Башнею» гремит.

А за это время город интересен стал, не прост.
Есть «Багдадские в нем воры», весь он «Джунглями» оброс.

Есть в нем «Северный», в котором к чаю булочки несут
И в котором Коля Взоров ищет Муфтию колбасу.

Есть в нем Лена, поэтесса, безусловно, парень свой.
В общем, город интересен, если дети с головой.

Город, действительно, был интересен. Кое-где попадались дома, разрушенные снарядом или авиабомбой, но полностью сохранилась великая архитектура Ленинграда. В кинотеатрах шли цветные фильмы «Джунгли» и «Багдадский вор». В этот ленинградский период я впервые увидел футбол на стадионе «Динамо», где играли ЦДКА (Москва) и «Зенит» (Ленинград). И с тех пор болею за армейцев и сочувствую «Зениту». Учеба в школе была отмечена несчастным случаем, характерным для войны. Во время урока ученик нашего класса с помощью маленьких ножниц пытался разорвать запал от гранаты, но раздался взрыв. Ножницы и другие осколки попали ему в живот, а его сосед был ранен в лицо.

Дома мы начали выпускать нашу газету «Ленинградец», где описывалась как наша семейная жизнь, так и мировые события. Вот пример названий передовых статей: «Великие победы»; «Фронт и тыл»; «Да здравствует Сталинская конституция»; «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне». Приближалась ПОБЕДА. Я в своем дневнике описал этот день так: «9 мая 1945 г. я проснулся первый. Тетя Леля и дядя Сема уехали в редакцию. Мы бесились все утро, не спали с 3-х часов ночи. Тетя Леля и дядя Сема вернулись в 8 часов. Мне не верилось, что кончилась война. Ура!!! Наконец наступило мирное время. Вечером я один гулял на Дворцовой площади до половины двенадцатого. Был грандиозный салют. А днем бросали листовки с самолетов».

Глубокую благодарность шарьинцев за самоотверженный труд нашего деда, наших матерей во время войны мы почувствовали на себе, когда свершилось фактически чудо, и мы были приглашены в Шарью на празднование 50-летия Победы через полвека после нашего отъезда из Шарьи, где теперь существует улица Доктора Катерли.

---

* Елена Иосифовна Катерли (1902–1958) – советская писательница.

** Нина Семеновна Катерли (род. в 1934 г.) – прозаик, автор более 10 книг.

*** Лев Андреевич Арцимович (1909–1973) – выдающийся физик, академик, признанный мировой лидер в области исследований по управляемому термоядерному синтезу. Перед войной с И.В. Курчатовым в ЛФТИ изучает, в частности, закономерности поглощения медленных нейтронов ядрами различных веществ. В конце августа 1941 г. вместе с ЛФТИ эвакуировался в Казань. А в 1944 г. по предложению И.В. Курчатова привлекается к работам по Атомному проекту и переходит в Лабораторию № 2, ЛИПАН (ныне РНЦ «Курчатовский институт»). Л.А. Арцимович – один из основателей МИФИ, с 1945 г. профессор инженерно-физического факультета (№ 3) Московского механического института, ММИ (ныне НИЯУ МИФИ).

Послесловие

Мои записки «Из детства 1941–1945» не смогли бы появиться на свет без стимулирующего предложения об участии в сборнике, сделанного В.И. Наумовым – автором напечатанных в этом же сборнике воспоминаний.

В сентябре 1945 года мы с Володей Наумовым оказались учениками одного 4 «А» класса 315 московской школы. Меня сначала из Ленинграда на лето отвезли в Шарью, а затем в сентябре мы вместе с матерью вернулись в Москву. Володя тоже вернулся в сентябре в Москву, но за его плечами были фронт, оккупация, Западная Германия, где он трудился в качестве восточного рабочего, и директор нашей школы, как я узнал позже, строго-настрого запретил ему кому-либо рассказывать об этом, угрожая исключить из школы и направить в ремесленное училище. Но мир тесен, историю Володи Наумова я узнал из другого источника. Просто имело место почти невероятное совпадение. Отец Володи – Илья Кузьмич Наумов, был начальником управления детских домов Наркомпроса, а родная сестра моего деда, о котором я пишу, – Мария Константиновна Катерли являлась секретарем народного комиссара просвещения В.П. Потемкина, и ей была известна судьба детей Ильи Кузьмича – Володи и его сестры Майи. Как-то в школе я сказал Володе, что знаю его тайну, и это было поводом и началом нашей дружбы. Володя Наумов, оказавшись самым старшим среди учеников нашего класса, был одержим идеей «перепрыгнуть» через класс, т.е. после

4-го класса сразу поступить в 6-й. Это меня расстроило, так как у нас уже успели сложиться дружеские отношения, и мне не хотелось терять хорошего товарища. При этом план Володи удался, и он окончил школу на год раньше нас, в 1951 году с золотой медалью. Но наше взаимодействие и теплое отношение друг к другу продолжают уже много лет, от времени, когда десятиклассник у первокурсника выяснял, что такое производная и число e , до настоящего участия в этом сборнике.

Волков Ю.А. (род. в 1932 г.)

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СОРОКОВЫЕ*

Утро 22 июня 1941 года. Хорошо помню выступление по радио В.М. Молотова, известившего граждан СССР о вероломном нападении Гитлера на нашу страну. Я в это время находился вместе с двоюродными сестрами в деревне Спирово (станция Калиновка Павелецкой железной дороги), где наши родители снимали на лето комнаты в деревенских избах. Через несколько дней «сельский отдых» (для меня это были школьные каникулы после окончания первого класса) пришлось прервать и вернуться

в Москву, где уже готовились к налетам немецкой авиации и проводили учебные тревоги.

Первый налет на Москву немцы осуществили ровно через месяц после начала войны, а именно: в ночь с 21 на 22 июля. Когда налеты стали регулярными, нас отвезли подальше от Москвы в село Хатунь (станция Михнево Павелецкой железной дороги). Много позже я поинтересовался историей этого села, которое возникло в 12-м веке в излучине реки Лопасня и служило укрепленным форпостом сначала Рязанского, потом Новгородского и наконец, Московского княжества. По тем временам оно было весьма крупное, – в нем было построено пять церквей. В 18-м веке там находилось поместье графа Алексея Орлова. Постепенно однако, роль Хатуни как стратегического форпоста уменьшилась, – особенно после строительства в этом южном от Москвы направлении таких каменных городов-крепостей, как Кашира и Зарайск.

В Хатуни меня зачислили во 2-й класс сельской школы, но проучился я в ней всего две недели. Школу закрыли из-за стремительного наступления немцев на Москву. Пришлось вновь вернуться в

---

* Отрывок из книги «60 лет на кафедре электроники. О кафедре, о коллегах, о себе».

столицу, – в дом № 40 по Большой Татарской улице, где в 1934 году мои родители получили комнату в коммунальной квартире. Помимо нас там проживали еще три семьи. Но, вспоминая, жили весьма и весьма дружно.

Вскоре однако, выяснилось, что дом постройки начала 30-х годов плохо переносил бомбежки, стены его заметно колебались, настенные часы при этом всегда останавливались. Когда объявлялась тревога, многие жильцы дома спускались в его подвальное помещение, где было оборудовано небольшое бомбоубежище. Родители решили переправить меня в более, как им казалось, надежное помещение, – в мой родной дом на Дербеневской улице, где продолжали жить мои многочисленные родственники. Стены этого трехэтажного кирпичного дома постройки конца 19-го века были очень мощные. Хорошо помню, как вражеская бомба упала менее чем в 100 метрах от нашего дома, но он даже «не шелохнулся». Окна, конечно, были повреждены; в нашу спальню влетел осколок (размером примерно в 10–12 см) и застрял в противоположной от окна стене. Родственники много лет сохраняли его «на память», – даже после поклейки новых обоев. Много позже, когда был студентом и изучал сопромат, я пришел к выводу, что строители 19-го века практически не пользовались громоздкими формулами сопромата, а строили дома «на глазок» – с очень большим запасом прочности.

Когда родители решали вопрос о моем переезде с Большой Татарской на Дербеневскую улицу, они говорили еще о более надежном (глубоком) бомбоубежище, которое стало функционировать между улицами Дербеневской и Летниковской. Основу бомбоубежища составлял туннель между строящимися станциями метро «Павелецкая» и «Автозаводская». На уже проложенных рельсах были сооружены деревянные настилы (их называли нарами), на которых спускавшиеся почти по вертикальной шахте, в основном дети и пожилые, пережидали вражеские налеты. Бомбоубежище было радиофицировано и все с нетерпением ожидали, когда объявят: «Угроза воздушного нападения миновала, – отбой». Многие «закрепляли» свои места на нарах, оставляя одеяла, подушки, телогрейки и прочее до следующей тревоги.

Вражеские летчики сбрасывали большое количество листовок, призывавших москвичей прекратить сопротивление и обещавших хорошую жизнь после оккупации. Руководством Москвы настоятельно рекомендовалось уничтожать листовки на месте: сжигать их или выбрасывать в урны. В течение нескольких дней была проведена акция по сдаче в специальные пункты всех имевшихся у москвичей радиоприемников, естественно, чтобы никто не слушал вражеские голоса.

Практически единственным источником оперативной информации для населения была городская радиосеть, по которой несколько раз в день в сводках «от советского информбюро» поступали все более тревожные сообщения... После этих сообщений, как правило, шли уверенные комментарии на тему, что наступление немцев скоро будет остановлено, что Москву немцам не сдадут, каждый день звучали патриотические песни, среди которых чаще других исполняли замечательное произведение А.В. Александрова – песню «Священная война».

Если взрослые позволяли себе рассуждать, когда же закончится наше отступление, что же будет с Москвой, то в рядах моих сверстников таких разговоров и сомнений не было, – конечно же, скоро немцев остановят и, конечно же, Москву не сдадут!

Мы – школьники – были рады, когда нам давали «важные» поручения (например, осматривать окна близлежащих домов на предмет их маскировки). Несмотря на многочисленные обходы, мы так и не смогли обнаружить свет в окнах. Это означало, что москвичи очень серьезно относились к светомаскировкам.

По радио несколько раз объявляли о поимке немецких диверсантов и их пособников, которые забирались на крыши домов и подавали немецким летчикам световые сигналы. В Москве организовывались специальные отряды, которым поручались регулярные осмотры чердаков и крыш: их членов обучали борьбе с зажигательными бомбами («зажигалками»). На крыши забрасывали песок, лопаты, резервуары с водой и пр. Мы сожалели, что школьников к этим работам не допускали. Исключение делали только старшеклассникам, и то только тем, кто до войны гонял голубей и хорошо ориентировался в чердачных помещениях. Среди них был и мой двоюродный брат Шура – на шесть лет старше меня. В 1944 году

он был призван в армию, но с войны не вернулся – погиб под Кенигсбергом за две недели до Дня Победы.

Сохранил в памяти тревожные октябрьские дни 1941 года, когда немцы совсем близко подошли к Москве. На многих улицах расставляли «ежи», сделанные из рельсов, проволочные заграждения, сооружали баррикады из мешков с песком. Баррикады строились очень быстро – максимум за два дня. Хорошо помню строительство баррикады, перегораживающей Жуков проезд между химзаводом и нашим домом, который был угловым, его окна выходили как на Дербеневскую улицу, так и на Жуков проезд. Баррикаду строили люди в телогрейках, скорее всего добровольцы, но командовал военный. До сих пор помню его суровое лицо и громкий голос. Вспоминаю, как он убедительно рассуждал вслух, что если немцы прорвут нашу оборону, то это случится со стороны железнодорожных путей Павелецкого направления. И хотя баррикада была «двухсторонняя», давал указания укреплять преимущественно ту ее сторону, которая смотрит на эти пути.

Школьники были рады, что их допускали к строительству баррикады. Наша роль заключалась в разгрузке мешков с грузовиков и подтаскивании их к строящейся баррикаде. К концу второго дня заграждение с большим количеством окон (амбразур) для ружей и пулеметов было построено; оставили только небольшой проход для людей, который должен был быть перекрыт в самый «последний момент».

Самым тревожным днем для москвичей был день 16 октября. С раннего утра многие москвичи – кто пешком, кто на машинах – стали покидать город. Накануне населению стало известно о решении Правительства эвакуировать на восток наркоматы (сейчас – министерства), посольства и т.д.; на заводах и фабриках стали минировать цеха, жечь документацию. По Москве распространялся слух, что Сталин серьезно рассматривает «вариант Кутузова».

Я стал свидетелем того, как два грузовика с людьми и их вещами (мешками и чемоданами) были остановлены другой группой людей, которые очень агрессивно стали стаскивать тех, кто находился в машине. Вечером мне родители пояснили популярно, что в грузовиках, принадлежащих заводу, находились беглецы-паникеры, а те, кто им перекрыл дорогу, – члены создаваемых добровольных отрядов, борющихся с паникерами.

Днем 16 октября по радио выступил председатель Моссовета и объявил, что Сталин в Москве, руководит обороной и сдавать столицу немцам не собирается. Это заметно успокоило москвичей. Через несколько дней ГКО (Государственный Комитет Обороны) ввел осадное положение с чрезвычайными мерами по охране порядка. И действительно, практически сразу эвакуация населения и предприятий приняла организованный характер.

Как известно, 5 декабря наша армия пошла в контрнаступление, количество вражеских налетов заметно уменьшилось.

Хорошо помню январские дни 1943 года, когда на улицах стали появляться советские военнослужащие в погонах. Это выглядело очень необычно, так как в сознании многих глубоко укоренилась мысль: если военный (например, в кинофильмах) в погонах, – значит, враг (белогвардеец), наши же (в Красной Армии) носили петлицы. Но к этому новшеству быстро привыкли.

Сохранил в памяти первый салют в Москве, который состоялся 5 августа 1943 года. Он был дан в честь победы наших войск на Курской дуге, освобождения Орла и Белгорода. Я наблюдал его с балкона 4-го этажа нашей квартиры на Большой Татарской улице. Салют был очень красивым: помимо фейерверков, были использованы трассирующие пули. Но последние, возможно, были источниками каких-то неприятностей и по решению Московских властей в последующих салютах их не использовали.

Ну а самым запоминающимся днем был, конечно же, День Победы. Ни до него, ни после я не видел в жизни такого количества радостных и улыбающихся людей, как 9 мая 1945 г. Ближе к вечеру в Москве стали стихийно образовываться потоки людей, направлявшихся в центр столицы. Я со своими сверстниками из 5 «Б» класса 526-й школы по маршруту Новокузнецкая–Пятницкая улица добрался до Балчуга, где мы растворились в людском потоке, штурмовавшем Большой Москворецкий мост. То, что происходило 9 мая и в ночь на 10 мая, газеты называли народным гуляньем.

Война принесла много бед нашему народу, наверное, не было ни одной советской семьи, которая не понесла бы потерь. Это коснулось и моих близких родственников.

В конце войны в апреле 1945 года под Кенигсбергом погиб мой родной дядя – Волков Николай Александрович. Долгое время не удавалось узнать подробности этого печального события. Но пару лет назад его дочь Людмила побывала с мужем на Кенигсбергской (ныне Калининградской) земле и сумела отыскать братскую могилу, где захоронен ее отец. Поиски осложнились, в частности, тем, что в упомянутой битве погибло много воинов с фамилией Волков.

Другой мой дядя, Николай Александрович Краснов (которого я упомянул выше), в начале войны вступил в московское ополчение и с боями прошел до Курской дуги, где под знаменитой Прохоровкой получил тяжелое ранение и в дальнейшем не смог участвовать в боевых действиях. В 1944 году он проводил на фронт своего сына Шуру, который погиб в конце апреля 1945 г. Известие о его гибели пришло уже после 9 мая.

Младший брат Н.А. Краснова – Дмитрий Александрович – не вернулся с фронта, как выяснилось много позже, он не доехал до фронта. Состав, который направлялся на Запад, попал под обстрел немецкой авиации, было много жертв, среди которых и мой дядя Митя. Он был геологом и, помню, много рассказывал о своей интересной профессии.

Муж моей тети Никулин Алексей Иванович прошел с войсками от Москвы до Курска, где попал в госпиталь, но вылечить его от крупозного воспаления легких не смогли, тогда еще не было антибиотиков.

Не вернулся с фронта и отец моей будущей жены – Золотов Георгий Феофанович. Война застала его с семьей в пограничном го-

роде Белостоке (сейчас это территория Польши), где он проходил службу в рядах Красной Армии. В первый же день войны ему удалось посадить жену (мою будущую тещу – Елену Васильевну) и дочь (мою будущую супругу) на отходящий в Москву товарный состав, сам же оказался на передовой. С тех пор никаких известий о нем не поступало. На многочисленные запросы приходил один и тот же ответ – пропал без вести. Спустя много лет мы с женой сделали попытку прояснить судьбу моего тестя уже на территории Польши. Связавшись с организацией, которая занимается поиском павших на ее территории советских воинов, мы попросили оформить нам приглашение, что и было сделано с их стороны. В Белостоке нас встретил очень доброжелательный сотрудник этой организации – белорус по национальности. Он показал нам некоторые архивные документы и вместе с нами побывал на двух кладбищах, где захоронены бойцы Красной Армии.

Посещение Польши оставило двоякое впечатление. С одной стороны, приятно было сознавать, что в этой стране есть люди, которым небезразлична судьба солдат-освободителей, но с другой... Перед тем как отправиться в Белосток, мы ознакомились с красочными брошюрами этого города, на всех мы видели памятник (скульптурную композицию) советским воинам, воздвигнутый в центральном парке города. Но когда приехали в Белосток, памятника на месте не оказалось. По решению властей города его перенесли на окраину, в лесную зону. Мы, конечно, памятник разыскали, но он был в плачевном состоянии... Мы откопали и привезли в Москву отросток магонии, которая хорошо прижилась и разрослась на наших шести сотках. Каждое лето этот куст напоминает нам о поездке в Белосток, а главное, о драматических днях июня 1941 года на Белостокской земле.

P.S. В 2022 году Юрий Алексеевич издал книгу «70 лет в МИФИ. О кафедре электроники, о коллегах, о себе», посвященную 80-летию университета. В этом труде автор рассказал о своей жизни и работе в ядерном университете, охватив воспоминания за 70-летний период, начиная со студенческих лет. Книга представляет собой важный исторический документ, в котором Юрий Алексеевич подробно описывает развитие кафедры электроники, делится личными впечатлениями и опытом, накопленным за долгие годы работы и обучения в МИФИ. // Волков Ю.А. 70 лет в МИФИ. О кафедре электроники, о коллегах, о себе. – М.: НИЯУ МИФИ, 2022. – 320 с.

Власов В.А. (род. в 1941 г.)

ВСПОМИНАЯ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Родился я 31 июля 1941 года на Урале во время эвакуации нашей семьи в годы войны. Семья состояла из шести человек: трое детей, отец, мать, бабушка. Вернулись в Москву в 1946 году. Во время эвакуации с трехлетнего возраста я находился в детском саду. Помню пленных немцев, которых проводили по городским улицам (на место работы и обратно). Они выпрашивали у населения молоко и другие продукты. Других воспоминаний нет.

Гаврилов Н.М. (род. в 1934 г.)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ОТ ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Приближается 70-летие Великой Победы в страшной войне 1941–1945 годов. (*прим.: воспоминания готовились к изданию в 2015 г.*)

Позвонил В.И. Наумов, профессор МИФИ, бывший малолетний узник фашизма, и попросил поделиться своими впечатлениями о тех незабываемых днях, добавив, что мы теперь самые «ветеранские» люди и можем кое-что вспомнить про нашу жизнь в тот период. Начну по порядку, стараясь придерживаться различных дат и вспоминая свои переживания.

22 июня 1941 года. Полдень. Мы с моим отцом Михаилом Семеновичем Гавриловым вышли из небольшой рощицы, расположенной на поле деревни Хлопенево, в которой родилась моя мама. В рощице отец собирал только-только появившуюся землянику, а я ее с большим аппетитом уплетал.

Деревня пролегла приблизительно в 50 километров от Москвы в северо-восточном направлении.

До Хлопенева мы обычно добирались сначала на электричке до Софрино, далее по проселочной дороге пешком около 15 километров. Один раз с дедом мы ехали домой два дня, заночевав в деревне Бортнево, которая расположена в 7–8 километрах от Хлопенева.

Но вернусь в 41-й год. Солнце стояло в самом зените, жарило хорошо, поэтому у нас было большое желание поскорее спрятаться куда-нибудь в тень.

Подходим к окраине деревни. Из первого дома вылетает знакомый отца и почти кричит: «Миша, война!». Мы остолбенели, застыв на солнце. Отец быстро пришел в себя, взял меня за руку, и мы быстро зашагали к дому деда Прохора и бабы Груши, в котором остановилась наша семья.

Дома уже все слышали выступление В.М. Молотова, в котором он сообщил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину – Советский Союз. У всех присутствующих чувство-

вались напряженность и растерянность, никто никак не мог сообразить, что же делать дальше? Первым в руки взял себя отец, заявив, что они с мамой завтра должны ехать в Москву.

Мы же с братом Львом, которому в то время было неполных 14 лет, а мне немного не хватало до семи, должны остаться в деревне.

Наутро наши родители уехали в Москву. Начались тревожные будни, немцы стремительными темпами рвались к столице. Приблизительно через месяц по ночам над нашей деревней стали пролетать немецкие самолеты, чтобы бомбить Москву. Почему через нашу деревню? Короче было бы нападать напрямую с запада, а не с северо-востока. Ответ прост: на западном направлении была организована система ПВО, а с ярославского направления ее не было, или была, но не очень плотная.

Почти каждый вечер в направлении Москвы стало видно зарево. Приехавшая мама рассказала, что это от пожаров, возникающих из-за бомбежек, а самое большое зарево было от горящего Зацепского рынка, недалеко от того места, где мы проживали.

Обстановка становилась все напряженнее и напряженнее. Через деревню в восточном направлении потянулись обозы беженцев, стада колхозной и домашней скотины. Зачастила военная техника. Стали доходить слухи, что фашисты хотят окружить Москву, поэтому их передовые части могут пройти через нашу деревню раньше, чем через столицу. Посоветовавшись с родителями, мама приняла решение нам троим выехать домой в Москву. Дед нагрузил нас, вернее маму, картошкой, квашеной капустой и с болью в сердце проводил нас до леса у реки Нагуши.

Вспоминая то время, до сих пор не могу понять, как мама смогла пройти 15 километров до железно-дорожной станции Софрино и донести мешок, не менее 50 килограмм картошки и 10-килограммовое ведро квашеной капусты.

В другой раз она с таким же мешком ехала на подножке поезда. Тогда закрывающихся дверей на поездах не было.

Приехав в Москву на Ярославский вокзал, мы на метро добрались до станции «Парк культуры» поскольку другого пути не было, поскольку кольцевое метро еще не было построено. Далее сели на троллейбус «Б», чтобы переправиться через Крымский мост. Самостоятельно перейти по нему мы не могли, он был заминирован.

Троллейбус довез нас до Павелецкого вокзала, откуда до нашего дома было рукой подать. Те тридцать минут ходьбы мы шли с огромным напряжением, с опаской вглядываясь вперед, постоянно задавая себе вопрос: «Цел ли наш дом, не разбомблен ли он?»

Совсем забыл: когда мы спустились в метро, объявили воздушную тревогу. Во время войны метро служило хорошим бомбоубежищем. Народ стал в него спускаться. Место было ограничено, поэтому для размещения использовали проезжую часть на путях, предварительно отключив электроэнергию. Обычно туда не направляли спящих и пассажиров с грудными детьми. Чтобы нас не загнали в тоннель, брат приказал мне немедленно заснуть. Можно было не приказывать: после такой изнурительной дороги я мгновенно заснул богатырским сном.

До нового 1942 года мы находились в Москве, когда враг подошел совсем близко к городу и началась паника.

Мы жили в доме ИТР кожевенной промышленности, в котором проживали люди преимущественно одной национальности. Так вот, 16 октября 1941-го все они, побросав вещи и документы, бежали из Москвы. По рассказам моего брата, работавшего тогда на кожевенной фабрике имени Парижской Коммуны, можно было прийти на работу в старых и изношенных ботинках, а уйти в новеньких.

Директор фабрики Ритман подогнал к входу на фабрику 5-тонный грузовик, заполненный домашней утварью, и бегал по территории, отдавая последние распоряжения. Паника и хаос шли уверенной походкой. В это время на фабрике появились сотрудники НКВД, располагающие чрезвычайными полномочиями. Увидев совсем растерявшегося директора, они взяли его под белые ручки и, угрожая пистолетом, приказали показывать, что надо грузить в первую очередь для отправки в Свердловск, где через два месяца необходимо запустить производство обуви. Если этот приказ не будет выполнен, – расстрел.

Позже дошла информация, что директор выполнил этот приказ в установленные сроки наладил производство обуви для фронта на Урале.

В один из вечеров забежал отец, мама его быстро покормила, и он, не теряя ни минуты, помчался на службу по линии ПВО. Не успел он далеко отойти от дома, как в том направлении, куда отец

направился, раздался мощный взрыв. Хорошо, что мама завесила окно ватным одеялом, иначе все стекла полетели бы в нас с братом. Свет погас. Мама с кухни кричит: «Лев, бери Кольку на руки, и спускайтесь в убежище!» Убежище находилось в подвале под нашим домом. Подбежал Шурка Платонов, приятель брата, подхватил меня и понес в убежище. Выйдя на крыльцо, мы увидели прямо над нами немецкий самолет с крестами на борту, летящий на высоте пятидесяти метров.

Чуть позже в деревне я оказался почти в такой же ситуации.

Я находился на усадьбе деда, где накануне вырыли убежище, накрыв его бревнами и засыпав толстым слоем земли. Метрах в семидесяти надо мной пролетал самолет с крестами, летчик из кабины смотрел на меня. Я застыл, не зная, куда мне бежать, то ли в избу, то ли в убежище.

Если бы летчик хотел меня расстрелять, он сделал бы это безо всякого сопротивления. Вероятнее всего, я для него не представлял никакого интереса. Позднее я догадался, что он искал пушку, которая размещалась в роще на колхозном поле.

При налетах на Москву немецкие самолеты пролетали над нашей деревней, а пушка, ведя по ним огонь, кого-то зацепила.

Вернусь, однако, в Москву, после того, как мы оказались в подвале.

В убежище мама не находила себе места: не случилось ли чего с отцом? Обращается ко Льву: «Сходи, посмотри, не произошло ли что с отцом, он ведь пошел в ту сторону». Лев ушел, минут через десять возвращается, рассказывает: «Отца не нашел, видел сраженную взрывной волной пару молодых людей и бабушку». Бомба попала в угловой дом по 1-му Кожевническому переулку. Под утро мы поднялись в нашу комнату. Мама успокоилась только тогда, когда увидела на пороге отца. Вид у него был осунувшийся, запыленный. Он поведал нам, что когда подходил к массивным кирпичным воротам дома, услышал вой падающей бомбы. Только успел крикнуть: «Ложись!», а сам плюхнулся на землю. От взрыва меня немного развернуло. Я быстро вскочил и побежал на пост ПВО, чтобы доложить, в каком месте разорвалась бомба.

Позже выяснилось, что в дом попала 200-килограммовая бомба, от которой во дворе дома осталась огромная воронка.

Должен отметить, что разорвавшаяся бомба упала до предварительного объявления воздушной тревоги, поэтому мама решила, что по вечерам мы будем спускаться в убежище без объявления воздушной тревоги.

Однако для нормального сна в подвале условий никаких не было, а Лев уже пошел работать, поэтому за ночь он не выспался. Говорит нам: «Вы как хотите, а спать я пойду домой». Прошло несколько ночей, во время которых мы с мамой ютились в подвале, а Лев – в комнате. Мама говорит мне: «Если в дом попадет бомба, то Лев погибнет наверняка, а мы с тобой можем остаться в живых. Пусть уж убьет всех...». И мы перестали спускаться в убежище.

Обстановка в Москве накалялась, по городу стали расхаживать немецкие лазутчики. Рассказывали, что недалеко от Павелецкого вокзала патруль остановил мужика в кепке и демисезонном пальто. Когда человек распахнул пальто, под ним оказался немецкий военный китель с фашистскими орденами и медалями. Немчура уже нагло представляла падение столицы, но сильно просчиталась. Красная Армия во главе с тов. Сталиным стала насмерть, но не пропустила врагов в Москву, хотя и были они от нее в 30–40 километрах. Первая декада декабря 1941 года запомнилась на всю жизнь.

5-го декабря военные, разместившиеся в деревне Хлопенево, в избе деда Прохора и бабы Груши, на своих машинах переправили всю мою родню к нам, в Москву. Самый главный из военных прямо сказал бабушке: «Мы уверены, что боев в деревне не будет, но на всякий случай давайте перевезем вас к родственникам в столицу».

Почти все приехавшие легли в коридоре, меня, как самого маленького, положили на обеденный стол в комнате. Дедушку и бабушку мама уложила на свою постель, Лев разместился на диване.

Поздно вечером из черной тарелки радио раздался запомнившийся навсегда голос Левитана: «Наши войска отбросили немецко-фашистских захватчиков от стен Кремля на 30–50 километров. Смерть немецким оккупантам!»

В 1942 году мама отвела меня в первый класс школы № 520, в котором я учился вместе с Еленой Горчаковой, будущей обладательницей бронзовой медали по толканию ядра на XV летней Олимпиаде в Хельсинки.

Маме пришлось отводить меня в школу еще раз, поскольку с подачи приятеля брата, Сергея Козлова я в школу не пошел, соглашаясь с ним, что это делать необязательно.

Узнав про мои «подвиги», мама крепко поговорила со мной, после чего я наотрез отказался идти в школу без нее.

В этой школе я проучился всего год, так как со следующего года она стала женской в связи с введением раздельного образования.

Мальчиков перевели в мужскую неполную среднюю школу № 527, из которой после седьмого класса я перешел в школу № 525, по окончании которой был ММИ, предшественник МИФИ.

Не могу ни отметить, что в первые месяцы войны погибли почти все юноши с нашего двора, родившиеся в 1922 году.

Исключение составили Лев Журавлев и Виктор Адамский.

Первый был ранен и попал в госпиталь, позже стал известным судьей по футболу и хоккею с шайбой.

Второго после окончания физфака МГУ распределили в закрытый город Арзамас-16, где он принимал активное участие в атомном проекте нашей страны по созданию атомного оружия.

Жизнь протекала своим чередом: учеба в Москве, каникулы в деревне.

Когда стали производить салюты в честь освобождения от фашистов наших городов, мы ездили на Красную площадь или на мост через реку Москву рядом с Кремлем и храмом Василия Блаженного.

Особенно запомнился салют Победы 9 мая 1945 года.

Его я смотрел, пристроившись на прожектор, освещавший вместе с другими небо над Красной площадью. Прожектор стоял рядом с Историческим музеем. Незабываемое зрелище!!!

В военном дворе

В тревоге застыли
Подруги и жены:
Усталой походкой
Пришел почтальон.
Он знает уже,
Кому похоронки,

Не в силах назвать
Он погибших имен.
Ему бы скорей
Исчезнуть отсюда,
Не слышать
Рыданий и слез.

Но горестный крик
Наполнил округу.
Тот крик
Молодой вдовы.
Еще ведь утром
Была женою,
И в сердце розы цвели!
Убитая горем
Пошла к сиротам,
И горькие слезы
Пропали тотчас...
Кому они нужны,
Детишки родные,

Кто будет отцом
Им сейчас?
Потом оглянулась:
Подруга прижала юнца,
И сердце снова заньло:
Она ведь растит бойца.
И в трудный момент
Для нашей Отчизны
Скажет простые слова:
– Иди, сынок,
И громи жестоко
На нашей границе врага!

12.12.2014 г.

Битва за Москву в 41-м

В суровом 41-м за Москву
Мальчишки, сплошь безусые, стояли.
И знали, за нее умрут.
На лицах не было печали.

В глазах не поселился страх,
А желваки играли на лице,
Лишь помнили они о матерях
И девушках, приснившихся во сне.

А враг матерый, наглый и хмельной
По зову фюрера попер на нашу землю.
Забыл, что в жизни русский – не герой,
В бою же шаг назад, не внемлет!

В начале декабря – шестого
Отбросили фашистов от Кремля,
Хотя ребят и положили много,
Они лежат в земле не зря!

С их подвига пришла и к нам победа,
Но до нее нам было далеко:

Врага погнали мы жестоко, не без следа:
Увы, досталось это не легко.

Засыпали Россию похоронки,
Но разве войны обходились без них.
Как ни были б успехи стойки,
В потерях узнавали мы своих!

Родителей, соседей и знакомых,
А в общем-то, совсем простых людей.
Россия! Не суди их строго:
Не будет больше тех парней.

Другие строй сомкнут, как должно,
Решительные, твердые во всем:
За Родину им жизнь отдать не сложно
И все им будет нипочем!!!

24.11.2005 г.

Салют Победы в 45-м

К нам пришел великий праздник
Победы в той отчаянной войне,
Когда в Берлине над рейхстагом
Алело знамя в вышине.

А в сердце месть, как буря, клокотала:
Все помнила пожары и бомбежки.
Матрацы на деревьях колыхались,
Морщины пролегли у всех, как стежки.

В Кожевниках горело все, что можно.
И небо наполнилось крестами.
Прожектора сверлили их лучами.
Представить ту картину очень сложно...

Замоскворечье, полное заводов,
В которых женщины без света
Ковали смерть коварному врагу
Весь день с утра до самого рассвета.

Начало ноября: Москва в осаде,
Но Сталин не покинул стольный град,
Отдал, назло врагу, свою команду:
Провел под носом у него парад!

И, стиснув зубы, армия погнала
Фашистов от родной Москвы.
Она их била и топтала,
Свободу добывая для страны.

Москва все чаще запускала
В ночное небо праздничный салют,
И с ней страна все чаще ликовала,
И гордость в нас нашла приют!

Салют Победы после страшной бойни
Я наблюдал у стен Кремля,
Светлее праздника я в жизни
Не видел больше никогда!

29.04.2010 г., закончено вечером 5-го Мая.

Слезы войны

Мне не хочется помнить войну:
Это страшное, страшное время,
Брат с отцом ушли на фронт,
Мы же с мамой тихо ревели.

Но до этого были бомбежки,
Звон разбитых окон, вой сирены.
В октябре растерянность многих,
И метро, надежда спасенья.

От крестов в небе люди сжимались,
Зажигалки в бочки швыряя,
От разрывов и дыма страдая,
И детей к себе прижимая.

Тяжко, тяжело было смотреть
На матрацы, висящие в небе:
На деревьях, продолжавших гореть,
На следы этих страшных метелей.

Помню липкий во рту запах,
В небе крест как коршун висит.
Я сжимаюсь: ... у летчика ... в лапах,
А сердце не бьется, стучит.

Куда деться от этой напасти,
Где спрятать свои страх и беду?
В блиндаж или в дом: я у смерти во власти,
Неужели сейчас я умру?!

Но нет, в этот раз смерть меня миновала:
Искала она орудийный расчет,
Который в осиновой роще ночью
Открыл для врага смертный счет!

Теряясь в ночи в беспокойных догадках,
Глядя на кровавый закат,
Лелея надежды: не наши ль кварталы,
Не наши ль зловеще горят...

Дед Прохор и бабушка Груша
Всех нас прикрыли собой,
Зарезали хряка – вот это туша,
Устроили пир горой!

Мне не было тогда и десяти,
Опасности дети не чувят:
Тягости жизни нести?
Родичи нас балуют...

Вот и самый жирный кусок
Нам за столом достался,
Поровну всем, тогда ж невдомек,
Как дед этим всем любовался!

Когда приезжаем мы на погост,
Где мама с отцом, нашим дедом,
Лежат уж давно, много лет,
Погост остается нам следом!!!

Туда приезжаем мы на отчет,
Сказать, что живем достойно,
Туда нас что-то влечет,
Сказать, чтоб лежали спокойно!

Мы память о них свою сохраним
Пока еще сердце бьется,
Пока еще в мыслях по жизни летим:
Энергия в нас остается!

И лучше бы не было войн:
Зловещих, тяжелых, ужасных,
На братских могилах был бы покой,
И мир оставался прекрасным!

На сердце война оставила след,
И льются слезы на щеки,
Они, как ранний весенний букет,
Они, как сердечные еки!

Слезы войны не уйдут никуда:
Жить с нами будут вечно,
Хоть сердце защемит у нас иногда,
Пусть лучше стучит бесконечно!

Товарищ! Наполним бокалы скорей
И вспомним ушедших на небо.
При рыках войны ветеран не робей:
Нам силушки больше треба!

20.12.2009 г.

Дмитренко В.В. (род. в 1940 г.)

ДЕТСКАЯ ПАМЯТЬ И СТРЕСС

Я родился в г. Белая Церковь Киевской области 18 февраля 1940 года, то есть за год и три месяца до начала Великой Отечественной войны, и именно день начала войны оказался моим первым детским воспоминанием о ней. Этот факт позже всегда вызывал удивление у моих родителей и бабушки с дедушкой, но когда я называл некоторые детали, сомнения рассеивались. Перед ребенком в раннем возрасте проходит масса событий (информации), о которых в его памяти не остается и следа, но, очевидно, в стрессовых ситуациях эта информация фиксируется каким-то особым образом. Из воспоминаний раннего детства, кроме дня начала войны, у меня в памяти осталось еще несколько воспоминаний. Возможно, психологи давно объяснили этот феномен, но я никогда не задумывался об этом с научной точки зрения. Но вернусь к моему первому впечатлению военных лет.

Мой отец, Дмитренко Василий Николаевич, после окончания Харьковского военного училища в 1938 году был направлен в г. Белая Церковь, где и познакомился с моей будущей мамой Мельниченко Валентиной Емельяновной, которая только что начала работать фельдшером после окончания медицинского училища. Вновь созданная семья жила в доме бабушки и дедушки на окраине города. Вскоре после моего рождения, отца перевели в город Ковель, на границу с Польшей, и молодая семья переезжает туда. В день начала войны в Ковеле оказались и родители мамы, которые приехали навестить нас. В этот же день отец сумел отправить нас на восток, а именно в Белую Церковь. Наше пребывание на железнодорожной станции и осталось в моей памяти. Была ночь, небо прорезают прожектора, слышатся взрывы, большое количество поездов, заполнивших большой железнодорожный узел. Я на руках у бабушки, который, как потом говорили, считал самым главным сберечь внука. Кстати, уже 28 июня г. Ковель был оккупирован немецкими войсками.

Ни дорога в Белую Церковь, ни последующие несколько месяцев не оставили следа в моей памяти. Но по рассказам старших знаю, что после того, только стало понятно, что немцы скоро подойдут к городу, мой дядя Мельниченко Николай Емельянович – военный инженер, который работал на военном авиационном ремонтном заводе в г. Белая Церковь, отправил нас к родителям моего отца, которые жили в с. Рясное Харьковской области. На этот раз наша команда эвакуирующихся увеличилась: кроме мамы, меня, бабушки и дедушки, в нее вошли жена моего дяди – Мельниченко Валентина Александровна – и мои двоюродные брат и сестра.

Однако наше пребывание на Харьковщине было непродолжительным, и вскоре мы опять двинулись на восток. На этот раз к родителям жены моего дяди в г. Ак-Булак Кустанайской области. Всю эту экспедицию опять организовал мой дядя, воинская часть (завод) которого, к счастью, передислоцировалась в Харьков. От этой поездки у меня осталось второе врезавшееся в память впечатление. Это горы, которые я увидел вдалеке. Очевидно спокойный ландшафт Украины с ее бескрайними полями, небольшими пролесками стал для меня привычным фоном. А тут горы. Что это такое?

В Ак-Булаке мы жили до освобождения Белой Церкви и вернулись туда весной 1944 года, проделав описанный выше маршрут в обратной последовательности. Как говорили соседи, в нашей украинской мазанке под соломенной крышей жили немцы и, к счастью, ничего не сожгли. Хотя ореховые деревья в саду срезали на дрова. Жизнь начинала входить в нормальное русло: взрослые приводили все в порядок, дети играли. К сожалению, не все игры были безобидными. В один из дней меня не пустили гулять, так как я простудился, и у меня поднялась температура. Я сидел на подоконнике и с тоской наблюдал, как мои друзья в метрах ста от дома, усевшись в кружок, чем-то сосредоточенно занимаются. Вдруг раздался сильнейший взрыв. Я свалился с подоконника. От мальчишек, практически, ничего не осталось. Даже спустя многие годы все это очень тяжело вспоминать, но с точки зрения запоминания этого факта интересно, что в памяти осталось и то, что предшествовало взрыву. Взрыв этот мгновенный стресс зафиксировал в памяти всю эту информацию.

Начиная лет с пяти я помню более менее все, что происходило. И хотя следующий пример, касающийся детской памяти, относится к послевоенному периоду.

В 1946 году мы с мамой переехали к отцу. Военная часть, в которой он служил, стояла под г. Магдебург. Там уже работала русская школа, и детей военнослужащих возили туда на автобусе. Во время, свободное от уроков, я играл с немецкими мальчишками и довольно быстро научился говорить по-немецки. Уровень знания языка был такой, что отец иногда брал меня в качестве переводчика, когда была необходимость общаться с немцами. Но уже в 1947 году отца перевели в г. Калининград, и я никогда больше не говорил по-немецки и не изучал его. Очень быстро эти знания ушли, и сейчас я не могу произнести даже элементарной фразы или понять, о чем идет речь. Хотя иногда и задумываюсь, всплыло бы что-нибудь из памяти, если бы я начал изучать этот язык?

Возможно, в этих коротких воспоминаниях я больше акцентировал внимание на особенностях детской памяти, а не на тех трагических фактах, с которыми сталкивались дети войны. К счастью, их у меня было не так много.

К сожалению, и в наши дни много детей живут в условиях войны. Я с большим сочувствием отношусь к детям Украины, в первую очередь, Донбасса, для которых жизнь в наше «пресвященное» время стала сплошным кошмаром и стрессом. С большим трудом представляю, как это отразится на их психике.

Исаченко В.В. (род. в 1929 г.)

ДЕТИ ВОЙНЫ. НИКОЛАЕВ

В воскресенье 22 июня 1941 года уже с самого раннего утра стояла прекрасная погода: тепло, безветренно, аромат цветов, акации, свежая зелень кустов сирени в садике нашего двора по улице Мархлеского, № 42 города корабелов Николаев.

В 9 часов утра несколько жильцов из домов, расположенных на территории нашего двора, вышли сфотографироваться в нашем уютном садике. На фотографии крайняя справа в белом платье стоит моя мама Вера Григорьевна 1906 года рождения.

У всех на фотографии спокойные, без малейшей тени тревоги лица.

Все рухнуло в 11 часов, когда по радио выступил В.М. Молотов с сообщением о войне.

О жизни детей после 22 июня лучше всего рассказал (в будущем член Союза писателей) мой товарищ Эмиль Январев в своей статье, опубликованной в 1984 году в областной газете «Южная правда», фрагменты из которой я привожу ниже.

«22 июня наступило мое военное детство. Наступило оно и для меня, и для моих товарищей. Для Вали Исаченко, Алика Разумова, Толи Звягинцева, Шуры Пантуха из соседнего двора.

Начались воздушные налеты. Однажды над самыми крышами пролетел немецкий самолет с крестами на крыльях. Каково было наблюдать это пацану, недавно еще смотревшему с замиранием фильм «Истребители».

Радио предупреждало: «Внимание! Объявляется сигнал воздушной тревоги». Надрывалась сирена, женщины с детьми бежали в бомбоубежища, а мы забирались на крыши домов двора – вдруг упадет зажигалка.

Каждый день приносил новое. Напротив нашего двора остановился грузовик. В кузове сидели какие-то мужчины, их охраняли красноармейцы. Стало известно: поймали диверсантов.

В этот же день Алик Разумов сообщил нам, что завтра все мы выйдем на поиск диверсантов на Советскую (главная улица города). Мы не удивились, ведь в газетах изредка мелькали заметки о диверсантах, маскирующихся под мирных горожан.

Они были – факт, и с ними мы были готовились вступить в борьбу.

На другой день каждый из нас занял свой наблюдательный пост у кафе, кинотеатра и в других оговоренных местах.

Вдруг мы увидели стремительно идущих к нам Алика и Валю, они были сосредоточены, возбуждены.

– Кажется, нашли, – тихо сказал Алик.

Всей группой мы пошли к афишной тумбе, возле которой стоял мужчина и читал объявления. «Он уже 15 минут читает одно и то же объявление – сказал Алик, – ясно не знает русского, не наш человек». Кто-то подобрал брошенный мужчиной окурочек, на котором латинскими буквами было написано «Сальве».

Ага... Мы обратились к милиционеру, который выслушал нас, взял под козырек и сделал тайный жест рукой: мол порядок, исчезайте...»

Быстро прошел июль месяц, месяц очень тревожный: проходила эвакуация на восток заводского оборудования, специалистов, руководителей.

Оккупация для жителей города Николаев УССР началась в конце августа 1941 – после трех дней безвластия: как только наши войска ушли, начались погромы, мародерство, грабежи брошенных квартир, магазинов, складов. Вспоминает Валентин Владимирович Исаченко, 1929 года рождения.

Мы не уехали в эвакуацию, потому что моя мама, Вера Григорьевна (1906 г. р.), до войны – работник сберкассы, имела порок сердца и ехать не могла. Отец, Владимир Григорьевич (1902 г. р.), работник завода имени Наркома судостроения Носенко (довоенное название – «Завод имени Марти»), до войны работавший зам. начальника отдела материально-технического снабжения завода, ушел в ополчение: его вместе с другими заводчанами направили под Одессу рыть окопы и противотанковые рвы, где он и попал в плен. Отец вместе с группой мужчин бежал, и ему удалось в конце сентября вернуться в Николаев. Мы квартировали тогда на ул. Мархлевского, 42. В дни безвластия, в подозрительной тишине, я сидел на крыльце дома вместе с бывшим председателем ДОСА-АФ Николаевской области и членом облисполкома Матвеевым, которого наши оставили в Николаеве для налаживания подпольной работы. И каждый, кто проходил мимо с уворованным куском кожи или сукна, считал своим долгом оправдаться: мол, дети голые, босые, а тут все уже ничье. Помню, какие-то пареньки несли шпаги из спортивного магазина.

На вторые сутки наблюдения за ситуацией мой «старший товарищ» предложил сходить в центр города, набрать бутылок газированной воды («Нарзана», «Ессентуков»), соли и сделать запас... В центре города магазины все разорены, слышалась беспорядочная стрельба – пьяные матросы и солдаты расстреливали бутылки из-под шампанского... Хлопоты наши в конце концов оказались тщетными, вскоре прошли две волны профессиональных грабителей. Сначала «погорельцы», которые останавливались в покинутых квартирах богатых семей «пожить», а на следующий день их уже и след простыл вместе с награбленным добром, затем «беженцы» – шныряли везде и тянули все. Потом пришли фашисты, и оставшиеся «заначки» выгребли мадьяры, одетые в немецкую форму и при

оружии (в том числе и нашу воду). Последние грабили квартиры, невзирая на то, есть ли дома хозяева или нет.

Матвеев недолго оставался в городе. Поняв, что на него могут донести, и было даже понятно – кто, он уехал как-то ночью к своим родным, в область, на собственном мотоцикле с коляской. Через какое-то время стало известно, что Матвеев был схвачен немцами у родственников и расстрелян.

Через пару дворов от нас жил мой закадычный друг Шура Пантух. Дворы у нас располагались так: интернациональный – наш, еврейский, немецкий, еврейский и т. д., национальный вопрос не был проблемой – все жили рядом мирно. Отец Шуры был на фронте, а Шура, его мама и сестренка лет четырех-пяти эвакуировались, но недалеко. Их эшелон подбили немецкие танки под Херсоном, и они вернулись домой. Семья их была довольно зажиточная, детей баловали – самой потрясающей игрушкой у Шуры была железная дорога, конечно, не нынешняя, а около одного метра длиной, с паровозиком, тендером, вагоном, двумя семафорами. Помимо этого были и очень хорошие конструкторы. Я пропадал у Шуры с утра до позднего вечера.

Фрицы уже начали в городе наводить свои порядки. Когда я через несколько дней пришел к Шуре, его мама налетела на меня с руганью, в чем-то обвиняя. Последняя ее обидная фраза до сих пор стоит в ушах: «Чтоб ноги твоей здесь больше не было!». Дома я проплакал целый вечер, но на следующий день, после обеда, пошел-таки к Шуре – все переживал, как там мой друг. На стук никто не вышел. Соседи тихо сообщили: «Не ищи, их сегодня забрало ГЕСТАПО».

А еще через некоторое время всех арестованных евреев, собранных не только в городе, но и по области, провели громадной черной молчаливой колонной по Фалеевской (наш дом был угловой, одной стороной выходивший на эту улицу) – впечатление было жуткое. Впереди шли раввины в черном, и большинство людей было в черном, они несли с собой маленькие узелки, поскольку фашисты им сказали, чтобы взяли с собой самое ценное. Процессия долго тянулась по улице, затем перешла на мост через реку Ингул на противоположный от города берег реки, в местности именуемое «Тимвод». Расстреляли всех. Среди них и моего Шуру с сестричкой и их мамой, которая фактически спасла меня от расстрела, мы

ведь играли у них во дворе целыми днями, так что забрать всех могли одним скопом... Уже перед самым приближением наших войск, в 1944-м, фашисты начали сжигать тела расстрелянных в этих рвах. Невыносимый запах стоял в городе несколько недель. После войны стал известен только Бабий Яр, им в Николаеве был «Тимвод».

Однажды вечером очень взволнованным вернулся отец, и мы ночью перебрались на новое место жительства – улицу Маяковскую, поскольку папу случайно на улице перед этим встретил сосед-богач, некий Семенов, переметнувшийся в немецкие прихвостники, и пригрозивший сдать его как «недобитого жиденка» (у отца был нос горбинкой). Кстати, сразу после освобождения города, предателя Семенова расстреляли. Нашу семью приютила легендарная женщина, известная всему городу – Ксения Васильевна, бывшая дворянка, участница Первой мировой войны, сестра милосердия. Помню ее характерное для медицинских сестер строгое черное одеяние, юбку до земли. Как-то румыны – квартирмейстеры, служившие у немцем, – облюбовали один из флигелей усадьбы Ксении Васильевны, огороженной мощным сплошным забором. На высоких деревянных воротах перед входом во двор усадьбы, они написали крупными буквами, что здесь живет их генерал. Но поскольку он почему-то так и не появился, и не встал на постой, то почти до конца оккупации эта надпись служила нам охранной грамотой.

Постепенно все сильнее ощущалась нехватка нормальной еды. Отца его товарищи устроили на его же завод экспедитором: в его ведении были лошадь и телега (если бы он не нашел работу, то его его угнали бы в рабство в Германию). Мама ходила в немецкие казармы за картофельными очистками, из которых умудрялась делать картофельные котлеты. Главной пищей была мамалыга – каша из кукурузной муки. Меняли на еду вещи в окрестных деревнях, а когда этот источник иссяк – отправлялись на так называемый толчок менять что угодно на муку или на какую-нибудь крупу. Отец у меня хорошо рисовал маслом, и у меня были способности к рисованию, видимо, наследственные. Листы ватмана, которые как-то доставал отец, резали на маленькие прямоугольники. Я рисовал трафаретки: зверей, птиц, цветы, расписывал акварелью – получались открытки, которые пользовались спросом, потому что люди хотели

хоть какой-то красоты и радости в беспросветной жизни «под немцем». Что-то шло на продажу (рис. 1), но иногда я рисовал и для себя, в «свой альбом» (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

В городе, несмотря на отъезд Матвеева, заработало подполье. Собирались у часовщика Домершикова, чью жену-еврейку и двоих сыновей расстреляли немцы в 41-м. Эта неприметная мастерская стала явкой для подпольщиков. Время от времени они что-то взрывали, вредили фашистам, а те в отместку хватали на «толчке» 8 человек, первых подвернувшихся под руку, и вешали тут же, среди торгующих, на виселице в центре «толчка». Я каждый раз, когда мама уходила одна на рынок, очень переживал – вернется или нет, хотя женщин хватали редко. Так и жили: живые – внизу, мертвые – наверху. Очень помог отцу его знакомый, капитан сухогруза Тодор Михайлович Мортев. Фамилия Мортев с болгарского переводится как «смерть Турции». Эту фамилию его предку присвоил ее за героизм в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. болгарский царь. За первый год немецкой оккупации мы очень пообносились, а я еще и вырос – стал худым и длинным. А у Мортева в Болгарии был сын – мой одноклассник, вот Тодор и привозил раза три для меня вещи. Потом связь с ним оборвалась.

Чтобы меня не угнали в Германию (уже угоняли ребят 1927–1928 года рождения), меня устроили в 1943-м на завод учеником в столярный цех. Не помню, чтобы цех что-то делал для завода, но

такие изделия, как фанерные чемоданы и наборные шкатулки из различных пород дерева, перебрасывали через заводской забор, а там их кто-то подбирал.

В январе 44-го отец запретил мне выходить из дома, так как немцы готовились угнать в Германию всех работоспособных мужчин. «Валя рослый, его тоже заберут», – говорил он матери. Отец, а также главный инженер завода и еще один знакомый парень решили спастись, спрятавшись в подвал, из которого наружу выходило крошечное неприметное окошко для проветривания. Весной оно из-за растительности было совсем не видно снаружи. На люк, ведущий в подвал, мама набросала всякой рухляди. Поэтому наших мужчин не нашли. А всех, кого схватили, это было в конце февраля, погрузили на все имеющиеся плавсредства и отправили в неизвестном направлении. Никто из них обратно не вернулся. Мама мне пошила короткие штанишки с помочами, дала в руки игрушки, и когда приближались чужие, сажала меня на пол, дескать, мальчик болен – «с головой плохо». Через несколько дней к нам вдруг ворвались власовцы. Один из них с глазами налитыми кровью, минут пять изучал мою метрику, где были подчищены цифры. Потом выругался, швырнул метрику на пол и ушел, кто-то его позвал с улицы.

Но самое страшное воспоминание об этих годах связано с событием, произошедшим дней за десять до 28 марта 1944 – дня освобождения города Красной Армией. В начале марта, сломав ворота, в наш двор выехали два немецких бронетранспортера для перевозки пехоты с обслугой – около десяти фрицев. Они заняли все наши комнаты, а меня с мамой выгнали в прихожую, которая по площади была примерно четыре квадратных метра. В городе скопилось много немецких отступающих войск, так как они никак не могли переправиться через мост, через Южный Буг на Одессу – переправу все время бомбили наши, а ширина реки в этом месте около полутора километров.

Я всегда вспоминаю самоотверженность мамы, которая при наличии фрицев в доме могла жизнеобеспечить около четырех недель троих мужчин в подвале нашего дома. Где-то в середине марта выйдя из дома, я вдруг увидел свой недавно исчезнувший фонарик, который я хранил как зеницу ока всю войну (еще довоенный подарок отца!), висящий внутри кабины шофера БТРа – им

завладел водитель этой машины. Я так разволновался, раскричался, давясь текущими по щекам слезами: «Он украл у меня фонарь, он вор!» Собрались несколько фрицев, появился водитель этого БТРа, верзила двухметрового роста, с закатанными рукавами, которые обнажили сплошь заросшие рыжими волосками предплечья. Он выхватил из машины карабин, другой рукой схватил и бросил меня об стену дома, и начал перезаряжать карабин, готовясь расстрелять. На шум выскочила мама, буквально на рыжего, на его карабин, который ходил ходуном, не давая фрицу прицелиться в меня. Фриц отбивался от мамы ногами, остальные немцы гоготали, так как верзила не мог справиться с худой, среднего роста, русской женщиной. Первые минуты я как зачарованный следил за перемещением дула карабина, затем машинально сел, развернулся и ползком, на коленях добрался до угла дома, потом через забор в соседний двор, еще забор – следующий двор, на улицу, и помчался к моим бабушке и бабушке на окраине города, где меня и нашла мама, когда фрицы ушли.

А в подвале в это время разыгралась другая драма: мужчины слышали крик Веры Григорьевны (моей мамы), подскочили к духовому ходу-окошку, возле которого я как раз и стоял, ожидая выстрела; а отец полез по лестнице наружу – спасти сына и жену. Его едва успели оглушить и благодаря этой жестокой мере удержать в подвале, чтобы из-за него не погибли все. Когда отец вышел из подвала после освобождения города нашими войсками, его волнистые волосы оказались абсолютно седыми.

Наши войска освободили город 28 марта 1944 года. А еще в ночь на 26 марта в торговом порту, где находился самый крупный элеватор Советского Союза, высадился десант нашей морской пехоты в количестве 68 человек во главе со старшим лейтенантом Ольшанским.

Двое суток продолжались кровопролитные бои, в которых десантники отбили 18 вражеских атак, уничтожили 700 фрицев и удержали свой плацдарм до самого прихода наших частей. В живых из десанта осталось 11 человек.

Впервые в практике Великой Отечественной войны всем 68 десантникам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронили павших на центральной площади города – площади Ленина. В 1946 году на месте захоронения воздвигли памятник, фотографию которого привожу, а сквер за памятником назвали «Сквер десантников»

В первый-второй день после освобождения города всех мужчин мобилизовали и отправили на фронт. Отправили на фронт и Домержицкого. А через месяц мы получили похоронку на него. В первый же день и за отцом приехали военные и увезли его. Но на другой день он вечером появился – его назначили директором завода имени Косе Марти. Позже, когда начали возвращаться руководители завода, отца переместили на должность начальника отдела материально-технического снабжения.

Восстанавливать завод было невероятно трудно. При отступлении наши утопили плавучий док, и немцы не имели возможности даже отремонтировать свои корабли. Фрицы же, отступая, с немецкой аккуратностью, точно через каждый метр взорвали внутризаводские железные дороги, а их на заводе было много десятков километров. Но все было восстановлено!

Нынешний флагман Российского флота авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов», флагман Черноморского флота крейсер «Москва», как и крейсера «Киев», «Минск», и другие были построены на этом судостроительном заводе до перестроечного времени.

В первые дни освобождения города Николаева была проблема с питьевой водой, систему которой фрицы нарушили.

У меня и моего лучшего друга военных лет, Руслана, возникла идея заглянуть в бак водонапорной башни, показанной на фотографии. Забравшись на самый верх, мы обнаружили, что там более половины бака наполнены чистой питьевой водой, правда на дне бака лежали две большие мины, которые немцы не успели взорвать. Мы организовали группу пацанов, а кто-то принес ведра, веревки; 2-3 дня мы ходили «на работу».

Я и Руслан черпали ведрами воду, поднимали наверх, переливали в ведра нижестоящим, а те еще ниже, и внизу на земле женщины, налив в свои емкости, уносили воду домой.

*Уже в апреле начали работать школы;
нас восстановили в пионерской организации*

На фотографии пионеры Руслан, его сводный брат и я, ученики школы № 7 (апрель 1944 г.).

После освобождения города виселицу с площади «толчка» (барахолки) не убрали, чему все удивлялись. Но, оказывается, все было продумано.

В один из летних дней 1944 года стало известно, что пойманы руководители Николаевского гестапо и такого-то числа их будут казнить. В этот день вся площадь и прилегающие улицы были заполнены людьми. Я, Руслан и еще несколько пацанов забрались на крышу двухэтажного дома, который выходил на площадь, и оттуда наблюдали за всем происходящим.

Вот солдаты образовали широкий проход до самой виселицы между людьми с одной из улиц.

Два «студебекера» задним ходом подъехали по проходу к виселице. Офицер на лошади что-то говорил, слышно не было (то ли зачитывал решение трибунала, то ли давал команду водителям автомашин). Откинули задний борт кузова машины, на край кузова поставили по три гестаповца в парадной форме, надели им петли на шею. Машины «рванулись вперед» – казнь свершилась. По всей массе людской прошел какой-то звук: то ли гул одобрения, то ли вздох облегчения, что все закончено, но никакого «ура» не было.

Зрелище, конечно, не для детских душ – мы молча покинули крышу и разошлись по домам.

Я впервые видел казнь через повешение. Во время оккупации моя мама запрещала ходить с ней на толкучку, где была виселица.

Осенью и зимой 1944 года в городе участились разбойные нападения на улицах, грабежи квартир. Руслан достал где-то два десятизарядных ружья; мы укоротили стволы и приклады, получилось что-то похожее на автоматы. В вечернее время, спрятав эти «автоматы» под много раз «ремонтированные» пальтишки, мы смело ходили на вечера танцев в женскую школу №5, в кинотеатр, который работал только вечером и где «крутили» трофейные фильмы с Марикой Рокк и другие, провожали девочек с нашей улицы домой по окончании сеанса.

А вот стрелять с наших «автоматов» нам пришлось только один раз.

Где-то в пятом часу 9 мая 1945 года меня разбудил Руслан с известием: «Победа!».

Мы захватили свои «автоматы» и отправились к нашему общему приятелю Шуре Леонову (в будущем известному баскетбольному тренеру одного из клубов Киева).

Весь город стрелял из винтовок, пистолетов, автоматов, грохотало все и везде, ну и мы «пальнули» несколько раз. Правда, вечером мама моя обнаружила эти «автоматы» у нас и забросила в место, откуда их уже не забрать.

Утром 9 мая 1945 года я в своей мужской школе № 7 написал крупно на красном полотнище «Ура!!! Победа!!! Ура!!!», и с этим лозунгом школа целый день участвовала в демонстрациях и митингах, которые проходили в городе. Радость, ликование были безмерные!

Калин Б.А. (1935–2021)

МЫ ПРОШЛИ ХОРОШУЮ ШКОЛУ ЖИЗНИ

На фото: Б.А. Калин (14.06.1936 г.)

Я, Калин Борис Александрович, родился точно в середине лета 1935 г. в г. Шатуре.

Отец, Александр Григорьевич, родился в 1909 году в деревне Васютино Орехово-Зуевского района (Егорьевского уезда) Московской области. Мать, Калина (Белова) Татьяна Леонтьевна, родилась в той же деревне Васютино в 1907 г. Деревня находилась в 12 километрах от г. Шатуры. В двадцатые годы в районе Шатуры разворачивалась Всесоюзная стройка Шатурской ГРЭС и организация производства торфа как топлива для электростанции. Огромные по площади болота в Шатурском районе осушались, и на них организо-

вали производство фрезерного и кускового торфа, была построена система узкоколейной (750 мм шириной) железной дороги, на которой отец работал кочегаром, помощником машиниста, машинистом паровоза, председателем торфкома профсоюза, председателем транспортного комитета профсоюза Шатурского транспортного управления (ШТУ), а затем был направлен на учебу в Промышленную академию им. Л.М. Кагановича. С 1 сентября 1937 года Александр Григорьевич приступил к учебе в академии, а 20 июня 1941 года защищал диплом горного инженера уже во Всесоюзной промышленной академии им. И.В. Сталина.

Мы жили в Москве в общежитии на Соколе во Всехсвятском переулке. В семье было три мальчика: Витя, Боря и Лядик. Весной 1941 дедушка Леонтий и бабушка Марья увезли меня с Витей в деревню Васютино. Помнится очень густая и высокая трава на усадьбе, фактически в рост пятилетнего ребенка. Там я и встретил Войну. 22 июня на центральной площади (Середке) в деревне состоялся митинг колхозников, на котором народу, а собралось человек 50, объявили о начале Войны и, по-видимому, о неотложных мерах. Стояла жаркая погода, и я слушал речи в трусиках и босиком. Я не помню речи, но важность собрания и озабоченность взрослых передалась и мне.

Началась трудная жизнь. Отца направили на работу в г. Калинин, а мама привезла Лядика в деревню, а сама вновь уехала в Москву – там оставались вещи, и нужно было освобождать жилплощадь. Уже в то время было сложно попасть в Москву, и маме эти поездки достались нелегко, а потом они стали невозможны. Вскоре отец на грузовой машине (газогенераторная полуторка ГАЗ с топливом из дровяных чурок) привез диван и некоторые домашние вещи в деревню, в том числе 4 мешка с книгами, которые деревенские зеваки приняли за мешки с сахаром. В деревне эту машину использовали для перевозки дров из леса, а ребятки излазили ее вдоль и поперек. К сожалению, в Москве остались и пропали многие вещи и семейные фотографии того времени. О них мама часто вспоминала с сожалением.

В середине октября 1941 года в деревне неожиданно появился отец: оказалось, что немцы захватили г. Калинин, и ему пришлось оттуда убежать, причем переплываться на левый берег Волги в переполненной народом лодке. Это было экстремально, так как он не умел плавать. К тому времени сложилась тяжелая обстановка под Москвой, на восток эвакуировались многие предприятия и жители. В деревне Васютино были слышны разрывы снарядов и бомб под Москвой, по ночам играли зарницы огня, а это около 100 км от Москвы, постоянно летали немецкие самолеты. Позже у деревни Васютино установили зенитную батарею, но немецкие самолеты пролетали на очень большой высоте.

Устроиться на работу в Шатуре отцу не удалось, ему предложили возглавить один из эвакуационных эшелонов. Где-то в конце октября – начале ноября мы в товарной теплушке в составе эшело-

на отправились в неизвестный путь на восток. Нас в Шатуре провожали родные... Тетя Маня, сестра отца, привезла нам на дорогу мешок черного хлеба.

Теплушка представляет собой укороченный товарный вагон с двумя раздвижными дверями (по одной с каждой стороны вагона). Вверху стен с каждой стороны было по два узких окошечка, которые закрывались металлическими затворками. В центре теплушки стояла вертикальная металлическая печка-буржуйка (бочка), которая была одновременно нагревателем и кухонной плитой. Справа и слева от дверей в теплушке были двухэтажные нары, на которых спали и отдыхали обитатели вагона, а это несколько семей. Было много проблем с питанием, водой, дровами. Помню, как на раскаленной буржуйке поджаривали тонкие ломтики картошки – вкуснее еды не было. Туалета в вагоне не было. Водой запасались на станциях. Все перемещаемые граждане должны были проходить санитарную обработку в специальных банях. Но нашему эшелону, кажется, удалось избежать этой сложной процедуры.

Ехали мы долго, со многими остановками и длительными стоянками на станциях. Миновали г. Свердловск. На станции Монетная наш эшелон уменьшился – отцепили часть вагонов. Наконец ранним зимним утром в сильный мороз эшелон прибыл на станцию Лосиное. Всех прибывших разместили в большом зале какого-то здания, кажется, клуба, а затем начали распределять по местам на ночлег. Поздним вечером нас привезли к какому-то дому с палисадником и двором, закрытыми воротами. Хозяева долго не открывали, явно были не рады непрошеным гостям. Но мы пробыли у них недолго и вскоре переселились в поселок торфяников в двухэтажный деревянный дом, где нам выделили полторы комнаты в квартире на втором этаже. Нашими соседями были эвакуированные из Эстонии мать и дочь.

14.11.1941 года отец приступил к исполнению обязанностей заместителя начальника транспортного отдела торфопредприятия «Лосиновское». Витя пошел в школу. Были сложности с питанием. В обед Витя ходил в столовую и «отоваривал» там карточки: в кастрюлю наливали что-то похожее на суп, в миску клали котлеты или биточки. Часто в столовой давали ватрушки с брусничным вареньем. На завтрак и ужин нужно было обходиться тем, что давали в магазине тоже по карточкам. Но этого явно было мало. Поэтому

часто мама доставала что-то из домашних вещей и одежды и отправлялась с санками в близлежащие деревни с целью добыть что-нибудь из еды. И не всегда ее попытки заканчивались успешно. Рядом с домом в деревянном бараке размещался клуб, и там часто по вечерам показывали кинофильмы. Мы с Витей иногда ходили в кино, но я очень часто засыпал посреди сеанса так, что меня было трудно разбудить по окончании фильма.

Шла война, мы следили за сводками с фронта и ждали, когда можно будет вернуться назад в Шатуру или Васютино. Наконец, этот день настал, и в конце марта – начале апреля 1942 года мы снова оказались в деревне Васютино, где жили все лето. Запомнилась трудная работа по перекопке всего луга бабушкиной усадьбы порядка 17 соток. К этой работе были привлечены и шестилетние я с двоюродной сестренкой Алей. Произошел неприятный случай, когда я, разбивая лопатой дерн земли, задел низко наклоненную голову Али. Было много слез.

В том 1942 году на вскопанном участке уже посадили картошку. В годы войны благодаря этому участку земли и выплате трудодней в колхозе запасали до 100 мешков картошки (порядка 5 тонн). Она не умещалась в подполе, и поэтому на огороде на возвышенном месте выкапывали яму – картошка насыпалась, закрывалась соломой и землей и так зимовала. Часть картошки подмерзала.

В августе 1942 года отец получил назначение Главторфа на должность начальника транспортного отдела Каринского торфопредприятия Кировского торфяного треста в Кировской области и приступил к работе 22.08.1942 года. Центр предприятия – поселок Каринка (сейчас Карино) – располагался в Слободском районе Кировской области вблизи строящегося города Кирово-Чепецка и большого комбината оборонного характера. В 50-е годы комбинат был предприятием Минсредмаша. Правительство уделяло большое внимание строительству комбината и его обеспечению топливом – торфом – самым доступным в промышленных масштабах в тех местах, богатых болотами. Поэтому торфопредприятие строилось тоже достаточно быстро, причем для его освоения чернорабочие были завезены из Узбекистана. «Бабаев» (так звали их дети) в тубетейках было больше, чем постоянных жителей поселка, и для их размещения был построен целый городок из одноэтажных деревянных барачков.

Семья Калиных до конца сентября оставалась в деревне у бабушки, где, кроме нас, жила тетя Даша с двумя дочерьми: Алей и Манюшкой. 1 сентября 1942 года я пошел в первый класс Васютинской начальной школы. Школа представляла собой деревянное одноэтажное здание с двумя классными помещениями. От деревни до школы было 250–300 метров. Школа стояла на краю поля, напротив церкви, расположенной у кладбища с другой стороны поля, а вплотную к школе приступал лесок – фактически заросшие мелколесьем многочисленные ямы, в которых когда-то брали грунт на строительство шоссе Орехово-Зуево–Шатура. Освоение математики в первом классе у меня вызывало проблемы – не мог решать примеры на сложение и вычитание. Для облегчения участи первоклашки Витя нарешал из задачника пару десятков примерчиков в специальной тетрадке. Я успешно переписывал решения на уроке и вскоре стал лучшим математиком в классе. Удивительно, но факт, что после этого тренинга у меня математика стала легким и понятным предметом на протяжении учебы в школе, техникуме и институте.

В конце сентября отец получил квартиру в поселке Каринка, и нужно было переезжать к нему. Мама со мной и Лядиком добиралась поездом до города Слободской и на телеге до поселка Каринка. Стояла чудесная погода, а вокруг – не менее прекрасный грибной лес. Поселок строился в сосновом бору, на сухом месте на берегу небольшой речки, впадающей в реку Чепца. Семья поселилась в восьмиквартирном двухэтажном деревянном (брусчатом) доме на первом этаже в двухкомнатной квартире. Я пошел учиться в первый класс местной начальной школы. Мама была домохозяйкой, занималась с ребятами, кормила отца, ходила в лес за грибами. В 1943 году нашла место, где росли грузди и засолила полное эмалированное ведро этих замечательных грибов, которые мы ели всю осень.

Мы в Каринке жили до начала февраля 1944 года, с 15.03.1944 г. отца назначили на работу в г. Киров, а мама со мной и Лядиком поехала в Васютино и неожиданно для васютинцев появились в деревне. Добирались до Васютино в невероятно сложных условиях с пересадкой в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). При ожидании поезда в Горьком спали вповалку на полу вокзала. Виши переходили с голов случайных людей на наши головы. Если провести

раскрытой ладонью по голове, используя пальцы как гребенку, то под каждым ногтем шевелилась жирная вошь. С трудом попали в вагон поезда, идущего в сторону Москвы. В общем вагоне некуда было встать. Дети лежали под столом. С трудом доехали до станции Орехово, а оттуда добрались до деревни. В деревне в горячей бане проводили санобработку всех прибывших. Помнится, что борьба со вшами продолжалась довольно долго.

Отец был призван в армию и 20 августа 1944 года был уже в г. Львове. По дороге туда он на одни сутки заезжал к нам в деревню. Было странно видеть его в короткой шинели и ботинках с обмотками. Витя с мамой его провожали в Шатурторфф, откуда он уехал поездом через Москву на Львов.

Семья в деревне стала большой, а с питанием были проблемы. Тетя Даша с утра до вечера работала в колхозе бригадиром. Мама чем могла помогала ей и бабушке.

На фото: вся семья в сборе, слева направо – Витя, Лядик, Татьяна Леонтьевна, Дарья Леонтьевна и Аля, бабушка, Манюшка и Боря

Один раз мама ездила с «мешочниками» куда-то в сторону Волги, обменивала одежду на муку и крупы. Но этого надолго не хватило. Мама устроилась на работу в пекарню, которая располагалась в старой богадельне возле церкви на кладбище. Работа была тяжелая, приходилось рано вставать, месить тесто, ставить тяжелые формы в печь. Однажды они с Виктором вдвоем ездили на лошади в деревню Губино за мукой. Ворочали очень тяжелые мешки.

Тяжелой была ручная работа по заготовке сена корове: его приходилось заготавливать, в том числе, на участках в лесу; косить, сушить, перевозить и складывать на сеновал во дворе и в стог на усадьбе. Всю эту работу в основном выполняли Виктор с мамой, хотя к ворошению сена при сушке привлекали меня и Алю.

Ранней весной 1944 года ходили по вспаханным полям, на которых ранее росла картошка, и собирали мороженную картошку на крахмал. Осенью 1944 года был большой урожай картошки в колхозе, и мама пару недель работала в поле на уборке картофеля, причем каждая десятая собранная корзина была оплатой за 9 корзин для колхоза. В общем, родительнице доставалось. Каждую осень у дома делалась завалинка из тонких бревен, и пространство засыпалось землей примерно на 0,8 м высотой. В землю вертикально закреплялись жерди, а пространство между жердями и домом заполнялось предварительно заготовленным мхом. В окна вставлялись вторые рамы. Так утепляли избу на зиму. Весной все разбиралось, завалинка разваливалась, и нижние бревна дома летом просыхали.

Как проходило время в нашей семье у детей? Зимой учились в школе, по вечерам через терку или мясорубку проворачивали полведра картошки на крахмал и картофельную кашу. Эту работу делали по очереди Витя, Боря и Аля. Лядик и Манюшка, в основном, шкодили, как могли. Однажды за какую-то провинность мама закрыла их в горнице. Вначале они громко плакали, а затем затихли. Оказывается, они нашли в горнице сушеные яблоки и куриные яйца, которые там хранились. Когда открыли дверь, чтобы их выпустить, то увидели удивительную картину: у каждого на шее висела матерчатая сумка с сухофруктами, а лица их и руки были вымазаны сырыми яйцами и перьями от подушек... В свободное время катались на лыжах, с горок на санках, по дорогам на «снегурках» (у нас была пара коньков) и «ледянках», которые научились делать из де-

рева: брали широкое полуполено, обрабатывали его в виде лыжи и на нижнюю часть лыжи намораживался (с помощью навоза) слой льда. Сверху на лыже с помощью двух стоек монтировалась доска – сиденье. Сидя, с помощью лыжных укороченных палок, можно было лихо разогнаться по накатанным санями дорогам. Правда, затруднял движение лошадиный навоз, так как основной деревенский транспорт – несколько лошадей.

Ранней весной мама с Виктором в березовом лесу в двух километрах от деревни заготавливали бревна березы по два метра длиной на дрова, которые по мартовскому насту вывозили на санках с нашим с Алей участием во двор, где пилили, кололи и складывали в поленницы. Березовыми дровами топили русскую печь зимой и холодными осенью и весной.

С наступлением каникул начиналась летняя страда. Июнь – сбор сучков в лесу и перевозка их на тачках во двор; все лето топили русскую печку сучками. Это позволяло готовить еду, не очень разогревая печь. Незаметно созревала земляника – и мы всей оравой уже в лесу. Затем черника. Но самым любимым занятием троицы был сбор грибов, тем более, что вокруг Васютино были грибные леса, в которых мы ориентировались неплохо. Следует подчеркнуть, что все лето ходили босиком, в том числе и в лес, и часто боролись с цыпками на ногах. Бывало больно, но родители находили способ облегчить страдания.

Как-то раз тетя Даша взяла телегу с лошадьёю, и все (тетя Даша, мама, Витя, Боря и Аля) поехали за дровами. Перед войной вблизи деревни был большой пожар, и на бывшем пожарище было много сухих деревьев. Была облюбована одинокая сосна, которую тетя Даша с мамой и спилили. Витя вызвался срубить сучья со ствола. Сучья были толстые, сухие. Топор звенел и отскакивал от сучьев. Не успел Витя обрубить пару сучков, как в очередной раз топор отскочил и попал Вите в ногу ниже колена. Заготовка дров на этом закончилась, а Витю на следующий день возили в больницу в село Красное за 5 км. Лето пропало: целых два месяца он был «инвалидом». В конце августа кроме грибов основным промыслом был сбор клюквы. Вблизи деревни Васютино было три крупных болота, которые позже осушили для добычи торфа: Софряковское (в трех километрах), Фокинское (в пяти километрах) и Юрьевское (в восьми километрах). За клюквой ходили всей гурьбой и иногда брали

Лядика и Манюшку. Обязательная экипировка – брезентовые бахилы выше колен, перевязанные веревкой, рюкзак за спиной для клюквы и еды, так как уходили на весь день. Собирали клюкву руками еще полуспелую (красно-зеленую), по 50–60 стаканов каждый из детей. Ходили за клюквой практически неделю по 4–5 человек каждый день до начала учебы в школе. Клюкву высыпали на чердак избы, где она созревала и замерзала. Зимой ее перебирали, и мама с тетей везли ее на рынок в Орехово-Зуево. На вырученные деньги покупали продукты и одежду.

Иногда ходили в Шатуру на рынок – продавали молоко, ягоды, а на вырученные деньги покупали хлеб. Зимой несколько раз ездили в Орехово-Зуево продавать картошку, для этого в колхозе давали лошадь с санями.

На фото: Витя, Лядик и Боря в 1945 году. Матросская форма не случайна – обоим пришлось служить на флоте

Летом 1945 года (отец еще не демобилизовался) маме поручили организовать приемный и заготовительный пункт грибов. На усадьбе выкопали яму, обложили кирпичом и установили котел. Витя с мамой принимали грибы, мыли их, при необходимости резали, а затем несли их к котлу и варили. Обычно эту операцию выполняли ближе к вечеру. Надо было наносить воды из колодца,

подготовить дрова и разжечь их. Отварные грибы нужно было извлечь из котла и отнести во двор, где стояли приготовленные бочки (кадушки). Грибы засыпались в емкости, добавлялись специи (если их было недостаточно положено при варке), а затем бочки закупоривались. Естественно, что к этой работе привлекались и я, и Аля, иногда помогала и бабушка. За сданные грибы грибникам начислялись деньги.

Самые дорогие грибы были рыжики и грузди, чуть дешевле – белые. Грибники не брали деньги, а «отоваривались» солью, мылом, печеньем, сахаром, спичками, конфетами (подушечки с повидлом). В сених избы был целый склад продуктов и вещей, например, были матрацы и другие принадлежности. К осени мы заготовили более двух тонн маринованных грибов и сдали их в сельпо.

Шло время, мы подрастали и в 1945 году выглядели молодцами (см. фото выше). Все трое в будущем служили Родине. Виктор закончил службу полковником бронетанковых войск, а мы с Леонидом прошли срочную службу на флоте: я в бригаде торпедных катеров Тихоокеанского флота, а Леня – на эсминце Северного флота СССР.

Наступило 9 мая – День Победы! Ночью было ликование на семейном уровне, звонил колхозный колокол, так как радио у нас не было, а радиоприемники были изъяты в начале войны. Весть о Победе распространялась с большой скоростью «по воздуху» – работал народный телеграф.

Помню, что утро 9 мая было солнечное, но с облаками и ветренное. Я пришел на Середку и встретил этот день на том месте, где прошел митинг 22 июня 1941 года. В то утро вспомнились многие детали прошедших дней.

Летом 1941 года у меня был покровитель – Игнатов Ваня, ему было лет 18: красавец, силач и гармонист. Он иногда возился со мной, приглашал к себе домой, где обещал продать мне свою гармонь аж за 5 рублей. Я побежал к родительнице просить эти деньги. Она мне объяснила, что гармонь стоит дороже, но у нас нет таких денег. Вспоминаю Ивана до сих пор как героя. Знаю, что он добровольно ушел в армию, защищал Москву и в одном бою попал в плен. Немцы жестоко казнили его, вырезая ремни из кожи спины. Вечная память героям ВОВ!

Лучков Б.И. (1932–2020)

ДЕТИ ПОБЕДЫ

---

*И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова
Л. Лядова*

Весной 41-го я окончил первый класс, в мае 45-го завершал пятый. Четыре трудных, героических года войны отразились на всем моем существовании. Без них я был бы совсем другим человеком. Они стали школой жизни, сформировали характер, определили дальнейший путь.

Эти годы вписаны в память алмазным резцом, – ни стереть, ни забыть. Помнятся детали, лица, даже запахи тех лет. Человеческая память не может вбирать в себя все пережитое. Она, чтобы не перегрузиться, многое со временем теряет, давая место новым «записям». Четыре года тяжелейшей войны, какой была Великая Отечественная, незабываемы. Они не отпускают до сих пор и, кажется, не отпустят никогда.

41-й

О войне мы узнали в метро, направляясь солнечным воскресным утром 22 июня на ВДНХ. В вагоне к отцу, кадровому командиру, подошел военный и что-то тихо сказал ему. За шумом поезда мы не слышали, что, но это короткое слово, вмиг изменившее лицо отца, стало громом для всех – ВОЙНА! Мир перестал быть прежним – светлым и беззаботным, хотя, казалось, так же играла музыка, шли не спеша прохожие, были открыты выставки. Где-то уже рвались снаряды, черное солнце повисло на небе, бежали и падали люди.

На следующий день в поле за домом вырыли траншеи, чтобы укрываться при налетах. Очистили чердак, носили ведрами песок и воду для тушения зажигательных бомб. Через пару дней в подвале дома было оборудовано бомбоубежище, и сразу же начались ночные тревоги (первое время ложные). Ночной вой сирены по радио, возвещавший налет, стал привычным звуком. Со всех домов сбегались жители с детьми и узлами, набивались в подвал и часами жда-

ли сигнала отбоя. Маму днем воздушная тревога застала в метро. Было остановлено движение поездов, люди шли по рельсам от станции к станции. Но бомбежек до середины июля не было – немецкие самолеты останавливали на дальних подступах к столице.

Москву эвакуировали. Мы уехали в родное Иваново, к деду и бабушке, которые работали на ткацкой фабрике БДМ, дед – механиком, бабушка – бухгалтером. Отец остался в Москве.

41-й был самым страшным, опустошительным годом войны.

Никто не ожидал, что наши войска так не готовы к войне. Они отступали, цепляясь за города и реки, попадали в «котлы», кто-то с боями прорывался к своим, большинство попало в лапы к немцам. Фашистские танки стремительно рвались вперед. Казалось, ничто их не остановит. Но отчаянья и паники здесь, в тылу, не было.

Жизнь, однако, изменилась круто, в один миг, как при неожиданной налетевшей грозе. Продукты сразу исчезли с магазинных полок, раскупленные в первый же день. Ввели продуктовые карточки. Мы с сестрой получили иждивенческие, кажется, они были зеленого цвета. Бабушке и маме, ставшей надомницей – шила дома солдатскую одежду – дали карточки служащих (немного «тяжелее» по выдаче). У деда была рабочая карточка – самая отовариваемая. Скоро продуктов стало не хватать. Не знаю, был ли это настоящий голод, но есть хотелось всегда, даже ночью. Осенью женщины, и мама в том числе, «пошли в народ» – по соседним деревням, обменивая свои пожитки на продукты. Молоко взвилось до небывалой цены. Приносили в основном картошку и капусту. Последнюю рубили, шинковали всем миром на кухне и засаливали в бочонках на зиму. Потом она одна, да карточный хлеб, нас и спасала.

Каждый вечер в нашей большой квартире на пять семей собиралась молодежь, под патефон, привезенный из Москвы, и местный баян. Сидели на кухне, я забирался на высокую стремянку, откуда было интереснее смотреть. Пили чай, вели разговоры, пели песни. Самой любимой, песней-символом начала войны был «Синенький скромный платочек», музыкой и словами удивительно слитный с тревожной атмосферой первых военных дней. У всех в армии был кто-то, за кого беспокоились, не зная, где он и что с ним. Письма приходили редко, просматриваемые цензурой, с вычеркнутыми строчками. Сообщения Совинформбюро, которых с замиранием

ждали каждый день, не приносили утешения. Нашей болью был дядя Саша, любимый Санька, старше нас с Ирой всего на несколько лет, в 40-м призванный в армию, часть которого стояла на самой границе, под Гродно. От него не было никаких вестей, и лучшее, на что еще можно было надеяться, что он попал к партизанам, письма откуда, конечно, не пошлешь.

Старшие ребята на наших посиделках ждали вызова в военкомат и один за другим, получив повестку, уходили – кто в училища, кто сразу на фронт. Один из них, звали его Витек, отдал мне свою хоккейную клюшку на сохранение, но так и не вернулся за ней. Он погиб, как рассказывали потом, не дойдя до передовой, подорвавшись на минном поле. Ушли в подсобные войска и трудовые армии старшие, непризывного возраста, – дядя Вася и дядя Володя. Остались одни женщины, дети да глубокие старики. Кухня опустела, песен больше не пели, даже примусы, раньше шумевшие по вечерам, притихли.

Наступила голодная, ветреная, снежная зима. Снег на улицах не убирали, в школу пробирались по узким тропкам среди высоких сугробов. Такой холодной неласковой зимы я больше не припомню.

Редко топилась изразцовая печь в комнате деда. Возвращаясь с фабрики, он садился по привычке за самовар, стараясь не обращать внимания на нашу ребячью возню. Его постоянные мысли были о Саше. От этих безрадостных, безнадежных мыслей он и угас весной 43-го.

В декабре мы чуть не уехали в Куйбышев по вызову отца. Уже были собраны вещи, сидели одетые, ждали машину от Дома Красной Армии, которая должна была отвезти нас на вокзал. И тут пришла отцовская телеграмма – «Не выезжать». Мама сразу все поняла – немцев остановили, Москву не сдадут. И незачем убегать из родного дома, пускаться в опасный путь в чужой незнакомый город.

Всю осень и зиму я переходил из одной школы в другую. Школьные здания отдавались под госпиталя, число которых росло. Мы занимались в холодных, случайных помещениях, освещаемых тусклой лампочкой под потолком, но учеба шла по-прежнему, как бы ни тревожны были сводки с фронта, который подходил все ближе. Ни разу занятия не отменялись. Так же, как всегда, на

большой перемене раздавали завтрак, сведенный теперь к куску черного хлеба с мазком повидла, – но какой же вкусный был этот кусочек! И дома, несмотря на стужу и распухшие от холода руки, привычно делал на подоконнике домашние задания. Терпели, работая на износ, взрослые – надо было терпеть и нам.

И дождались, как обещало Совинформбюро, «праздника на нашей улице» – пришла долгожданная весть о победе под Москвой, в которую все время верили в глубине души, о декабрьском разгроме зарвавшихся немецких армий. С какой радостью слушали звонкий голос диктора Левитана, перечислявшего отбитые города, взятые трофеи, убитых и плененных врагов. Вот вам – и за дядю Сашу, от которого не было известей, и за погибшего Витька, и за замученную партизанку Таню, статью о подвиге которой, напечатанную в «Правде», по просьбе завуча я читал по всем классам школы.

Победа в жгучие морозы под Москвой была первой ласточкой нашей грядущей весенней Победы. В нее теперь верили все.

42-й

42-й стал переломным годом войны. С таким же знойным, тревожным летом, с плохими сводками с фронтов, с той же упрямой надеждой на победу, которая не за горами. Все же было чуточку легче, не так ужасно, как год назад. Стальная, непробиваемая вражья машина давала сбои, как будто в ее нутро попали камни.

Для меня это было лето пионерских лагерей. О нас заботились, мы были сыты, согреты, ухожены. Случалось, правда, что начальник лагеря на утренней линейке объявлял аврал на сбор грибов и ягод, иначе на обед не будет второго и третьего. И все отряды шли с корзинками в лес, лето, к счастью, было урожайное, а грибки, кроме нас, совсем перевелись.

Голода уже не было в помине. Вскопали огород за фабрикой у реки. Отец присылал хорошие посылки, с американской тушенкой, печеньем, чаем. Нам выдали талоны на фабрику-кухню, куда я ходил с судками через весь город. Пospели овощи и любимым блюдом стал мамин шукрут – запеченая зелень с нашего огорода.

Этот год запомнился посещением госпиталей. Мы выступали перед ранеными со стихами, песнями, рассказами. В самой боль-

шой палате раздвигали кровати, освобождая для «артистов» центр. Приходили ходячие из других палат, все койки были заняты, стояли в проходах и дверях, кого-то приводили и поддерживали медсестры. Такой успех не выпадал и настоящим артистам. Я читал лермонтовское «Бородино», очень близкое и понятное по недавним боям под Москвой. Какая стояла тишина, какое внимание сотни глаз к московскому школьнику (так объявляли), который возвещал:

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

А заканчивался год еще крепче – Сталинградом. Вторую зиму гремела наша победа. И война пошла вспять – на запад. Повесил на стене карту и отмечал красными флажками на булавках продвижение наших войск – такое радостное и познавательное занятие по родной географии.

43-й

Весной вернулись в Москву.

В дороге ехали вместе с военными в новой непривычной форме – с погонами. Они теперь назывались по-другому – офицеры. Стройные, уверенные, в новеньких гимнастерках, скрипящей португее. Как они были непохожи на измученных солдат, проходивших через Иваново летом 41-го. Эти не дрогнут, не сдадутся – немцам с ними не совладать. На фронт шло пополнение героев близких решающих битв.

Декабрь 41-го напоминал о себе огромной воронкой перед нашим военным городком, трещинами на фасадах домов и сбитым «Юнкерсом», лежавшим в поле за керосиновой лавкой. Можно было забраться на скользкое крыло, походить по черным крестам, заглянуть в кабину. «Юнкерс» таял вместе с весенним снегом, его разбирали на части. Еще некоторое время он отсвечивал на солнце, потом исчезли кресты, был виден только ободранный скелет, а потом и того не стало. Пропал стервятник, будто кошки его съели!

Встретился со старыми, довоенными приятелями. Многие, не уезжавшие из Москвы, рассказывали, что тут было. Как в один дом попала крупная бомба (говорили даже – торпеда), которая не взо-

рвалась. Саперы обнаружили в ней вместо запала записку «Помогаем чем можем».

Были и опаленные войной. Нашли однажды целую, не взорванную, немецкую авиомину, и кто-то потащил ее за оперенье. Шедшая навстречу дружинница крикнула парню: «Что ты делаешь? Брось сейчас же!». Он и бросил. Мина взорвалась – женщина, раненая, упала, ребятам, стоявшим ближе к взрыву, веером осколков хлестануло по ногам. Показывали гордо «боевые» отметины.

В нашем парке стали размещаться части, приходившие с фронта на отдых. Среди ребят прошел слух, что можно выменять там трофейное оружие. У меня была отцовская командирская планшетка с компасом, отделением для карт, совсем новая – стоящий товар. Пошел с ней. Из палатки вышел молодой лейтенант: «Чего тебе?» С непривычки долго мялся, потом выдал: «Хочу пистолет». Лейтенант фыркнул, ушел в палатку и вынес немецкий штык-кинжал в железных ножнах. Настоящий, стальной. Это было, конечно, далеко не то, за чем шел, но я согласился. А дома отец, узнав, даже одобрил мой обмен. Трофейный кинжал долгие годы служил в нашем домашнем хозяйстве.

44-й

Мы, мальчишки, не только переживали за отцов и братьев – сами рвались туда, в боевую стихию, привлекаемые романтикой просмотренных фильмов, не сознавая, конечно, всего ужаса войны. Летом этого года, вняв, наконец, моим просьбам, отец согласился на мое поступление в нахимовское училище, набор в которое был недавно объявлен. Большая группа московских школьников отправилась в Ленинград сдавать экзамены.

Помню раннее, хмурое утро. Город, только что сбросивший блокаду, встретил тишиной и какой-то усталой отрешенностью. Казалось, он еще не отошел от свирепых тисков, которыми немцы три года душили его, – от артобстрелов, голода, смертей. Транспорт не ходил, редкие прохожие проходили, как тени, многие дома окружали дощатые заборы, скрывавшие разрушения. Колонной мы прошагали по Невскому, свернули к Неве и по гулкому мосту перешли на другую сторону. И все-таки это был тот самый Ленинград, где мы жили до войны, когда отец учился в академии, гуляли

в Таврическом саду, любовались мозаичными панно Суворовского музея: отъезд полководца в поход, переход русской армии через заснеженные Альпы. Ленинград, хоть и в тяжелом летаргическом сне, был так же прекрасен – лучший город страны, город-герой, выстоявший, непокоренный.

Две недели я жил матросской жизнью. Ночи на втором ярусе кровати в большом тесном кубрике. Побудка по склянкам в семь утра, построение в широком коридоре с окнами на бегущую Неву, слабый (по домашним меркам) завтрак в столовой и разводка по классам.

Здесь происходило самое интересное, запомнившееся навсегда. Я сдавал экзамены вместе с ребятами моего возраста (или чуточку старше) в армейской и матросской форме, с медалями и орденами на груди. Это были дети полков – сироты войны, сполна хлебнувшие горя, усыновленные воинскими частями, узнавшие войну не по кино. Как я завидовал им – их гордости и уверенности, их завоеванным наградам! Как рвался помочь им, забывшим грамматику и арифметику, терявшимся в простых задачах и несложных словах. Они в ответ платили привязанностью. Помню простые открытые лица, их вдумчивые взгляды, привитую четкость в словах и поступках. Их принимали в училище в первую очередь. Своей боевой судьбой они уже с честью выдержали главный экзамен.

Наверное, поступи в училище, я бы нашел среди них истинных друзей. Но судьба решила иначе. Меня забраковала медкомиссия – не прошел по глазам, был, можно сказать, списан с корабля. А жаль. Позднее, вспоминая эти две «нахимовские недели», написал:

В тумане тех горячих лет
Хотел судьбе на круг пробраться.
Желанное морское братство
Прошло, как призрачный корвет.
Над кем-то ветер паруса
Упрямой силой надувает.
И выше палубы взмывает
Волны свинцовая краса.

Для многих сверстников война открыла путь к призванию. Потом, по окончании школы, половина наших ребят пошла в военные училища. Мы – поколение, возвращенное войной, и данный мне атте-

стат, хоть и не поставивший в строй, хочу нести с гордостью и достоинством.

45-й

Салютов стало больше, чем за все прошедшие годы. Красная Армия освобождала чужие страны, штурмовала столицы, вела бои в Берлине.

8 мая отец (он обычно возвращался с работы под утро) разбудил нас ночью и сказал: «Все, ребята, войне капут. Победа!» Поднялся крик, и не только в нашей квартире. Гремел весь дом, весь торжествующий военный городок. А на следующий день – 9 мая вся Москва стекалась на Красную площадь. Люди обнимали друг друга, поздравляли с Победой, плакали и смеялись, поминали тех, кто не вернулся, кто отдал за Победу жизнь. Военные покупали у мороженщиц весь лоток и раздавали детям.

Мы вспоминали дядю Сашу, так и не пришедшего домой, погибшего неизвестно где. Сколько было таких, как он, – без вести павших. Два двоюродных брата были еще в армии, окончили войну живыми и невредимыми. Дядя Сережа погиб под Сталинградом. Дед Николай Павлович умер в 43-м, подточенный горькими мыслями о Саше. Зимой 42-го умерла бабушка (мать отца), отравившись угаром от рано закрытой печной заслонки (были страшные холода). Нет ни одной семьи, ни одного дома, которые война обошла бы стороной, где не заливались слезами, куда не залетали бы похоронки.

Эта была страшная и в то же время героическая война, навязанная нам, выстраданная, достойно перенесенная. Никогда не простим, не примиримся с теми, кто хотел поработить народ. Никакие доводы не убедят меня в мнимой объективности немецкого нашествия. Готов и сегодня повторять «Смерть фашистским захватчикам!» Только так.

51-й

Рассказ о военном детстве хочу закончить эпизодом послевоенного времени. Я уже учился в институте и должен был участвовать в физкультурном первомайском параде, предшествующем демон-

страции. Последняя, генеральная репетиция проходила накануне. Мы должны были пройти по Моховой, мимо университета и закончить свой марш на Красной площади.

Колонна в несколько тысяч четко печатала шаг и вдруг, сама собой, завязалась песня. Сначала робко кем-то начатая, еле слышная за шумом шагов, потом, подхваченная всеми, выросшая до мощного раската уверенных голосов. Ее тогда знали хорошо – «Гимн демократической молодежи»:

В разных землях и странах,
На морях, океанах,
Каждый, кто молод:
Дайте нам руки,
В наши ряды, друзья!

Пели увлеченно, в дружном едином порыве, молодые, уверенные, окрыленные. Уже дрожит площадь под литым шагом колонны, чеканящей ритмом марша гранит мостовой. Проходим мимо американского посольства, из всех окон которого вылезли удивленные и даже несколько испуганные люди. Какие сообщения они слали в Вашингтон по своим телетайпам? А нам их вид только поддал азарта.

Песню дружбы запеваёт молодежь,
Молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Не убьешь, не убьешь!

Что там было в головах и душах этих наблюдателей, сказать не берусь. Но в нашем стихийном хоре определенно звучал голос Победы. Мы – дети своей страны, мы – наследники великой Победы. Нас – «не задушишь, не убьешь»! Мы приняли победную эстафету от отцов и старших братьев, отстоявших в тяжелейших сражениях свободу своей Родины. Мы гордимся страной и народом, одержавшим победу над фашизмом.

Я думаю, мы сумели донести до них свою глубокую веру в величие Нашей Победы.

Мальцев В.А. (род. в 1941 г.)

ГОДЫ БОЛИ И СТОЙКОСТИ: ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ МАМЫ И МОИ

Родился я 24.09.1941 года в г. Ялте Крымской области. Через месяц после моего рождения детский костно-туберкулезный санаторий, где работала моя мама, стал срочно готовиться к эвакуации, так как немецкие войска уже вошли в Крым и приближались к его южному побережью. Погрузка на пароход была тяжелой. Более половины детей в возрасте от 3 до 15 лет были лежачими больными. Вместе с медицинским персоналом, в основном женщинами, эвакуировались их дети и престарелые родители. Подростки наравне со взрослыми помогали грузить на пароход мед. оборудование, мебель, посуду, постельные принадлежности, учебники и пр. А нас, таких как я, малюток, укладывали в кровати вместе с больными детьми, чтобы быть под их присмотром и вблизи наших мам.

Отходили из Ялты в ночь, так как фашистская авиация бомбила все суда, включая санитарные, шедшие в направлении Керчи и Новороссийска. Нам повезло, и наш корабль благополучно дошел до Сухуми. Оттуда на автобусах и крытых грузовых машинах за несколько дней всех перевезли в поселок Теберда (Карачаево-Черкесия). Кроме нас в Теберду эвакуировали детские санатории из Евпатории и других городов. Наш санаторий разместили в бывшем доме отдыха какого-то ведомства. Место расположения – живописное: небольшая долина, окруженная горами со сказочным лесом, на опушке которого среди камней стремился вниз быстрый и шумный ручей. Казалось, что ужас войны навсегда остался за горным хребтом Кавказа.

К сожалению, мирная жизнь продолжалась недолго. Через 10 месяцев в Теберду после коротких боев вошли немецкие элитные отряды «Эдельвейс», а за ними вскоре регулярные войска с оккупационной командой. Наступило тяжелое время. Медперсоналу было уже не до лечения больных детей. Надо было чем-то кормить их, да и свои семьи тоже... Приходилось добывать еду у горцев. В обмен на барашка, овсяную крупу, кукурузную муку и кар-

тофель отдавали ковровые дорожки, одеяла, посуду и другую утварь. В лесу собирали грибы, орехи. Из диких яблок, груш и кизила варили компоты, чем старались поддерживать витаминный баланс, в первую очередь, слабеньких организмов малышей.

Но самое страшное произошло, когда в поселке появились карательные отряды СС. Вначале «незаметно» из поселка исчезали взрослые (кто не успел уйти через труднопроходимый Клухорский перевал в Абхазию) евреи и их семьи. За ними родные и близкие членов КПСС. Откуда-то у карателей гестапо были эти списки. В декабре 1942 года во двор санатория въехали 3 немецких автомашины. Две огромные – с высоким металлическим кузовом и герметически закрывающейся дверью. Третья – обычный крытый грузовик. Из него вышли немецкий офицер и солдаты с переводчиком. Они под угрозой расстрела приказали сотрудникам санатория выносить на носилках и укладывать в большие грузовики больных детей по списку. В списке были дети еврейской национальности. Всего 37 девочек и мальчиков от 4 до 16 лет. При этом фашист-офицер через переводчика говорил, что отвозят их к родителям, откуда прибыли они на лечение. Большие грузовики с герметичным кузовом были так называемые «газвагены», машины-убийцы. Во время перевозки в этих адских душегубках беззащитные дети в чудовищных муках были удушены выхлопным газом и, как выяснилось позже, выброшены в лесу в ущелье Теберды.

Всего этого я сам видеть и слышать не мог, мне было в то время немного более года. Позже, в Евпатории, куда мы вместе с санаторием (вернее сказать с тем, что от него осталось) переехали после освобождения Крыма, мама рассказывала мне и своим знакомым об этом ужасном времени фашистской оккупации. Это, естественно, не могло не сформировать в моем малолетнем мальчишеском сознании ненависть к немцам и желание отомстить им за совершенные зверства. И такой случай вскоре представился.

Недалеко от нашего детсада располагалась казарма, откуда пленных немцев каждое утро строем, под охраной выводили на ремонт и строительство разрушенных дорог и зданий. Ребята из старших групп снабдили нас рогатками, и мы пятилетние «озлобленные волчата» из-за забора и кустов стали обстреливать колонну идущих немецких врагов. Но больше всего нас злили и возмущали женщины и старушки из соседних дворов, сующие этим извергам

краюхи хлеба, оладьи и какие-то фрукты и овощи. При этом нас они ругали, стыдили и грозили расправой. Мы же своим детским, неокрепшим сознанием считали их предателями Родины, даже норовили и в них стрелять из рогаток.

Конечно, значительно позже мы стали понимать и с теплотой вспоминать поступок этих русских женщин, которые, несмотря на пережитое ими горе утрат и страданий, сохранили в себе материнскую сердечность и сочувствие даже к бывшим врагам, пленным немецким солдатам.

Нашему поколению, рожденному в сороковые годы прошлого столетия, суждено было пережить смертельный ужас фашистского нашествия и тяжелейшее послевоенное десятилетие восстановления хозяйства полуразрушенной страны. Но с младенческих лет мы были твердо убеждены в том, что война навсегда ушла из нашей жизни. Что наша Великая Победа 9 мая 1945 года надежно защитила и избавила советских людей от повторения трагедии Хатыни и Ленинграда, Бабьего Яра и Донецкой шахты № 4/4 бис и сотни других мест массовой, зверской расправы фашистов над мирными, беззащитными людьми нашей страны.

Сегодня в Курской области поганый укро-нацистский сапог топчет нашу землю, бандеровские изверги и НАТОвские наемники безжалостно издеваются и убивают детей, женщин и пожилых людей. Но мы уверены, что убийцы не уйдут от сурового наказания, что наша сплоченность и гражданский долг окажут всю необходимую помощь всем пострадавшим. И давайте все вместе благословим наших героических бойцов на скорейшее, победное освобождение нашей земли от неофашистской нечисти!

В.А. Мальцев, выпускник МИФИ 1965 года, канд. техн. наук, доцент каф. № 25 («Физика твердого тела»). С 1970 по 1973 годы избирался секретарем комитета комсомола МИФИ. С 1975 по 1985 годы был деканом ФОП МИФИ (факультет общественных профессий)

Масленников В.В. (род. в 1939 г.)

ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Я родился примерно за полтора года до начала войны. Мои родители: Масленников Виктор Михайлович и Масленникова Людмила Борисовна. Отец был главным энергетиком завода счетно-аналитических машин (САМ), который до войны выпускал арифмометры, а во время войны освоил производство минометов. Мать работала в школе учительницей русского языка, но во время войны не работала, так как за три месяца до начала войны родился мой младший брат.

Мы жили в пятикомнатной коммунальной квартире в Москве на улице Большие Каменщики в доме № 4. Этот дом сейчас снесен, а на его месте стоит станция метро «Марксистская». Из окна нашей комнаты была видна часть Краснохолмского моста. По этой причине в окне был установлен пулемет на случай, если возникнут уличные бои. Нас временно переселили на Басманную улицу, поближе к заводу САМ. В день объявления войны отец должен был

сдавать экзамен. Он учился на втором курсе вечернего факультета МВТУ имени Н.Э. Баумана. Учебу пришлось бросить.

Семье предлагали эвакуироваться, но родители отказались из-за малолетства детей. Мать долго кормила брата грудным молоком и из-за недостатка полноценного питания за время войны потеряла все зубы. Отец всю неделю ночевал на заводе и дома бывал только по воскресеньям. У него образовалась язва желудка, и единственным лечением был спирт.

14 октября 1941 года был отдан приказ заминировать завод САМ. Отец был вызван в НКВД, и ему предложили остаться в городе командиром партизанского отряда. По его словам, 15 октября шоссе Энтузиастов было забито беженцами: была паника, многие жители Москвы бежали.

Слава Богу, Москву отстояли. Но жизнь была очень тяжелой. Нас выручала одинокая тетка моей матери – баба Ньюша. Она была заслуженной колхозницей, но по трудодням мало что получала. Выручал приусадебный участок площадью 1 гектар. На нем, кроме большого сада, малинника, кустов черной и красной смородины, были поля для посадки картофеля и других овощей. Более того, баба Ньюша держала корову, овец, коз, кур и уток. Мои родители старались ездить к ней помогать по хозяйству и возвращались домой с продуктами. Но путь был неблизким. В Сабурово Воскресенского района надо было ехать более 90 километров на поезде с паровозом, а затем идти пешком 5 километров через Москва-реку. Можно было идти по мосту, но тогда путь становился еще длиннее. Летом можно было заплатить за перевоз на лодке, а зимой идти по льду реки. Однажды в начале весны отец с рюкзаком с картошкой за плечами провалился под лед. Первой его реакцией после того, как он сбросил рюкзак и вынырнул, был крик моей матери, которая шла сзади: «Люся, не подходи!». Сбросив пальто, отцу чудом удалось выбраться. Пришлось возвращаться в деревню.

Лично я помню, как меня во время бомбежки несли на руках по двору в бомбоубежище. Небо было все в лучах прожекторов, гремели взрывы. Помню, что лучшим лакомством был черный посоленный хлеб, политый подсолнечным маслом.

В свой пятый день рождения я пошел отмечать на двери свой рост и удивился, что за год я не вырос. Спросил у отца: «Вчера мне было четыре, а сейчас – пять. А почему я не вырос?». Отец объяснил, и это было первое понимание различия между непрерывным и дискретным. Родители говорили, что я был тихим и послушным ребенком, готовым часами складывать кубики, пока не получится нужная конструкция. Эти кубики я до сих пор помню. А в пять лет я уже читал и решал задачки из учебника первого класса.

В квартире в соседней комнате жила бабушка с младшими братьями моей матери: Львом, Вячеславом и Олегом. Дядю Леву сразу забрали на фронт, затем ушел на фронт дядя Слава. Дядя Олег по-

пал уже на японскую войну. Слава Богу, все вернулись с войны здоровыми. Дядя Слава, который хорошо играл в футбол, научил и меня играть. И это стало самым ярким увлечением моего детства.

Отец много времени проводил на работе. Он закончил вечерний институт, перешел на работу в организованный на территории завода СКБ 245 и стал начальником лаборатории, где были изготовлены одни из первых отечественных транзисторов. Отец передал опытные образцы заведующему кафедрой электроники МИФИ И.П. Степаненко. В свою очередь, И.П. Степаненко передал их для исследований молодому аспиранту А.Г. Филиппову. Так в МИФИ началась полупроводниковая электроника.

*В.М. Масленников,
начальник лаборатории СКБ 245*

*В.В. Масленников,
студент МИФИ*

По записям жены Л.Е. Машкович (род. в 1939 г.)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРОФЕССОРА МИФИ В.П. МАШКОВИЧА (1931–1998)

Затаив дыхание, я, наши дети и внуки слушали рассказы Вадима Павловича о тех страшных днях войны, свидетелем и участником которых ему довелось быть. В начале войны ему исполнилось десять лет. В этом возрасте уже осознанно воспринимаешь окружающее, тем более, что в обстановке войны дети мгновенно повзрослели. Вадим Павлович, переживший блокаду Ленинграда, вспоминал:

Восьмого сентября 1941 года мы увидели кроваво-красное зарево со стороны Бадаевских продовольственных складов и черные густые клубы дыма, поднимавшиеся в небо. Был прекрасный день золотой осени, может быть, поэтому особенно ужасен был этот дым. Деревянные строения складов находились очень близко друг к другу, поэтому от первого же немецкого снаряда загорелось сразу все: зерно, мясо, сахар, по мостовым текло и горело расплавленное масло, и от этого дым был еще чернее, гуще и ужаснее. Несколько дней полыхало это пламя, а раскаленные столбы дыма устремлялись в небо. Но самое ужасное, что мне запомнилось, это люди с безумными лицами, выхватывающие из огня продукты.

Все запасы продовольствия были уничтожены. Наступила лютая зима 1941/1942 года. Таких морозов не помнили даже старики. Город остался без воды: лопнули водопроводные трубы, вышла из строя канализация. За водой ходили на Неву. Потом не стало сил ходить так далеко. Стали топить снег. Началась блокада. Прошло несколько месяцев с начала войны, а в городе начался голод. Продукты выдавали по карточкам. К концу ноября 1941 года иждивенцам полагалось 125 граммов хлеба в сутки, работающим – 250 граммов, крупы – 300, масла – 100 граммов в месяц. Потом наступило время, когда выдавали только 125 граммов хлеба в день и больше ничего. 125 граммов вожделенного черного липкого меси-ва, сделанного из мучных отходов. 125 граммов, от которых зави-

села жизнь. Как я теперь понимаю, свою «пайку» мама отдавала мне. Кто почему-то лишился карточки, тот быстро умирал.

Какое-то время мы еще ходили в школу. В классах было так холодно, что чернила замерзали в чернильницах-непроливашках. Мы надевали на себя все, что можно, и были похожи на нахохлившихся голодных воробьев. Жевали хвою уличных елок. До сих пор у меня сохранилась эта привычка. Электричества не было, горели коптилки – баночки с горючей жидкостью, в которые вставлялся фитилек. Копоть от этих «осветителей» оседала на наших лицах. Бумаги не было, писали на обрывках старых газет. Сил становилось все меньше, и вскоре занятия в школе прекратились.

Дима Иванчиков-Машкович с родителями до войны

Дети целыми днями и ночами лежали, укрывшись всем, чем можно, старались не шевелиться, чтобы расходовать меньше энергии. В голове была только одна мысль: очень хочется есть. Чтобы в комнате было хоть чуть-чуть теплее, чем на улице, сожгли в «буржуйках» все, что горело: мебель, паркет... Когда раздавался сигнал бомбежки, мы становились в проемы окон и дверей, так как спускаться в бомбоубежище не было сил.

Особенно потрясло меня и всех детишек нашей коммунальной квартиры одно событие: сосед, пожилой мужчина, оказался людоедом. Это ужас, мне кажется, живет во мне даже спустя многие го-

ды. Иногда, после особо напряженных дней, я вскакивал ночью с широко раскрытыми глазами и бросался к детским кроваткам моих дочек. Я должен был их защитить. Теперь это научно называется Ленинградским синдромом.

Дима Машкович

*Лида Крыльцова-Сперанская
после войны*

Люди умирали на улицах, лежали там по несколько дней.

Сначала умерла бабушка, а в мае 1942 года не стало мамы. Только теперь я понимаю, что свои непрожитые годы она отдала мне. Те 125 граммов хлеба, которые мама потихоньку отдавала мне, сделали свое дело: я остался жить, а ее не стало... На следующий день я написал письмо папе в Москву, которое чудом дошло до него. Я писал:

«Дорогой папа!

Моя мама умерла 20 мая в 6 часов утра. Папа! Нас теперь осталось только четыре человека. Я, Ната, тетя Клава и ее сын Саша, остальных нет. Папа! только вот сейчас маму повезли в церковь, там теперь морг...

21 мая 1942 года, ровно 12 часов утра».

Этот пожелтевший листок с корявыми буквами хранится в нашей семье как реликвия, как напоминание детям, внукам, правнуку о том горе, что принесла война.

Каждый раз, когда я или кто-то из моих близких бывают в Ленинграде, обязательно идем на Пискаревское кладбище и кладем цветы на братскую могилу № 1 с цифрой «1942 год». Я хотел бы, чтобы эта традиция сохранилась в нашей семье на долгие годы.

Особое место в воспоминаниях Вадима Павловича занимает эвакуация детей и женщин через Ладожское озеро. Это была последняя надежда попасть на Большую землю. Вот его рассказ об этих днях:

Летом 1942 года вышел Указ об эвакуации детей и женщин. В конце августа я и мои двоюродные сестра Ната и брат Саша сели на маленький переполненный кораблик, который повез нас «Дорогой жизни», прочь от голода и бомбежек. Маленьких детей разместили внутри, там были артисты, которые развлекали их, чтобы отвлечь от того, что творилось сверху. Дети постарше и женщины стояли на палубе. Вдруг появились немецкие самолеты, которые атаковали наши кораблики, несмотря на белые с красными крестами флаги. Это был настоящий ад. Я бросился ничком на палубу. Приподняв голову, я увидел, как два из трех кораблей разлетелись в щепки. Каким-то чудом мы остались целы и добрались до другого берега. Шоковое состояние не покидало меня довольно долго, и это возможно и спасло: я не смог есть крутую кашу с мясом, которой нас стали кормить. Истощенные люди, вопреки предупреждениям врачей, набрасывались на нее и умирали прямо на наших глазах. Это было еще ужаснее, чем только что перенесенное в пути.

И когда меня встретил папа и отвез в город Киров, где меня ждала новая судьба, которую с большой любовью мне дала моя вторая мама, Бестужева Валентина Николаевна, человек необычайной широты души, я понял: жизнь не закончилась, жизнь продолжается! Я с жадностью бросился в учебу, и это желание не покидало меня всю жизнь. Конечно, здесь в эвакуации тоже многого не хватало: учебников, тетрадей, ручек, да и еды, но это не имело для меня уже никакого значения – ведь я вернулся из ада!

Особенно яркие воспоминания связаны у меня с Днем Победы, вернее – с празднованием этого дня.

Салют Победы! Мне было уже почти 14 лет, я воспринимал жизнь по-взрослому и понимал, что означает этот праздник для

страны, для меня. Но это было в сознании, а наружу рвалось то, что было в сердце: почти эйфорическое ощущение счастья. Я был со своими друзьями на Красной площади. Бегающие лучи прожекторов, залпы салюта, ликующие лица вокруг, и как кульминация – неожиданно из темноты неба, в скрещенных лучах прожекторов появился аэростат с огромным портретом И.В. Сталина. Люди буквально стояли на головах. В едином порыве все кричали: «Ура! Победа!», обнимались, плакали, смеялись. Это было похоже на сумасшествие, но в хорошем смысле этого слова.

Вспоминая все это, я поймал себя на мысли: много еще в жизни у меня было счастливых и ярких моментов, но о том, что пережили мы, дети войны, пусть знают и помнят наши потомки, и пусть стараются сделать так, чтобы это никогда не повторилось.

Невозможно забыть о блокаде
Даже тем, кто не жил в Ленинграде,
Чьи друзья и родные прошли
Через страшные ночи и дни.
Без тепла, без огня и без хлеба...
Было только далекое небо,
И они умирали... Но жили!
И всем сердцем свой город любили.

Т.А. Озолина

ВСПОМИНАЯ ВОЙНУ

Начало войны я, конечно, помнить не могла – была слишком мала. Тем ярче запечатлелись в детской памяти отдельные эпизоды. За те четыре года мы – дети войны – очень быстро повзрослели и живо реагировали на те ситуации, которые современных детей нашего возраста оставили бы равнодушными.

До эвакуации (осень 1941 года). Помню, как мы с мамой, бабушкой и братишкой каждую ночь спускались на платформу станции метро «Красные Ворота» и там спали прямо на рельсах. Спали крепко, как спят все дети, да еще мы не слышали гула прорвавшихся сквозь воздушные заграждения вражеских самолетов и взрывов бомб. Очень ярко мне запомнилась такая картина: мы поднимаемся на эскалаторе наверх, выходим на улицу, которая, как льдом, покрыта осколками стекла, а по ней идут девушки в военной форме и «под уздцы» ведут огромные надутые газом «колбасы» – аэроостаты. Это ночная защита города.

Эвакуация (1942–1943 годы) запомнилась мне как огромный хаос. Штурмом брались поезда. Это было очень страшно. Родители остались в Москве, а мы с братишкой и бабушкой отправились в глухую деревню в Марийской республике. На остановках бабушка убегала за кипятком, а мы с братом боялись, что она отстанет от поезда и громко ревели. Но мир не без добрых людей: военный, ехавший в отпуск, стал приносить нам кипяток, и это был поступок в то время. Долгая дорога и голод, голод всю зиму 1942 года. Приехала мама. Чтобы поддержать детей, она сдавала кровь: за стакан сданной крови получала стакан сахара. Лепешки из мерзлой картошки, собранной на заснеженных полях, были лакомством, а рябина из морозного леса заменяла нам конфеты.

Салют Победы. Этот день я помню очень хорошо, ведь мне было уже шесть лет. Мы жили около Красных Ворот, довольно близко от Центра, поэтому все празднество происходило как будто над нами. В небе бегающие лучи прожекторов, залпы салюта, аэростат с огромным портретом Сталина. Вокруг все смеются, плачут от

счастья, поют и каждый залп сопровождают единым восторженным криком. Взрослые – как дети, дети – как взрослые! Все перемешалось в эти минуты. Счастье захлестывало нас, и вовсе не хотелось думать о том, что пройдут годы, прежде чем отменят продовольственные карточки и мы снова заживем в достатке.

После 1946 года. В школе учеников младших классов чуть-чуть подкармливали: давали одну карамельку, которую я не могла позволить себе съесть, несла домой маленькой годовалой сестренке. А иногда давали чайную ложечку сахарного песка, насыпали прямо в рот. Вот когда наступало наслаждение: я могла его съесть со спокойной совестью.

Вспоминая все прошедшее, я молюсь лишь об одном: не дай Бог нашим детям, внукам, а теперь уже и правнукам, пережить то, что нам пришлось перенести.

Наумов В.И. (1932–2024)

ВСПОМИНАЯ ПЕРЕЖИТОЕ

Глаза закрою, и опять
Меня придавит груз наследства,
И мне растерянно стоять
В плену обугленного детства...

*Леонид Тризна,
«В плену обугленного детства»*

Десятки, сотни тысяч малолетних узников фашизма, попавших в концентрационные лагеря, остались прахом и пеплом в немецкой земле. Многие из тех, кто пережил фашистское рабство и вернулся на Родину, не любят вспоминать о пережитом, о перенесенных страданиях, стараются вычеркнуть из памяти страшные страницы. Другие, наоборот, стремятся поделиться воспоминаниями и таким образом частично снять с себя тяжкий груз памяти. Но ни тем, ни другим освободить свою память от пережитого не удастся. Это постоянная тяжелая ноша, на которую обречены дети войны – бывшие малолетние узники фашизма.

Мой отец, Наумов Илья Кузьмич, был кадровым военным, член партии с 1919 года. Служил в пограничных войсках в Белоруссии, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири, был крупным политработником, демобилизовался из армии по состоянию здоровья в звании дивизионного комиссара (два ромба в петлицах). Перед войной перешел в систему Наркомпроса и был назначен начальником 5-й артиллерийской спецшколы в Москве. В годы войны – начальник отдела военных спецшкол, а с 1943 года – начальник управления детских домов в Наркомпросе. Мать, Наумова Мария Антоновна, детский врач, работала в больнице имени Русакова.

Война застала меня и мою старшую сестру Маю на каникулах у бабушки, матери отца, в деревне Одинцово под Смоленском, куда нас из Москвы отправили родители. Мне в то время только что исполнилось девять лет, я окончил второй класс, а сестра, окончившая семь классов, была на шесть лет старше. Приехать за нами родители не смогли, а у нас самостоятельно эвакуироваться не было возможности. Уже на третий или четвертый день войны немецкие самолеты бомбили Смоленск. В городе были пожары. Днем над городом стоял столб черного дыма, а ночью зарево создавало зловещую па-

нораму. Беженцы из Смоленска расселялись по окрестным деревням. Немецкие самолеты сбрасывали низкопробные листовки: «Бери хворостину, гони жида в Палестину!», «Бей жида-политрука, морда просит кирпича!». Звуки артиллерийской канонады приближались к Смоленску. 16-го июля, через три недели после начала войны, мы впервые увидели немецких солдат. Они шли по полю в своих серых мундирах с автоматами наперевес, почти в полной тишине. Мы были в оцепенении: смерть была совсем рядом... Спу-

стя несколько дней наши войска перешли в контрнаступление. Был жестокий бой, в течение которого, два или три дня, мы сидели в самодельном убежище. Бой, который можно было бы назвать: «Пехота против танков», шел почти над нашими головами. Немецкий танк прошел прямо по нашему убежищу, едва не похоронив нас под своими гусеницами. Наши войска отступили, оставив на поле боя сотни убитых и раненых красноармейцев. Впервые мы увидели столько смертей. А оставшихся в живых советских солдат ждал немецкий плен. Летом и осенью многотысячные колонны советских военнопленных по Рославльскому шоссе и Киевскому большаку тянулись к Смоленску во временный лагерь, существовавший до зимы 1941 года. Это был ад под открытым небом. Пленные погибали от голода, холода, болезней. Русские женщины, несмотря на запрет немецкой администрации, пытались, как могли, помочь пленным, бросали через колючую проволоку хлеб, картошку, надеялись найти среди пленных своих родных. Выжившие в этот период пленные были отправлены в Германию. А для нас начался двухлетний период оккупации.

Что врезалось в память от того времени? Голодная осень и зима 41–42-го года, мародерство немецких солдат, бомбардировки советской авиации, угрожавшие и нашей жизни, смерть близких людей, двух моих двоюродных братьев. Была постоянная угроза доносов на нашу семью, на мою бабушку, мать троих сыновей – коммунистов и командиров Красной Армии, в числе которых был и мой отец. К счастью, никто из деревенских жителей, даже сотрудничавших с оккупантами, не решился донести на очень уважаемую в деревне семью.

Главой семьи была бабушка Матрена Трифоновна. В деревне нас так и звали: Матренины. Вместе с бабушкой жили один из трех братьев отца Петр Кузьмич с женой тетей Полей и тремя детьми, среди которых был мой ровесник Вася, пятилетняя Надя и трехлетний Толик, и сестра отца Ксения Кузьминична с сыном Виктором, на два года старше меня. В августе 41-го, по-видимому, – от дизентерии, умер Толик, а весной 42-го – Вася. Он ушиб ногу, на месте ушиба образовался большой синяк, ставший причиной заражения крови. Никакой медицинской помощи в условиях оккупации не было. На оставшиеся годы войны я заменил Петру Кузьмичу сына, а он мне – отца, и я до сих пор испытываю к нему благодарность за

заботу и уроки жизни. В обстановке того времени надежды на встречу с родителями, на возвращение в Москву полностью исчезли.

Деревня Одинцово примыкала к полю довоенного осоавиахимовского аэродрома. Сейчас там находится Смоленский аэропорт. Фашисты использовали этот аэродром для базирования военной авиации, совершавшей налеты и на Москву. В зимнее время жителей деревни гоняли на расчистку взлетной полосы. Наша авиация регулярно бомбила этот аэродром, пытаясь парализовать его работу. Обычно налеты нашей авиации проходили в ночное время. Немецкая противовоздушная оборона (прожектора, зенитная артиллерия) располагалась прямо в деревне. Во время налетов мы выходили на улицу, радовались, когда наши летчики поражали цель, переживали, когда фашистам удавалось сбить наш самолет. Чтобы ввести в заблуждение наших летчиков, немцы организовали ложный аэродром по другую сторону деревни, в полукилометре от наших хат. Это были невысокие столбики, увенчанные электрическими лампами, выстроенные в ряд, имитируя взлетную полосу. Когда совершала налет наша авиация, фашисты на короткое время зажигали лампы, сбивая с толку наших летчиков, сбрасывавших бомбы на ложный объект. Надо отдать должное нашим пилотам: они бомбили довольно точно, часто рвали провода на фиктивной «взлетной полосе». Но когда немного ошибались, бомбы падали совсем рядом с нашими хатами. После одного из налетов три бомбы упали в 30–50 метрах от нашего дома.

Как складывалась жизнь в оккупации? В условиях постоянной угрозы смерти, не по одной, так по другой причине, нужно было выживать, как-то питаться, как-то одеваться, заботиться о детях. В прочем, в деревне – вообще, а в условиях оккупации – особенно, понятие «дети» довольно условное. Все, кто был в состоянии работать, приносить какую-то пользу семье, детьми не считались. Свой кусок хлеба к обеду нужно было заработать. К концу лета 1941 года с

меня сошел весь столичный флер, и стал я обычным деревенским пацаном, наравне с моими двоюродными братьями.

Осенью 1941 года немцы заставили жителей собрать урожай на полях соседнего бывшего совхоза Миловидово. Собранный урожай картошки, свеклы, капусты, складированный на краю поля, охранялся немецкими солдатами-сторожами. Незаметно подобраться к складу овощей легче всего было нам, пацанам. Стащить из-под носа у немцев кочан капусты или пару бураков было большой удачей. Когда ударили морозы, на поле еще можно было найти и выкопать мерзлую картошку. Оладьи из этой картошки, поджаренные на машинном масле, были для нас деликатесом.

При всей занятости домашними делами у нас все-таки оставалось время и для досуга, для общения с деревенскими ребятами. Одной из наших забав были поиски и извлечение пороха из артиллерийских снарядов. А еще много читали, наверно, прочли все, что можно было найти у соседей в деревне. После смерти Васи мы с Виктором остались вдвоем. Хотя разница в возрасте в то время ощущалась достаточно сильно, это не очень мешало нашей дружбе. Были еще деревенские друзья, мои ровесники, которых я вспоминаю с большой теплотой.

Немцы не скрывали свои планы ликвидации «неполноценных» наций, евреев и цыган. Регулярно появлялись слухи о расстрелах евреев как в самом городе, так и в других населенных пунктах области. У северного края деревни, ближе к Смоленску, был большой овраг. Деревенские ребята рассказывали, как они, подбираясь к краю оврага, видели расстрелы заключенных. В Смоленске во время оккупации еврейское население было полностью уничтожено.

Одна из существенных особенностей жизни в оккупации – дефицит информации. Окольными путями доходила информация о положении на фронте, иногда – от самих немцев. А в Смоленске издавалась официальная газета «Новый путь», где печатались заметки об успехах немецких войск, о скором взятии Москвы и Ленинграда. Из этой газеты мы узнали, что попал в плен сын Сталина Яков, что сдался в плен генерал Власов.

К сожалению, в оккупации пришлось видеть много примеров коллаборационизма и предательств. Это старосты и полицаи, упомянутая выше газета «Новый путь». А в 1942 году недалеко от деревни, на Рославльском шоссе, в районе, называемом сегодня

«Сельхозтехника», появилась воинская часть РОА, так называемой «Русской освободительной армии», сформированной из советских военнопленных, перешедших на сторону врага. Бывшие советские солдаты в немецкой форме – в этом было что-то абсурдное и злое. Они называли себя «националистами». Термин «власовцы» появился позднее. Немцы собирались использовать их для карательных акций и борьбы с партизанами.

Летом 1943 года фронт вновь начал приближаться к Смоленску. Немцы готовились к обороне: копали окопы, блиндажи, выкопали большой противотанковый ров, прошедший рядом с нашей хатой. Остатки этого рва можно найти и по сей день. Однажды, в двадцатых числах сентября, часов в шесть вечера, староста деревни огласил приказ немецкого начальства, в соответствии с которым всем жителям предписывалось покинуть деревню до двенадцати часов следующего дня, с предупреждением, что все, замеченные на территории деревни после указанного часа, будут на месте расстреляны. После краткосрочных сборов в условиях паники мы переместились в соседнее Миловидово, где такого приказа не было.

Вернуться домой нам не довелось. Наша деревня была сожжена, а значительная часть жителей Одинцова и Миловидова, в том числе и наша семья, была угнана в Германию. Нас гнали через горящий Смоленск. Перед тем как оставить город, фашисты взрывали дома, промышленные объекты. Мы прошли пешком от Смоленска до Борисова под Минском, там впервые попали в лагерь за колючей проволокой, и откуда в вагонах для перевозки скота нас вывезли в Германию. А Смоленск был освобожден нашими войсками через два дня после нашего угона, 25 сентября 1943 года.

Из транзитного лагеря в городе Зост, выполнявшего роль невольничьего рынка, наша и еще две семьи из наших мест попали в качестве восточных рабочих на текстильную фабрику Фридриха-Вильгельма Бляйхе в Бракведе, промышленное предместье города Билефельда. На территории фабрики находился лагерь советских военнопленных, филиал, или, как было принято говорить, рабочая команда базового лагеря Шталага-326, одного из крупнейших лагерей наших военнопленных в Германии. Часть пленных работала вместе с нами на фабрике. Так судьба снова свела нас с нашими солдатами – военнопленными, воевавшими в том числе и под Смоленском. Наши условия жизни были очень похожи на условия

пленных: такие же трехэтажные нары, такое же питание: раз в день похлебка из брюквы и бурда под названием «кофе» утром и вечером, буханка хлеба-эрзац пополам с опилками на пятерых. Разница была только в том, что пленные находились под военной охраной и жили в бараке за двойной колючей проволокой. Наше общение с пленными было ограниченным, но все же мы достаточно много разговаривали как могли, помогали друг другу. Пленные, молодые ребята, с горечью рассказывали о боях в начале войны, о неразберихе в управлении войсками, о том, как попали в плен. Болезнь, любое нарушение установленного режима было чревато для пленных угодом в Шталаг, откуда никто не возвращался. Об условиях жизни в Шталаге пленные хорошо знали, поэтому прощались со своими товарищами, подлежащими возвращению в базовый лагерь, навсегда.

Работа пленных и восточных рабочих на фабрике проходила в две смены, дневную и ночную, по 12 часов. Для меня, как самого младшего рабочего, было сделано исключение. Я работал только днем и на два часа меньше взрослых, а тринадцатилетний Виктор считался взрослым и работал в две смены, менявшиеся через неделю. Простые рабочие-немцы, в основном – старики и женщины, относились к нам с сочувствием. У многих из них на фронте были сыновья и мужья, были погибшие. Война и для них стала трагедией. А среди мастеров был один нацист, пленные называли его «четырёхглазый» за очки на лбу, который часто проявлял жестокость: мог дать подзатыльник, выбить ногой табуретку, если я или кто-то из наших рабочих присел отдохнуть.

В 1944 году начались регулярные налеты авиации союзников и бомбардировки немецких городов. Несколько раз бомбили и Билефельд. А два раза, в феврале и марте 1945 года, бомбили предместье Билефельда – Бракведе, где располагались наша фабрика и наш лагерь. О так называемых ковровых бомбардировках союзников много писалось. Если говорить коротко, это ад на земле. Жилые кварталы Бракведе, предприятия были превращены в руины. И в этом аду мы чудом уцелели.

2 апреля 1945 года после небольшого, скорее символического боя американские войска заняли Бракведе. Противостояли американцам последние военные резервы фюрера, так называемый фольксштурм, в основном – пожилые немцы, жители окрестных посел-

ков, вооруженные фауст-патронами, реактивными снарядами однократного действия. Выстрелив один раз, они разбежались по своим домам. Так к нам пришло освобождение.

В последних числах марта лагерь военнопленных на территории фабрики был ликвидирован. Всех пленных под конвоем угнали в неизвестном направлении. Об их судьбе мы ничего не знаем. Но нескольким пленным удалось убежать из колонны. Они вернулись в наш лагерь уже после освобождения. Этим ребятам мы обязаны жизнью. Спустя несколько дней после прихода американцев на наш лагерь было совершено нападение. Группа фанатиков-фашистов сделала попытку окружить и перебить нас с помощью холодного оружия. Но наши пленные сумели занять оборону и защитить нас, убив одного из нападавших. После этого инцидента американцы перевели нас сначала в большой интернациональный лагерь принудительных рабочих в Билефельде, а затем – в лагерь в районе деревни Аугустдорф, где содержались только советские граждане, «восточные рабочие» и освобожденные военнопленные из Шталага-326. Деревня Аугустдорф находится рядом с городом Штукенброк, в окрестности которого был расположен упомянутый Шталаг-326. Сейчас этот лагерь часто называют по имени города.

Шталаг-326, или лагерь Штукенброк, как и Бракведе, был освобожден 2 апреля 1945 года. Вот что написал американский репортер Джон М. Меклин, увидевший Штукенброк в день освобождения: «Когда американские войска захватили сегодня этот город, они обнаружили почти 9000 человек, подобно дикарям, дравшихся за несколько буханок черного хлеба. Они видели, как эти люди хватили друг друга за горло из-за пригоршни муки, рассыпанной в грязи. Они видели, как обезумевшая от голода толпа опустошала барак, в котором хранилось продовольствие.

Даже если американцы, побывавшие сегодня здесь, еще не испытывали ненависть к немцам, то теперь они, наверняка, ее чувствуют. Американцу трудно понять, как такое место вообще могло существовать – грязное, убогое место, настолько отвратительное, что некоторые наши солдаты были не в силах подавить чувство тошноты.

В течение трех лет здесь ежедневно умирали от голода в среднем 15–20 человек. Это то место, о котором нужно будет вспомнить, когда нацизм призовет к ответу...».

Шталаг-326 вмещал порядка 10 000 узников. А недалеко от лагеря находится братское кладбище, где покоится прах 65 000 бывших советских воинов, погибших в Шталаге. Судя по числу погибших, состав лагеря за годы войны обновился по меньшей мере шесть раз. Узники Шталага сами после освобождения впервые увидели это страшное место, где еще не до конца были закопаны ямы с трупами пленных. И вот в этой обстановке, среди едва живых, только что освобожденных узников нашлась группа энтузиастов, решивших увековечить память своих боевых товарищей. Инициаторами этой идеи стали бывшие пленные: Н.П. Смирнов, А.А. Мордань, В.Ф. Хоперский. Среди активных участников проекта был и Дмитрий Павлович Орлов, художник, человек удивительной судьбы, с которым я познакомился и подружился спустя 50 лет. Организаторам проекта удалось собрать среди бывших пленных специалистов и энтузиастов, совершивших большой гражданский подвиг: в течение трех недель они разработали проект, нашли материалы и соорудили первый на немецкой земле монумент в память о погибших советских воинах, покоящихся в братских могилах Штукенброка. Было благоустроено и кладбище.

2-го мая 1945 года, за неделю до дня Победы, когда еще шли бои под Берлином, в присутствии тысяч бывших пленных и восточных рабочих, среди которых был и автор этих строк, состоялось торжественное открытие монумента и мемориала в Штукенброке. Я хорошо помню торжественную церемонию у монумента, выступления бывших узников Шталага и представителей американского командования, церемониальный марш взвода американских солдат и салют в память о советских воинах, покоящихся в земле Штукенброка.

А наш лагерь Аугустдорф стал советским островом на немецкой земле. Мы слушали московское радио, была организована самодеятельность, выходили стенные газеты, боевые листки. Издавалась и многотиражная газета «Родина зовет». В Аугустдорфе мы узнали о взятии Берлина, о самоубийстве Адольфа Гитлера, об окончании войны и нашей Победе. Мы все были в состоянии эйфории и с нетерпением ждали возвращения на Родину.

1-го мая в лагере впервые появился представитель советского командования капитан Комаров. Выступая на митинге, он говорил, как Родина ждет своих граждан, оказавшихся в фашистской неволе,

как товарищ Сталин заботится о нас и за наше возвращение готов платить союзникам золотом. «Мы вывезем всех до последнего, никого не оставим на немецкой земле», – говорил Комаров. Была и противоположная агитация. Американская, а потом и английская администрация лагеря агитировали нас за эмиграцию в Америку, Канаду. Но наше решение было непоколебимо: только домой, только на Родину!

И вот в июле 1945 года наступил тот долгожданный момент пересечения демаркационной границы между английской и советской зонами оккупации в районе Магдебурга. Колонна наших «студбеккеров» въезжает на нейтральную полосу. За нами опускается английский шлагбаум, а впереди открывается советский шлагбаум. Мы уже видим советских солдат, чувствуем себя почти дома, кричим «Ура!» и вдруг видим, как наши солдаты в ответ молча грозят нам кулаками... Потом были допросы, проверки, фильтрация, и только после этого – возвращение на Родину.

Наша встреча с родителями состоялась через четыре месяца после окончания войны, 17 сентября 1945 года. Конечно, за годы войны я и сестра сильно изменились. Но мы увидели большие перемены и в родителях. Особенно изменился отец, ставший совершенно седым. В 1942 году отца отозвали в Москву из города Ишим, куда была эвакуирована 5-я артиллерийская спецшкола, и назначен начальником отдела военных спецшкол в наркомате просвещения РСФСР. После освобождения Смоленска в сентябре 43-го года он приехал в Одинцово, пытаясь разыскать нас. Ему удалось узнать от случайно оставшихся жителей, что мы живы, но вместе с другими жителями Одинцова и Миловидова угнаны в неизвестном направлении. Все его попытки найти наши следы оказались безуспешными. Возвратившись в Москву, отец получил новое назначение. Нарком просвещения Владимир Петрович Потемкин назначил его начальником управления детских домов РСФСР, по его словам – в виде компенсации за потерю собственных детей. Даже в зрелые годы, став отцом и де-

дом, мне трудно представить, что пережили наши родители, потеряв детей, ничего не зная об их судьбе. Наш день возвращения 17 сентября стало для них и для нас нашим вторым днем рождения, который я отмечаю всю жизнь.

Сурово встретила Родина своих соотечественников, бывших советских солдат, доживших до Победы и вернувшихся из фашистского плена. Товарищ Сталин в свое время дал четкую формулировку: «У нас нет пленных, у нас есть только предатели Родины!» И это страшное, незаслуженное клеймо на долгие годы определило отношение государства к бывшим военнопленным. Если даже они избежали прямых репрессий, многие двери, пути, ведущие к образованию, к достойной жизни и работе, были для них закрыты. И не только для них, но и для их ближайших родственников, включая детей. Невольно страшная формулировка вождя распространялась и на бывших рабов фашизма, переживших трудовые и концентрационные лагеря. Это нужно было вытерпеть, пережить... Только спустя 50 лет после окончания войны Указом Президента РФ от 24 января 1995 года справедливость формально восстановлена: бывшие военнопленные и бывшие восточные рабочие, угнанные в годы войны в Германию, были полностью реабилитированы. К сожалению, многие – посмертно.

Мне повезло. После двух лет оккупации и почти двух тяжелых лет пребывания и принудительной работы в Германии я не только остался жив, но вернулся на Родину, встретился с родителями, сумел закончить среднюю школу с золотой медалью, получить высшее образование, престижную профессию. Это, к сожалению, одна из немногих счастливых судеб. Хотя и передо мной не один раз оказывались закрытые двери. Но я знаю много историй моих сверстников, жизнь которых сложилась совсем иначе из-за компрометирующего факта пребывания в Германии.

С тех пор прошло много лет. Ушли из жизни почти все мои родные, с которыми я пережил тяжелые годы оккупации и фашистского рабства. В 1993 году умер мой двоюродный брат Виктор Григорьевич Половцев. Он сумел закончить Смоленский институт физкультуры, был заслуженным тренером РСФСР по конькобежному спорту, а в конце жизни заведовал кафедрой «Вело-коньки» в Минском институте физкультуры. В 1995 году умерла дочь Петра Кузьмича, моя двоюродная сестра Надежда Петровна, вернувшаяся

из Германии в девятилетнем возрасте и так и не сумевшая получить ни хорошего образования, ни профессии. В 2003 году умерла моя сестра Мая Ильинична. В Смоленске живет еще один мой двоюродный брат Иван Петрович Наумов, родившийся в 1943 году в оккупации, попавший в Германию, когда ему исполнилось всего девять месяцев, чудом оставшийся в живых. О том, как прошли два года его пребывания в Германии, он знает только по нашим рассказам.

В конце 80-х годов прошлого века образовался Международный, республиканские и региональные союзы бывших малолетних узников фашизма, в работе которых я принимаю посильное участие. В этих организациях я обрел новых друзей, товарищей по военной судьбе. Среди них – Николай Николаевич Дорожинский, председатель Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашизма, Леонид Кириллович Синегрибов, главный редактор газеты бывших узников «Судьба», Леонид Михайлович Трizza, поэт и журналист. Но особую ценность для меня представляли знакомство и дружба с бывшими военнопленными, узниками Штукенброка. В московской школе 863 есть уникальный музей, посвященный истории войны, в создании которого приняли участие бывшие военнопленные. В этом музее собран богатый материал о Шталаге-326. В школе 863, ставшей традиционным местом ежегодных встреч бывших узников Штукенброка, я познакомился и подружился с замечательными людьми, настоящими патриотами Дмитрием Павловичем Орловым, участником создания памятника-монумента советским воинам – жертвам Шталага-326, Валентином Александровичем Родинковым, главным редактором газеты «Родина зовет», издававшейся в 1945 году в Германии после нашего освобождения, Василием Михайловичем Кочеуловым и др. Для меня большая честь, что эти люди, пережившие Штукенброк, приняли меня как своего младшего товарища.

Есть большая разница между понятиями «сдаться» и «попасть» в плен. Среди тех, с кем я работал в годы войны на фабрике «Бляйхе», и тех, кого знал и с кем дружил в последние годы, не было сдавшихся в плен. И в могилах Штукенброка лежат те, кто попал в плен, в том числе и защищая Москву. Честь и слава ветеранам, победившим фашизм, вечная память погибшим в боях за Родину. Но справедливость требует вспомнить добрым словом и тех, кто чест-

но выполнил свой воинский долг и чья судьба оказалась связанной с фашистским пленом.

Прах сотен тысяч наших сограждан покоится в братских могилах на немецкой земле. Как сложилась судьба скорбных мемориалов после войны, в том числе судьба Штукенброка? Была «холодная война», политическое противостояние, были попытки ликвидировать захоронения, вычеркнуть позорные страницы из истории Германии. Но нашлись здравые, прогрессивные силы, противостоявшие вандализму. В 1967 году пастор Дистельмайер и политический деятель коммунист Вернер Хенер основали рабочий кружок и пацифистское движение «Цветы для Штукенброка». По их инициативе благоустроено братское кладбище, отреставрирован монумент в память о погибших советских воинах. Мемориал в Штукенброке стал местом паломничества, трибуной для пацифистских манифестаций. В течение более сорока лет, ежегодно в первую субботу сентября в Штукенброке собираются немецкие граждане, представители земель и общественных организаций, крупные общественные деятели Германии, чтобы возложить цветы к братским могилам, вспомнить о погибших и выразить свое отношение к текущим событиям и политике правительства.

В последние годы мне довелось неоднократно бывать в Германии по приглашению Общества «Германия–Россия», участвовать в манифестациях, возлагать венки от имени бывших военнопленных и узников фашизма к знакомому мне с 1945 года монументу. За прошедшие годы братское кладбище сильно изменилось, заросло деревьями, стало похоже на парк. На территории кладбища появилось еще одно мемориальное сооружение, часовня в виде подиума под навесом, служащего трибуной для выступлений. На задней стене подиума рельефный православный крест и по бокам две стелы с надписями на немецком и русском языках. Надпись на русском языке гласит: «Здесь покоятся советские жертвы войны, умершие в 1941–1945 годах вдали от Родины. Вспоминайте об их страданиях и смерти, заботьтесь вы, живущие еще, о сохранении мира между людьми, мира между народами». Трудно передать, что пережил и передумал я, когда ходил по знакомым с юности местам. Кроме официальных выступлений, у меня было много встреч с активистами Общества «Германия–Россия», с немецкими студента-

ми, школьниками. Многие вещи о войне, о фашистском рабстве, о трагедии плена они слышали впервые.

Благодаря содействию председателя Общества «Германия–Россия» (Северный Рейн-Вестфалия) госпожи Вальборг Шредер нам удалось установить контакты и обмен делегациями между московской школой 863 и школой имени Берты фон Зуттнер в городе Дормаген, что близ Дюссельдорфа. (Берта фон Зуттнер – общественный деятель, писательница, первый лауреат Нобелевской премии мира, 1905 г.). Московские школьники несколько раз приезжали в Германию и вместе с немецкими друзьями принимали участие в манифестациях в Штукенброке. В свою очередь, немецкие школьники приезжали в Москву, участвовали в празднованиях Дня Победы, возложили свой венок у могилы Неизвестного Солдата. Я счастлив, что мне удалось свозить в Германию моих внуков, показать им места, где прошла моя юность, показать мемориал и музей в Штукенброке. И, конечно, горжусь тем, что сумел дважды организовать посещение мемориала в Штукенброке нашим замечательным мужским хором МИФИ во время его зарубежных гастролей. Впервые за много лет над русскими могилами прозвучали русские песни в исполнении нашего хора.

Немецкий народ, прошедший через покаяние, решительно осудил преступное прошлое, связанное с фашизмом, искренне стремится к мирным отношениям с соседями, к дружбе с Россией. Трагедия войны – трагедия и немецкого народа. В этой связи хочу в заключение привести строки из полученного мною в 2004 году письма от бургомистра города Дормаген Райнхарда Хаушильда:

«В будущем году 8–9 мая мы отмечаем 60-летие окончания войны и победу над националсоциализмом. Во многих семьях будем мы поминать погибших, которые с восторгом пошли на войну, обманутые преступным фашистским фюрером. Это были немецкие солдаты, которые принесли нужду, беды и смерть миллионам людей в других странах, особенно в бывшем Советском Союзе. Стыд сопровождает наш траур. Мы вспоминаем также о людях, которые освободили нас от этих оков и погибли при этом. В большом количестве это солдаты Красной Армии... 8–9 мая 2005 года – это наше общее воспоминание и общий долг, из которых вырастет общее будущее на базе тесной дружбы и крепкого мира».

Мы – уходящее поколение, пережившее войну. Нам приходится думать не только о прошлом, но и о будущем, будущем наших внуков. Хочется верить, что наших детей и внуков не коснутся трагедии, подобные пережитым нами в годы войны. Но мысли о будущем вселяют тревогу. Какие испытания, какие потрясения выпадут на их долю? Слишком беспокойно в стране и мире, слишком часто на московских заборах и стенах домов я вижу зловещую свастикку...

Свои воспоминания я решил дополнить стихами моего друга Леонида Тризны, бывшего малолетнего узника фашизма, замечательного поэта, к сожалению, уже ушедшего из жизни. Леонид Михайлович Тризна был гостем МИФИ, читал свои стихи, оставил самые добрые впечатления у участников той встречи.

Леонид Тризна

КАК РАССКАЗАТЬ О ТОЙ ВОЙНЕ?

Как рассказать о той войне?
Мне и сегодня нет покоя:
Нам детство выпало такое,
Что не приснится в страшном сне!

Как рассказать о той войне.
Как вам подробности представить?
Их не похоронила память,
Они еще горят во мне.

Как рассказать о той войне –
Мы годы под прицелом жили,
А мама надрывала жилы,
Страдала... А по чьей вине?

Как рассказать о той войне
И уберечься от инфарктов?
Во мне гнездится столько фактов –
На многотомник их вполне!

Как рассказать о той войне?
О той великой, многострадальной,
О гибельной и беспощадной,
И – о ликующей весне!

Как рассказать о той войне,
Моей – на прочих не похожей?
Как нынешних пронять до дрожи?
Ох, Боже мой! Трудней вдвойне!

Как рассказать о той войне –
Во мне натянутой струне?

В РАБСТВО

Нас поезд горя и разлуки
Увозит в чуждые края,
И смотрит Родина моя
Прощальным взглядом скорби-муки.

В слезах глотаем дым косматый,
А поезд – сгусток наших бед –
Ползет в кромешный, белый свет...
Остались где-то наши хаты...

Я этот поезд вижу:
Ползет он в памяти моей.
И, может, до последних дней
Я не поверю в то, что выжил.

Представлю – и мороз по коже:
Как будто еду в нем опять.
...Он будет глухо гроыхать,
Стонать всю жизнь мою быть может.

В ПЛЕНУ ОБУГЛЕННОГО ДЕТСТВА

Глаза закрою, и опять
Меня придавит груз наследства,
И мне растерянно стоять
В плену обугленного детства.

Не надо никаких потуг:
Грохочут взрывы, свищут пули...
Не слышит их, кто сердцем глух –
Во мне они не утонули.

И как я только устоял,
Души своей не покалечив,
Когда войны слепой обвал
Упал на маленькие плечи?

Не понимаю до сих пор,
Что в той вселенской мясорубке
Мне помогло сдержать напор?
Как уцелел в той жизни хрупкой?

Я вижу давнюю весну:
Поля, траншеями изрыты...
Нет, не играли мы в войну –
Мы настоящей были сыты!

О, как из памяти стереть?!
Кто выдаст мне такое средство?..
Мне жизни мало, чтоб допеть
О днях загубленного детства.

***

Как схожи судьбы у детей войны!
Нам так знакомы неуют и голод.
Мы видим одинаковые сны –
Наш мир напололам давно расколот.

О, детство, ты для каждого из нас,
Для обнаженного военным зноем,
Совсем не тех источников запас,
Откуда пьют счастливые запоем.

Совсем иное мы оттуда пьем.
Но мы не стали злей, не стали суше –
Мы крепко любим, весело поем...
Жестокость не ожесточила наши души.

Но не вините нас, когда мы вдруг
Становимся печальнее и строже –
То вспыхнули виденья дальних мук,
А наши судьбы так прискорбно схожи.

2 МАЯ 1945 ГОДА

Второе мая. Взят Берлин.
На Фридрихштрассе русский Вася
Пел и плясал. И – не один
В неудержимом переплясе!

В победном том, лихом, святом,
В неистовом – как выплеск воли,
В крутом, до горечи крутом,
До крика радости от... – боли!

От счастья (с головы до пят!),
Что сдюжили, живут на свете.
От боли – за друзей-солдат,
Что не узнали о Победе!

От боли и за тех своих
Товарищей незабытых,
Что в лихолетьях фронтовых
На перекрестиях глухих
Попали в списки... не убитых,

О нет, не только лишь за них,
Теперь уже почти святых,
Отважно за страну погибших,
Но и за горемык других,
За разнесчастнейших таких,
Попавших в плен по воле Вышней.
Тех, что споткнулись на бегу
В боях за Волгу, и за Вислу,
Как будто сдавшихся врагу,
Как будто предавших Отчизну.

Так, пыхнув трубкой, щуря глаз,
О них в Кремле «Отец народов»
Промолвил как бы мимоходом:
- Военнопленных нэт у нас...

По сути, предал он бойцов,
И в мире многим непонятно,
Как не пошли мы на попятный,
Но русский норов – вот таков!

Чем больше горя и потерь,
Тем яростнее наш воитель.
И потому плясал теперь
В Берлине русский победитель!

Он – победитель в поединках,
Как бы полмира властелин –
Плясал, как плакал на поминках...
Второе мая – взят Берлин!

И – пол-Европы прошагавший
(За всех он в лицах здесь – един!),
Плясал за радостно уставших,
За всех – в сраженьях помогавших,
За миллионы в плен попавших
Плясал боец наш – взят Берлин!

БЫВШЕМУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ УЗНИКУ
ФАШИЗМА (Акростих)

Васильковое детство чуть-чуть улыбнулось –
Ликовали недолго счастливые дни.
Амплитуда судьбы сумасшедшее качнулась,
Да всевышнему слава за мудрость родни.
И никто не слукавил в нелегком вопросе:
Меркантильность у многих была не в чести;
Иждевенцев-детей на погибель не бросив,
Разделили беду – всем по силам нести.

Надо знать эту крепкую спайку в России –
Адаптацию к жизни, где жить не под силу.
Удивляются все, как в фашистском аду
Мы смогли столько лет на бурде продержаться,
Оставались людьми и не предали братства.
Возвратились домой и дождались:

живем на виду!

20 мая 2002 г.

У ОБЕЛИСКА

Стоят, седые головы склоняя,
У обелиска павшим в ту войну
Сороковых солдаты – рать былая,
Собою заслонившая войну.
Все, что могли, сполна тогда отдали,
Шеренга – выщербленный монолит.
Сверкают ослепительно медали,
И День Победы празднично гремит!
Кричащие зарубцевались раны.
А ваши дни светлы ли и легки?
Что вас теперь волнует, ветераны,
Что нынче вас печалит, старики?
О чем сегодня ваши мысли-думы?

Вы вспомнили друзей военных лет,
Или о мире вы задумались безумном,
О все растущих скоростях ракет?..
Да, нынче мир опять тревожно-зыбок,
Хотя и чахнет атомный запас.
Не потому ль опять заныли раны –
В груди сполошный мечется набат.
...Стоят у обелиска ветераны,
На молодых с тревогою глядят.

***

Внимательно глядите в эти лица:
Вам предстоит грядущим рассказать
О тех, кто шел страну свою спасать.
Вам повезло – вы можете гордиться:
Ведь будущие лишь прочтут о них.
А вам легко щекой к ним прислониться
И рассказать им о делах своих,
И самым сокровенным поделиться...

Внимательно глядите в эти лица!
Поторопитесь: завтра будет поздно.
Они уходят – часто не от ран:
То – равнодушие, а то – обман,
И обрываются, сгорая, звезды...
Прислушайтесь: в негромких голосах
Клокочет эхо той години грозной,
Когда миры качнулись на Весах...
Не разрушайте собственные гнезда.

Поторопитесь – завтра будет поздно!

Наумов В.И. (1932–2024)

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ПОБЕДЕ. ШТАЛАГ 326. ШТУКЕНБРОК

(из воспоминаний и выступлений В.И. Наумова)

Справочно: представленный ниже материал в целом охватывает те же события и во многом повторяет информацию, изложенную ранее. Однако он включает множество дополнительных подробностей и деталей, которые могут быть полезны для более глубокого понимания темы. Редакторы, после тщательного анализа, приняли решение не удалять данные фрагменты, чтобы сохранить полноту и целостность представленного материала. Таким образом, текст представлен в своем исходном виде.

В Западной Германии, в Вестфалии, есть городок Штукенброк. Недалеко от Штукенброка, на территории братского кладбища, стоит скромный монумент, под которым покоится прах 65 тысяч советских военнопленных, погибших в лагере уничтожения Шталаге 326, носящем сейчас имя этого мало кому известного городка. Сколько городков и поселков стали известны миру «благодаря» такому страшному соседству! Освенцим, Бухенвальд, Майданек, Маутхаузен, Саласпилс, и вот Штукенброк...

Памяти узников Штукенброка, похороненных в немецкой земле, памяти восточных рабочих, не вернувшихся на Родину, я хотел бы посвятить эти записки. Для меня эта история, довольно типичная, началась в начале июня 1941 года. Меня, девятилетнего московского школьника, отец отвез в деревню Одинцово под Смоленском на каникулы к бабушке. Через две недели туда же приехала моя сестра, сдавшая экзамены за седьмой класс. А еще спустя неделю началась война. На третий или четвертый день войны мы впервые увидели немецкие самолеты, начались бомбардировки, пожары. Я хорошо помню жуткую панораму горящего Смоленска, беженцев, искавших укрытия в ближайших деревнях, приближающуюся к городу канонаду боев. Родители, занятые на службе, не смогли своевременно забрать нас из Смоленска. Самостоятельно эвакуи-

роваться нам тоже не удалось. Да нам и не верилось поначалу, что немцы дойдут до Смоленска. Но события развивались быстро. 16 июля, через три недели после начала войны, фашистские войска заняли город.

Но битва за Смоленск продолжалась. Бои шли восточнее города. Была слышна канонада. Наверное, в те дни мы впервые услышали и увидели издали залпы «Катюш».

Одна из решительных, но, к сожалению, безуспешных попыток вернуть Смоленск была предпринята в 20-х числах июля. Наши войска наступали на город с юго-востока, со стороны Рославля. Деревня Одинцово, находившаяся в четырех километрах к югу от города, неминуемо попадала в зону боевых действий. Вышло так, что как раз в районе деревни организовали оборону. Бой продолжался два или три дня. Неоднократные атаки нашей пехоты отбивались немецкими танками. Все время мы сидели в самодельном убежище, оборудованном на скорую руку. Убежище это имеет свою историю. В Одинцове у меня было два двоюродных брата: Вася, мой ровесник, и Виктор, на два года старше. Я москвич, они ребята деревенские, Я рассказывал им про Москву, про метро. Сразу возникла идея построить метро в Одинцове. Выбрали место недалеко от хаты и принялись за дело. Выкопали яму метра два глубиной и погнали тоннель, естественно, в сторону Москвы. К началу войны прошли метра три по горизонту. Вот это наше «метро» и было использовано как основа убежища. Когда возникла нужда, мой дядя Петр Кузьмич, брат отца, слегка расширил наш тоннель, сделал перекрытие из досок, присыпал его землей, и получилось убежище.

Итак, мы в убежище. Нас 11–12 человек, из них 7 детей от двух до пятнадцати лет. Старшая – моя сестра Мая. Кроме нашей семьи, с нами семья беженцев из Смоленска. Бой идет почти над нашими головами. Непрерывный свист пуль, вой и грохот разрывающихся снарядов. Земля вздрагивает от разрывов. Сверху нам на головы сквозь перекрытие сыплется земля. Женщины молятся. Грохочут немецкие танки. Один из них прошел прямо через наш окоп, чудом не похоронив нас под своими гусеницами. Наши воинские части наступают с юга. Атаки продолжаются днем и ночью. До нас доносятся крики «Ура!», «За Родину!». Но каждый раз немцы отбивают наступление. Сидя в нашем убежище, мы потеряли счет времени.

Наконец, бой стих. Наши части отступили. Мы выбрались из убежища и не узнали окрестности. Вся земля вокруг была изрыта воронками от снарядов. Под вечер мы рискнули пойти по местам, где только что шел бой. Мы – это Петр Кузьмич, Виктор, Вася и я. Я впервые увидел мертвых, убитых красноармейцев. Это было страшное зрелище, но еще страшнее было видеть среди убитых живых, тяжело раненых, в крови, с перебитыми ногами, с ранами брюшной полости, головы. Мы не могли им серьезно помочь, но, по крайней мере, постарались покормить, напоить. Многие раненые без сознания. Кто-то в отчаянии просит пристрелить. Говорят, среди раненых были случаи самоубийства. Те, кто могли говорить, были морально подавлены. С горечью говорили о неразберихе, несогласованности действий. Наша тяжелая артиллерия, по их словам, базировалась в Талашкине, в 10 километрах от передовой, и своим огнем мешала наступлению пехоты, не причиняя большого вреда контратакующим немецким танкам.

На следующий день оставшиеся в живых раненые были собраны немцами и увезены в город. Пережитый нами бой был, по-видимому, последним в непосредственной близости от Смоленска. Затем фронт ушел на восток, а к городу потянулись колонны наших военнопленных под конвоем немецких солдат. На южной окраине Смоленска был лагерь военнопленных: большая территория, огороженная колючей проволокой, под открытым небом. Лагерь существовал всю осень 1941 года. Пленные умирали от голода, холода, болезней. Русские женщины, как могли, пытались им помочь: бросали через ограждение картошку, хлеб. Сейчас на этом месте мемориал в память о погибших. А оставшихся в живых ждали тяжелые испытания фашистского плена в Германии...

Для нас начался отсчет двух долгих лет немецкой оккупации. Я хорошо помню мародерство немецких солдат в первые месяцы оккупации, голодную осень и зиму 1941 года, когда олады из мерзлой картошки, поджаренные на машинном масле, были необыкновенным деликатесом. В августе 1941-го умер мой младший двоюродный брат, двухлетний Толик, а весной 1942-го Петр Кузьмич похоронил своего старшего сына Васю.

Помню регулярные ночные налеты нашей авиации. Деревня примыкала к большому полю Осоавиахимовского аэродрома, находившегося рядом с городом. Сейчас на этом месте Смоленский

аэропорт. А в годы войны использовали этот аэродром в военных целях. На нем базировалась бомбардировочная авиация, совершавшая налеты в том числе и на Москву. Прямо на территории нашей деревни стояли подразделения немецкой противовоздушной обороны: зенитные батареи, прожекторы. И чтобы отвлечь нашу авиацию, немцы устроили по другую сторону деревни, в каких-нибудь трехстах–пятистах метрах от нашей хаты, ложный аэродром. В мелком кустарнике поставили столбики высотой 1,5–2 метра с лампочками наверху. Во время ночных налетов нашей авиации на короткое время зажигались лампочки, имитировавшие взлетно-посадочную полосу и аэродромные службы, и этого оказывалось достаточно, чтобы сбить с толку наших летчиков. После налетов немцы зажигали на ложном аэродроме бочки с мазутом, изображавшие якобы горящие объекты. Между настоящим и ложным аэродромом было километра два, а посередине – наша деревня. Таким образом, мы невольно стали мишенью для нашей авиации. Надо отдать должное, наши летчики бомбили довольно точно и не раз рвали провода на ложном аэродроме. Но если они ошибались, нередко бомбы доставались нам. Однажды три бомбы упали буквально в 30–40 метрах от хаты.

К концу лета 1943 года фронт вновь приблизился к Смоленску. Теперь к обороне готовятся немцы. Нашу деревню пересек противотанковый ров. На окраине деревни сооружаются блиндажи, ходы сообщения. В сентябре началось методичное разрушение города. Немцы взрывают промышленные и крупные жилые здания. Город вновь охвачен пожарами. Сожжена и наша деревня. 22 сентября, за три дня до освобождения Смоленска Советской Армией, нас угоняют на запад.

Наша колонна движется по обочине Минского шоссе. В день проходим 30–40 километров. Ночуем под открытым небом или, если удастся, в сараях. Куда нас гонят – неизвестно. Рядом по шоссе движутся колонны немецкой техники. Существует версия, что с помощью такого соседства отступающие немцы обеспечивали свою защиту от советской авиации. Не знаю, насколько это достоверно, но, к счастью, нас ни разу не бомбили. В начале октября мы оказались в городе Борисове под Минском, в лагере за колючей проволокой. Через несколько дней нас загоняют в теплушки и везут дальше на запад, пока не знаем куда, но перед посадкой в ваго-

ны нам объявили, что в Западную Белоруссию. Большая остановка в Граево, на границе Польши и Германии. Здесь санобработка, дезинфекция, и снова в теплушки. Теперь все ясно: нас везут в Германию.

Поздно ночью нас привезли в город Зост, на западе Германии. Опять лагерь за колючей проволокой, бараки, в центре лагеря – площадь, на которую мы все обязаны выходить по сигналу колокола. Лагерь в Зосте по существу невольничий рынок. Время от времени в лагерь приезжают покупатели, представители предприятий, для набора рабочей силы. Каждый раз на площадь выставляется весь живой товар. Немец-покупатель в сопровождении охранников проходит перед рядами восточных рабов, выбирает приглянувшихся, после чего мы все оставшиеся возвращаемся в бараки. Так несколько раз в день. Постепенно исчезают наши земляки из Смоленска. А мы спросом не пользуемся. Мы – это остатки смолян, три семьи из Одинцова, из соседнего Миловидова, сбившиеся в одну кучку. На шестнадцать человек одна старуха, моя бабушка, и восемь детей, от 10 месяцев до 11 лет, если меня считать старшим. Моему брату Виктору 13 лет, но он уже считается взрослым. По каждому сигналу колокола мы выходим на площадь и держимся вместе. Так проходит несколько дней. Наконец, наступила и наша очередь: какой-то представитель решил нас забрать. Сейчас, спустя много лет, зная другие, более драматические судьбы моих сверстников, я думаю, что в этом было наше спасение, иначе наш путь завершился бы в одном из лагерей уничтожения.

Нас привезли на текстильную Фабрику Бляйхе, в поселок Браквеле, предместье города Билефельда. Фабрика сравнительно небольшая, построенная еще в прошлом веке. На фабрике работают человек пятьдесят немцев, в основном старики, инвалиды и женщины. На территории фабрики расположен лагерь советских военнопленных, филиал базового лагеря Штукенброк, Шталаг 326. Часть пленных, человек 30–35, работает на фабрике, а остальные, их большая часть, – на других предприятиях Билефельда и Бракведе. Так судьба снова свела нас с военнопленными. Многие из них попали в плен в самом начале войны, пережили лагерь, подобные лагерю в Смоленске.

Наш быт мало отличается от быта военнопленных. Разместили нас в помещении бывшего гаража. Трехэтажные нары, стол из

струганных досок, две скамейки, железная печка – вот и весь интерьер. Пищу получаем с кухни вместе с пленными.

Наша стандартная еда – суп из брюквы днем, бурая жидкость под названием «кофе» утром и вечером. Хлеб-эрзац специального изготовления для лагерников, с тиснением даты выпечки на верхней корке: год 1939, 1940. Готовили его впрок, еще до войны. Кажется, буханка на пятерых. Иногда по воскресеньям дают дополнительно пару отварных картофелин. Рацион, хорошо знакомый всем, кто пережил немецкие лагеря. К счастью, на фабрике в технологическом процессе используются крахмал и казеин. Пленные научили нас, как из этого сырья быстро и скрытно приготовить съедобные продукты. Это пополняло наш рацион, но было связано с большим риском: за воровство на фабрике строго наказывали. Прощтрафившимся пленным это грозило отправкой в Шталаг, лагерь строго режима, откуда не возвращались. А для нас, восточных рабочих, были телесные наказания. Помню, как однажды в полиции избili резиновыми дубинками одну из наших работниц, мать двоих малолетних детей.

Работаем мы вместе с пленными. На фабрике это в основном молодежь, лет 20–25. Ребята очень дружные, поддерживали друг друга и нас. Там это было очень важно. В 1944 году начались систематические налеты авиации союзников. К лету 44-го года было практически их полное господство в небе Германии. Почти ежедневно армады тяжелых бомбардировщиков пролетали на большой высоте вглубь Германии. Но несколько тяжелых бомбардировок испытали Билефельд и Бракведе. Союзники практиковали так называемые «ковровые» бомбардировки. При таких бомбардировках разрушаются не только промышленные объекты, а целые районы города. Бомбардировка продолжается несколько часов. Все новые и новые эшелоны подходят к цели и сбрасывают свой груз фугасных и зажигательных бомб. В воздухе стоят дымовые столбы, обозначающие цели, а на земле под ними ад! Ковровые бомбардировки страшны своей жестокостью и фатальностью. От них почти невозможно укрыться. Сотни и сотни восточных рабочих и военнопленных погибли во время бомбардировок.

К апрелю 1945 года второй фронт подошел вплотную к Билефельду. В первых числах апреля после недолгого, скорее символического боя город заняли американские войска.

Накануне прихода американцев все пленные из нашего лагеря были угнаны. Лишь малая часть из них смогла убежать, переждать время боя и вернуться обратно на фабрику уже при американцах. Судьба се основной массы пленных точно неизвестна. По крайней мере, мы их больше не видели. Ходили слухи, что колонна была расстреляна недалеко от Билефельда.

Нужно сказать, что американцы в первые дни после взятия города не очень интересовались судьбой восточных рабочих и военнопленных. И это едва не стоило нам жизни. В один прекрасный день наш лагерь подвергся нападению немецких фанатиков, вооруженных холодным оружием, и только случайно мы не были вырезаны. Спасли нас наши военнопленные, сумевшие занять оборону и продержаться до прибытия наряда американской военной полиции (МР). Этот инцидент заставил нас срочно покинуть фабрику и перебраться в интернациональный лагерь в Билефельде.

Позднее, в середине апреля, американская администрация сосредоточила оставшихся в живых военнопленных и восточных рабочих из Билефельда и его окрестностей в большом лагерь Августдорф, недалеко от Штукенброка.

Вместе с нами здесь оказались и бывшие узники Шталага 326, находившегося неподалеку от Августдорфа. Лагерь, в котором собралось несколько тысяч советских граждан, стал русским островом на территории Германии. Здесь мы впервые получили возможность слушать советское радио. Из московских последних известий мы узнали о взятии Берлина и самоубийстве Адольфа Гитлера, об окончании войны и победе над Германией. Выпускалась газета, была организована самодеятельность. Все мы были в состоянии эйфории, в ожидании скорого возвращения на Родину. Но прошло еще четыре месяца после Победы, прежде чем мы ступили на родную землю. Наверное, поток репатриантов был слишком велик. В советскую зону оккупации нас передали под Магдебургом в июле 45-го, на пути домой нас ждали фильтрационные лагеря в Магдебурге, в Бельциге под Берлином, в Инстербурге под Кенигсбергом. Только 17 сентября мы с сестрой вернулись Москву и после более чем четырехлетней разлуки встретились с родителями. Так закончилось мое первое «путешествие» Германию.

Труднее сложилась послевоенная судьба у моих смоленских родственников. Вернувшись на родное пепелище, они были вы-

нуждены начать все сначала. С тех пор прошло почти пятьдесят лет. Давно умер мой дядя Петр Кузьмич, которому я обязан жизнью. Умер мой старший брат Виктор, с которым прожиты годы войны. В Смоленске живет моя тетя Поля, жена Петра Кузьмича, и ее дочь Надя, моя двоюродная сестра, с которой мы иногда при встречах вспоминаем пережитое.

Меня иногда спрашивают, как к нам относились немцы, были ли с их стороны издевательства над нами. Конечно, положение наше было тяжелым и унижительным, Но, к счастью, на нашей фабрике среди рабочих-немцев не было фанатиков-изуверов. Мастера в цехах относились как к нам, так и к пленными весьма строго. Могли быть и наказания за те или иные проступки. Но со стороны же большинства простых рабочих мы испытывали скорее сочувствие. У многих рабочих сыновья, мужья погибли на фронте или стали инвалидами. Война была большим несчастьем для всех. И у нас не было злорадства, когда на наших глазах разрушались немецкие города, гибли мирные жители под американскими бомбардировками. Я помню все незаслуженные подзатыльники, полученные от немцев. Но с гораздо большим чувством обиды вспоминаю другое. В наших лагерях перемещенных лиц, сначала в американской, а затем в английской зоне оккупации, время от времени появлялись представители советской военной миссии, выступали на митингах, рассказывали, как Родина ждет своих граждан, угнанных в фашистскую неволю. Мы все с нетерпением ждали возвращения домой. Помню наш эшелон, украшенный зелеными ветками, транспарантами, портретами вождя. В советскую зону оккупации нас передали под Магдебургом. Нас везут к демаркационной границе на английских «студебеккерах». Поднимается шлагбаум с английской стороны, нейтральная полоса, впереди советский шлагбаум. Мы видим наших солдат, машем им руками, и вдруг в ответ видим поднятые кулаки... Не помню, чтобы за время пребывания в наших фильтрационных лагерях хотя бы один советский солдат подошел к нам, сказал доброе слово. Пропаганда сделала свое дело. Возможно, правда, что в лагерях мы имели дело со специальными воинскими подразделениями. Но все равно мы остро чувствовали несправедливость и обиду.

Теперь о Штукенброкe. Известность этому маленькому городку принесло соседство с бывшим лагерем уничтожения советских

пленных – Шталагом 326. Таких лагерей на территории Германии было несколько десятков. Шталаг 326 был, может быть, даже не самым крупным. Но он и его условное название «Штукенброк» символизирует для современного поколения немцев память о мучениях советских военнопленных, оставшихся навсегда в земле Германии. Это был тот самый Шталаг, в который загоняли проштрафившихся или больных военнопленных из ближайших городов Вестфалии, в том числе и из Билефельда.

Я впервые увидел этот лагерь в мае 1945 года, уже после освобождения. Лагерь был пуст, его последние обитатели переселились в Августдорф, но в его мрачных бараках еще стоял запах обреченных на смерть людей. По моим представлениям, лагерь вмещал не более 10 тысяч узников. Рядом с лагерем находится кладбище с братскими могилами погибших в нем советских воинов. Сейчас называют число погибших – 65000 человек. Немцы – педанты. Им можно верить. Но это означает, что за годы войны состав лагеря полностью обновлялся не менее шести раз!

После освобождения Шталага американцами среди оставшихся в живых военнопленных нашлась группа энтузиастов, сумевших за фантастически короткий срок, меньше месяца, спроектировать и соорудить на месте братских могил монумент-памятник своим погибшим товарищам. Открытие памятника состоялось 2 мая 1945 года, за неделю до окончания войны. На церемонии открытия присутствовал почти весь Августдорф. Я стоял недалеко от памятника. Помню выступление на митинге бывших узников лагеря, церемониальный марш и залпы салюта взвода американских солдат. Помню, как во время церемонии упала на могилы, забилась в истерику и скончалась на глазах у всех русская женщина.

После войны журналисты много писали об интернациональных концлагерях – Освенциме, Майданеке, Матхаузене. Но много лет я ничего не слышал о Штукенброке. Со временем я пришел к мысли, что братское кладбище и мемориал стерты с лица земли. Но вот в 70-х годах в газетах появилось краткое сообщение, что в Западной Германии возникло пацифистское движение «Цветы для Штукенброка». Каждый год в один из дней, в конце августа или в начале сентября, на кладбище Штукенброка проводятся митинги и церемонии возложения цветов к могилам. В 1985 году, через 40 лет после окончания войны, газета «Комсомольская правда» впервые

опубликовала очерк корреспондента ТАСС Григорьева с рассказом о Шталаге и истории монумента. Появились и фотографии, на которых можно было узнать знакомый мне с 1945 года монумент. С тех пор меня захватила мечта вновь увидеть это место, пройти по земле, где страдали и гибли русские люди, увидеть и понять новое поколение немцев, принесших покаяние за преступления фашистов в годы войны. Неожиданно и совершенно случайно эта мечта осуществилась осенью 1992 года.

Благодаря случайной встрече в Москве с группой немецких студентов, среди которых оказались и студенты Билефельдского университета, активисты студенческого союза антифашистов, я получил официальное приглашение и в сентябре 1992 года, через 47 лет после возвращения на Родину, вновь оказался в Билефельде, в гостеприимном доме родителей одного из моих новых молодых друзей, Яна Фишера. Старшие Фишеры родились в конце войны, знают о ней только по рассказам очевидцев, книгам и памятным местам, которые связаны с событиями тех лет. Мои воспоминания о войне были для них так же интересны, как и для младшего поколения.

Во время визита в Билефельд я несколько раз побывал на фабрике, где работал в годы войны. Фабрика реконструирована и изменила свой профиль. Сейчас там предприятие автосервиса. Но сохранились старые корпуса, где мы работали вместе с пленными. Сохранился и барак военнопленных, перенесенный сейчас на другое место и используемый под склад. Немцы показали мне город, полностью восстановленный из руин, показали Билефельдский университет, построенный в 60-х годах. Сейчас там обучаются 20 тысяч студентов.

Меня поражало, с каким вниманием слушали мои рассказы друзья Яна Фишера. Им интересно все до мельчайших деталей. Кое-что из моих рассказов было для них совершенно новым. Так, они не слышали о пересыльном лагере в Зосте, куда прибывали эшелоны с восточными рабочими. Не видели они и знак «ОСТ» – клеймо, которое носили русские, украинцы, белорусы, работавшие в Германии.

Что касается меня, то больше всего я был потрясен увиденным в Штукенброке...

На территории Шталага 326 сейчас располагается школа полиции. В административном здании школы находится экспозиция, где представлены фотографии тех лет, письменные документы, приказы по лагерю, личные вещи узников Шталага. Книга отзывов свидетельствует о регулярных посещениях этого скромного музея немцами, гражданами других государств.

Территория школы полиции закрыта для посторонних, но для меня было сделано исключение. Большинство старых строений на территории бывшего лагеря снесено. Остались нетронутыми тюрьма (оказывается, в концлагере была еще и тюрьма), баня-санпропускник с барельефом на фасаде, изображающим огромную вошь, и два барака в том виде, в каком они были в 1945 году. При строительстве и земляных работах на территории школы до сих пор находят предметы, принадлежавшие узникам: пряжки от ремней, пуговицы, проржавевшие котелки, самодельные ножи и т.д. Все это заботливо собирается, сохраняется, описывается и сдается в музей. Занимаются этим энтузиасты, простые офицеры-полицейские из администрации школы. Они же выполняют и роль экскурсоводов по территории бывшего лагеря и хранилищам реликвий. Молодое поколение полицейских воспитывается на примере уважения к памяти погибших в фашистских застенках.

Недалеко от лагеря братские могилы Штукенброка. У входа на территорию кладбища стела, повествующая о годах войны и жертвах фашистских концлагерей. Только русских пленных на территории Германии погибло два миллиона. Недалеко от входа монумент со звездами, памятный мне с 1945 года. На трех гранях монумента надписи на трех языках. Русская надпись гласит: «Здесь покоятся русские солдаты, замученные в фашистском плену. Их 65000. Вечная память погибшим! 1941–1945». Рядом с монументом в траве можно увидеть плиты с надписями: «Земля из Москвы», «Земля из Ленинграда», «Земля из Новгорода». Первым землю из Москвы привез в Штукенброк в 1984 году Георгий Хольный, бывший узник Штукенброка.

Аллея ведет к другому мемориальному сооружению, построенному немцами. На столе под навесом рельефный крест. По обе стороны креста плиты с текстами на немецком и русском языках: «Здесь покоятся советские жертвы войны, умершие в 1941–1945 годах вдали от Родины. Вспоминайте о их страданиях и смер-

ти, заботьтесь, вы, живущие еще, о сохранении мира между людьми, мира между народами».

У монументов горы цветов, венков. За две недели до моего визита проходила очередная церемония «Цветы для Штукенброка», на которую я, к сожалению, не попал. На венках – ленты с надписями от разных земель и городов Германии. Видно, что этот скорбный мемориал не забыт сегодняшним поколением немцев.

Домой я возвращался через Берлин. Мои немецкие друзья, прождавшие меня, показали мне остатки знаменитой Берлинской стены, музей в подвалах гестапо, рейхстаг, памятник советским воинам в Тиргартене, Бранденбургские ворота. С Брандербургскими воротами связано одно из моих последних и самых неприятных впечатлений от поездки в Германию. Прямо у ворот на площади расположилась современная русская толкучка. Развязные парни и девицы торгуют офицерскими фуражками, погонами, гвардейскими значками, боевыми орденами, медалями. Почти под аркой ворот гармонист, сидя на старом ящике, играет «Яблочко». Перед ним шапка для сбора милостыни. Мои друзья были явно смущены и шокированы. А мне это мерзкое зрелище в центре Берлина дало психологический настрой перед возвращением на родную землю.

Спустя два месяца, в конце ноября 1992 года, я вновь посетил Германию в составе делегации Ядерного общества. Мы встречались с немецкими учеными, специалистами, обсуждали возможности сотрудничества. Были и неформальные встречи и беседы. Везде мы встречали доброжелательное отношение, деловую заинтересованность в сотрудничестве.

Я невольно сопоставлял мои новые впечатления с полученными во время предыдущей поездки, пытался представить, как немцы воспринимают Россию и сегодняшних россиян, с которыми предстоит строить новые добрососедские и деловые отношения, как воспринимают свою собственную недавнюю историю, связанную с войной, принесшей столько горя народам Европы и самому немецкому народу.

Германия – страна глубоких традиций. Немцы с большим уважением относятся к своим историческим памятникам, к памяти о своих предках. Я видел их ухоженные кладбища, которые не сравнить с нашими. Но что побуждает их ухаживать за русскими могилами? Что понуждает сегодняшних немцев собирать реликвии,

воспоминания бывших узников, писать и издавать массу книг о войне, о годах фашизма, о концлагерях на их земле? Долг, вина перед нами? В какой-то мере да, но не это главное. Скорее всего, это их форма покаяния, их долг перед самими собой, перед собственной нацией и ее грядущими поколениями. Они делают это, прежде всего, для себя. Их сегодняшний нравственный уровень побуждает к этому.

Русские могилы в немецкой земле стали частью их истории. А сегодняшнюю Россию и россиян они по существу открывают для себя заново. Немцы с большим интересом и сочувствием относятся к нашей стране, к нашим внутренним проблемам, как мне кажется, искренне желают нам экономической и политической стабилизации, ищут пути взаимовыгодных отношений. И если мы хотим длительного, плодотворного и доверительного сотрудничества, нам нужно тоже многое пересмотреть в отношении к современной Германии. Было время, когда русские молодые люди ехали учиться в университеты Берлина, Гейдельберга, русские ученые работали в немецких научных лабораториях. В свою очередь, немецкие инженеры делали карьеру в России, строили заводы, железные дороги, несли в Россию свою техническую культуру с пользой и для Германии, и для России.

Восстановление добрых, уважительных, обоюдовыгодных отношений между нашими странами – дело не одного года и даже, может быть, не одного десятка лет. И нам, и немцам предстоит преодолеть возникшие за много прошлых десятилетий барьеры – психологический, языковой, нравственный. Последний мне кажется самым серьезным. Равноправные отношения могут сложиться только у людей и стран, находящихся на одном нравственном уровне, с уважением относящихся друг к другу, к своей и чужой истории и страданиям, сочувствующих, понимающих и доверяющих друг другу.

Для формирования таких отношений нужны контакты, взаимное обогащение культурой и этикой. К большому сожалению, сегодня возможности контактов ученых, интеллигенции, студентов ограничены по экономическим причинам. В самолетах, курсирующих между Россией и Германией, большая часть пассажиров – корабейники, спекулянты, не деловые люди, а дельцы, компрометирующие страну.

В Германии хватает своих внутренних проблем: есть преступность, наркомания, есть бездомные, безработные. Есть неофашисты, которые вызывают особое беспокойство у немцев.

О нравственном уровне молодых россиян немцы могут судить, в частности, и по толкучке у Бранденбургских ворот. Дети и внуки жертв фашизма, покоящихся и в немецкой, и в русской земле, демонстрируют нравственный стриптиз под исторической аркой.

Приближается полувековой юбилей Победы над фашизмом (*прим. воспоминания от 1995 г.*). Уходит в историю война. Постепенно уходит и старшее поколение, вынесшее войну на своих плечах, добывшее Победу своей кровью, прожившее тяжелую трудовую жизнь после войны, испытавшее на себе многолетнюю демагогию и лицемерие и оказавшееся сейчас в оскорбительно сложном положении в конце своей жизни. Я очень боюсь, что пройдет еще несколько лет, и у нас на Родине не только будут забыты и брошены могилы погибших и умерших ветеранов, наше новое общество не будет испытывать нужды в памяти о той страшной войне. И эта нравственная потеря будет невозполнимой. Сегодня еще не поздно оглянуться назад, осмыслить, что с нами происходит, привести в порядок дорогие могилы, позаботиться о живых ветеранах.

Что касается Штукенброка, то мне очень хотелось бы, чтобы в последнем мемориале в честь Победы над фашизмом, сооружаемом на Поклонной горе, нашлось место для слов благодарности тем немецким гражданам из Билефельда и других городов Германии, которые оберегают могилы наших соотечественников, покоящихся в немецкой земле.

«...Вспоминайте о их страданиях и смерти, заботьтесь, вы, живущие еще, о сохранении мира между людьми, мира между народами!» – хотелось бы, чтобы этот призыв из Штукенброка дошел до сознания и сердец наших соотечественников, особенно молодежи. Мы, живущие еще, и наши потомки, которые будут жить после нас, в большом долгу перед теми, кто не дожил до Победы, погиб на поле боя или в фашистском плену. И мне очень хотелось бы, чтобы наши дети и внуки имели не только возможность, но и моральное право принести свои цветы к братским могилам Штукенброка.

Доклад В.И. Наумова
в день Памяти и Скорби 22 июня 2021г.

ПОТЕРИ

**ОБЩИЕ ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОСТАВИЛИ
26 600 000 ЧЕЛОВЕК.**

ИЗ НИХ :

- истреблено мирного населения на оккупированной территории — **7 420 379** человек, в том числе **216 431** ребенок;
- насильственно вывезены в Германию **5 269 513** человек, вернулись после войны **2 654 513** человек, стали эмигрантами **451 100** человек, остальные **2 164 313** погибли или умерли в неволе;
- безвозвратные потери Вооруженных Сил (убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате несчастных случаев, расстреляны по приговору военных трибуналов, не вернулись из плена) — **8 668 400** человек (в это число не вошли военнообязанные, призванные по мобилизации, но так и не доехавшие до фронта и пропавшие без вести до прибытия их в воинские части. Это еще **500 000** человек);
- санитарные потери (раненые, контуженные, заболевшие, обмороженные и обожженные) — **18 344 148** человек;
- пропали без вести и оказались в плену **5 059 000** советских военнослужащих (в их числе **500 000** военнообязанных, захваченных противником на пути в свои воинские части). Около **450 000** — **500 000** пропавших без вести могли остаться погибшими на поле боя;
- общие потери штрафных рот и батальонов — **170 298** человек (в штрафные батальоны и роты за всю войну направлено **427 910** человек).

Источник: Россия и СССР в войнах XX века (статистическое исследование). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

В последний раз я посетил Штукенброк и принял участие в традиционной ежегодной манифестации на братских могилах советских воинов – жертв фашистского плена в сентябре 2015 года.

Вместе со своим внуком, аспирантом НИЯУ МИФИ Иваном За-лужным, работающим в Международном научном центре DESY в Гамбурге, я возложил цветы от имени бывших несовершеннолетних узников фашизма из России, вручил организаторам манифестации Послание от Российского Союза ветеранов. Благодаря немецким друзьям-антифашистам, я имел возможность посетить еще ряд братских могил наших соотечественников в Германии, побывать на местах бывших концлагерей, на территории фабрики, где работал в 1943–1945 годах, встречался с активистами антифашистских организаций, с немецкими школьниками.

Владимир Ильич с внуком Иваном в Штукенброке

Владимир Ильич с внучкой Галиной в Штукенброке

Американский репортер Джон М. Меклин (02.04.1945 г.) в день освобождения Шталага 326 (Штукенброк):

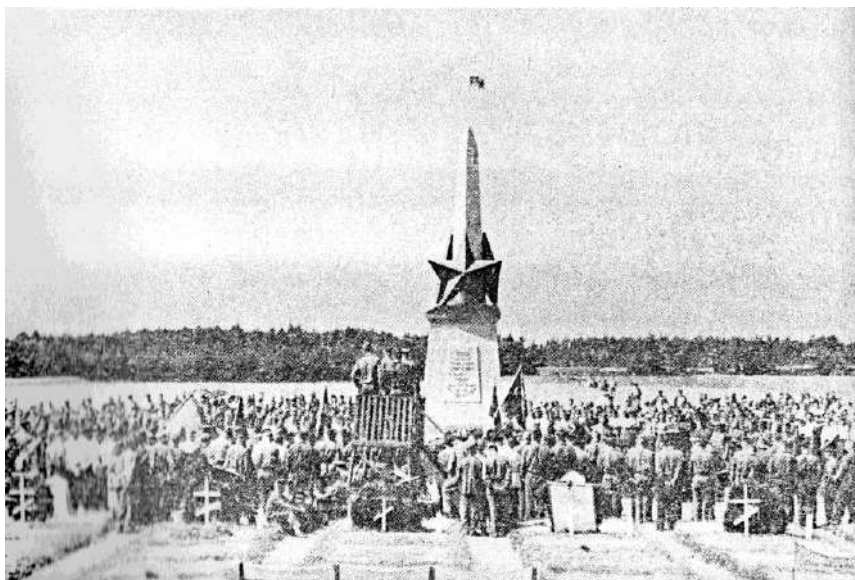
«Когда американские войска захватили сегодня этот город, они обнаружили почти 9000 человек, подобно дикарям, дравшихся за несколько буханок черного хлеба. Они видели, как эти люди хватали друг друга за горло из-за пригоршни муки, рассыпанной в грязь. Они видели, как обезумевшая от голода толпа опустошала барак, в котором хранилось продовольствие.

Даже если американцы, побывавшие сегодня здесь, еще не испытывали ненависть к немцам, то теперь они, наверняка, ее чувствуют. Американцу трудно понять, как такое место вообще может существовать – грязное, убогое место, настолько отвратительное, что некоторые наши солдаты были не в силах подавить чувство тошноты.

В течение трех лет здесь ежедневно умирали от голода в среднем 15–20 человек.

Это то место, о котором нужно будет вспомнить, когда нацизм призовут к ответу.»

Обелиск замученным в фашистском плену

Йоахим Гаук – Федеральный президент ФРГ в 2012–2017 годах

Тезисы речи Президента ФРГ Йоахима Гаука 6 мая 2015 года:

«Послезавтра исполнится 70 лет со дня окончания Второй мировой войны в Европе: того смертоносного ужаса, исходившего из Германии.

Закончилась, наконец, война, разорившая наш континент, в которой были убиты евреи Европы, в течение которой погибли миллионы солдат и мирных жителей, вследствие которой во многих странах миллионы были изгнаны со своей родины, в результате которой Европа, в самом ее центре Германия, были разделены в течение полувека.

На этом месте, в Шлосс-Хольте-Штукенброке, мы в этот час напоминаем об одном из самых крупных преступлений этой войны: миллионы солдат Красной Армии были лишены жизни в военном плену в Германии: они гибли вследствие болезней и голода, их убивали – миллионы военнопленных, которые, согласно международному военному праву и международным договоренностям, находились под опекой Вермахта.

...Сегодня следует исходить из того, что из более чем 5,3 миллиона советских военнопленных погибло гораздо больше, чем половина. Миллионы судеб, миллионы имен, миллионы историй жизни. Среди них были русские, украинцы, белорусы, киргизы, грузины, узбеки, казахи, туркмены: солдаты всех народов, которые в то время входили в состав Советского Союза.

А если мы обратим внимание на то, что случилось с военнопленными западных союзников, из которых в плену погибло около трех процентов, то заметим огромную разницу: в отличие от войны на Западе национал-социалистический режим на Востоке с самого начала планировал мировоззренческую войну и войну на уничтожение и истребление, которую они, как правило, и вели. Давайте вспомним в качестве примера эту ужасную многолетнюю блокаду Ленинграда с целью истощения от голода многомиллионного города. Давайте вспомним жестокость по отношению к мирному населению во всех оккупированных странах, но особенно в Советском Союзе. Это произошло сознательно и умышленно по категорическому приказу Адольфа Гитлера. Вермахт послушно выполнил эти приказы.

Как немцы мы в первую очередь задаемся вопросом о немецкой вине и ответственности. И нам остается констатировать, что

многомиллионная смерть тех, кто погиб по вине Вермахта, представляет собой одно из самых крупных немецких преступлений Второй мировой войны.

...Гибрис, бред всемогущества, миф превосходства, цинизм: они являются признаками национал-социалистической идеологии, а также национал-социалистической преступнической практики.

Мы до сих пор потрясены, когда видим, как в течение короткого времени обычные мужчины и женщины, отравленные этой идеологией, могли стать совиновниками практики угнетения, а некоторые – даже стать безжалостными мучителями и убийцами.

Мы должны напрячь нашу волю, чтобы выдержать правду, чтобы не поддаваться произвольной мысли о том, что все это не могло быть реальностью, все то, на что были способны люди здесь, в Шталаге 326, и в сотнях других мест по всей Германии, но это, тем не менее, действительно произошло.

...Мы должны – в первую очередь и в конце концов – раскрыть наше сердце, нашу душу для того, во что нам едва хочется верить.

Я сегодня особенно благодарю всех, кто за последние годы и десятилетия выступал за такое повторное осознание и за такую эмпатию. Это были добровольцы, которые на общественных началах находили следы и хранили память.

Для того чтобы не дать памяти засохнуть, существовала и существует инициатива «Цветы для Штукенброка». Присутствуют сегодня также представители организаций «Акция искупления – служба делу мира», «Против забвения. За демократию», Германно-Российского музея Берлин-Карлсхорст. Вам и многим другим, кто в нашей стране самоотверженно трудится во имя воспоминания и сохранения памяти, я хочу выразить особую благодарность здесь и сейчас. Вы помогаете выполнить задачу, еще актуальную и через 70 лет после окончания войны: вывести из тени забвения судьбы советских военнопленных.

Мы стоим рядом с местом, которое принесло смерть и гибель, на котором оставили невидимый след крики, вздохи и стон измученных тел и души.

Это одно из тех мест, где мы с болезненной интенсивностью ощущаем, что забота о погибших является долгом для живых. Так давайте в этот день, через 70 лет после окончания войны, выска-

жем нашу приверженность этому долгу. Давайте пообещаем друг другу сделать все от нас зависящее, чтобы обеспечить и защитить достойную, мирную жизнь.»

«Здесь покоятся советские жертвы войны,
умершие в 1941–1945 годах вдали от Родины.
**Вспоминайте об их страданиях и смерти, заботьтесь, вы,
живущие еще, о сохранении мира между людьми,
мира между народами»**

Носова С.С. (род. в 1938 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ 1941 г. ПО 3 СЕНТЯБРЯ 1945 г.

Эх, война, что же ты подлая сделала?

Как правильно сказано.

Родители родом из Воронежской области. Однако я родилась в городе Конотопе Сумской области (Украина) по месту службы моего отца – военнотружашего Носова Сергея Афанасьевича. В августе 1941 отца перевели в Сасовский район Рязанской области, где он погиб в ноябре 1942. Об этом свидетельствует представленный ниже документ.

Сергей Афанасьевич Носов

Страна:	СССР	
Годы жизни:	1907–18.11.1942 (ПАК)	
Место рождения:	Воронежская обл., г. Борисоглебск	
Вид авиации:	Прочее	
Категория:	Прочий нелетный состав	
Места службы:		
	18.11.42	Начальник технического снабжения

Призван в армию Пушкинским РВК.

Ст. техник-лейтенант, начальник технического снабжения.

18.11.42 г. **погиб при катастрофе самолета Ут-2**. Похоронен на кладбище с. Берестянка Сасовского района Рязанской области.

Источники информации:

1. Мемориал.

2. ЦАМО, ф. 58, оп. 818883, д. 1685, л. 39.

По словам мамы, в день похорон я так рыдала, что порвала голосовые связки и на месяц лишилась голоса. Отсюда до сих пор

голос низкий и тихий. Для преподавательской работы – не лучший вариант. Для меня это эхо войны!

Отец оставил меня и моего брата сиротами. Брат мой, Носов Вячеслав Сергеевич, был старше меня на 3 года, к.т.н., доцент, зав. кафедрой «Мосты и тоннели» Саратовского политехнического института (сейчас Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина). К сожалению, умер 12 июня 2012 года.

После гибели отца нашу семью отправили в г. Егорьевск Московской области. Сопровождал нас друг отца Букин Иван Иванович, который поклялся ему на могиле, что не бросит нас. Отчим после ранения в ногу вернулся к нам. В 1944 году родилась сестра, и семья уехала к родным отчима в Саратов. Это был 1944 г. Начались мытарства с жильем, с едой. Ели лебеду, очистки от картошки. Единственное, что меня и моего брата спасло от голодной смерти, – поездки в 1944–1945 годах в село Токаревка Тамбовской области, к брату мамы Юрину Федору Андреевичу (тоже военно-служащему). Нас отпаивали молоком и овсяным киселем. За это я должна была в 5 утра (до выхода в поле комбайнов) с жителями села отправляться на поле и собирать колоски. Этого делать было нельзя. Но об этом я узнала позже. Потом до блеска мыть полы в доме. Убирать в коровнике. Работать на огороде. Конечно, никаких игрушек не было. **Именно тогда я поняла, что такое жизнь.** Именно в деревне я набрала мышечную массу и физическую силу. Когда я пошла в школу в 1946 году, то я была физически окрепшей, и занималась денно и нощно. Первые годы училась только на отлично. Приходил директор из школы и спрашивал, как меня воспитывают. Откуда у меня такое упорство учиться на отлично? Мама говорила, не знаю. А я знаю – **я прошла школу войны.** И до сих пор военная закалка не пропала. Мной написано 22 книги. Даже сейчас вышел новый учебник «Институциональная экономика» (с грифом ФИРО). М.: КНОРУС, 2015, монография «Современная экономика России: провалы (фиаско) рынка и стратегия инноваций» (М.: КНОРУС, 2015, book.ru).

Моя жизнь, как в годы войны, в работе. А мне уже не 16 лет, а 86 годиков. **Благодарю за память о детях войны!**

Патрикеев Л.Н. (род. в 1932 г.)

ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ОБ ОТЦЕ-ФРОНТОВИКЕ

Предвоенные годы

Я родился 17 сентября 1932 года в Москве в семье строителей.

Мой отец – Николай Иванович Патрикеев, отслужив, как и все тогда, один год солдатом в армии, в 1920 году поступил на рабфак и в 1929 году окончил строительный факультет МВТУ имени Э. Баумана. В качестве дипломной работы он защитил конструкцию и организацию строительства железнодорожного моста через реку Чусовую. До защиты дипломного проекта он 9 лет, с перерывами на учебу, работал прорабом на различных стройках, а с 27-го по 29-й год был прорабом на Чусовой. В моем семейном архиве бережно хранятся фотографии построенного с его участием моста, который успешно эксплуатируется до сего дня.

Моя мама – Вера Дмитриевна Плетнева, по профессии сметчик, познакомилась с отцом в 1930 году и до 1954 года они жили дружной семьей в гражданском браке. Только в 1954-м, когда для офицеров Советской Армии вышло соответствующее Постановление, они расписались, предъявив для доказательства о браке с 1930 года свидетельства о рождении меня и моей сестры Людмилы (1937 г.) и самих нас с сестрой. И папа, и мама, как и все интеллигенты той поры, были воспитаны в антирелигиозном духе. Они не ходили в церковь и своих детей не крестили.

В 1931 году, после того как отец зарекомендовал себя на стройках крупных комбинатов в Серпухове и Магнитогорске, он был оставлен в Москве. Здесь, как уже опытный строитель, он получил должность в ВСНХ в строительном секторе и в группе ударныхстроек (под руководством С. Орджоникидзе). Так отец, как сказали бы теперь, стал совминовцем. Однако в Москве папа бывал нечестно. Он без конца ездил на горьковский автострой, на челябинский тракторный, кузнецкий металлургический, привозя из командировок обогащавший его новый опыт.

Как только стало известно, что на берегу Амура будет строиться новый город, отец без колебаний расстался с высокой должностью в ВСНХ и добровольцем 1 июля 1932 года прибыл в Комсомольск. Самый трудный период становления Комсомольска-на-Амуре прошел при его активном участии, где он был назначен главным строителем, заместителем начальника Дальпромстроя – треста, возводившего Комсомольск.

В первую навигацию 1933 года моя мама с грудным ребенком на руках приплыла в легендарный город. В августе того же года на берегу Амура состоялся большой митинг по поводу закладки первого камня в здание кораблестроительного завода.

Митинг открыл пламенной речью маршал К.В. Блюхер. Заканчивая свое выступление, маршал взял меня на руки, прислонил к своей увешанной орденами гимнастерке и сказал, что стройка посвящена будущему наших детей и внуков. При этих словах на его груди расплылось обширное темное пятно... Этот курьезный «конфуз» ярко запечатлен на огромной картине народного художника СССР Н. Соломина, заказанной городом по случаю 50-летия завода (консультантом при создании этого полотна был назначен мой отец – Почетный гражданин Комсомольска-на-Амуре). Так началась моя «строительная» жизнь.

В конце 1934 года в Челябинске развернулась еще одна гигантская стройка – создавался огромный станкостроительный завод, по размерам даже превосходящий тракторный. И отца тут же направили на Урал. Вслед за отцом мы с мамой кочевали из Челябинска (1935–1936 гг.), в Кемерово (1936–1937 гг.) и только в 1938 году отец ненадолго вернулся в Москву. Здесь мы уже встречали его не только с мамой, но и с новорожденной Людмилой Николаевной.

В 1940 году отца вновь призвали в армию и направили в Эстонию строить оборонительные сооружения. Летом мы с мамой и сестрой ненадолго приехали к нему на островок Осмуусаар, расположенный недалеко от Таллина и порта Палдиски (ныне г. Балтийск). Кроме строителей, на этом островке дислоцировалось несколько небольших советских подводных лодок. Вокруг острова простиралась простора спокойной Балтики, а в прибрежных отмелях кормились стаи белоснежных лебедей, диких уток и огромных морских чаек. Жили мы в маленьком двухэтажном офицерском бараке и с удовольствием прогуливались в лесок за земляникой и

цветами, а по воскресеньям с папой (без ружья) ходили на охоту пугать прибрежную живность, ловили и коптили морскую рыбу...

В сентябре 1940 года мама отвела меня в первый класс 178 московской школы. На всю жизнь я запомнил свою первую школьную... *перемени!* Как только она началась, я запустил в широком школьном коридоре маленький игрушечный немецкий танк, привезенный из Эстонии. Танк заводился с помощью пружины и, проносясь мимо обступивших его мальчиков и девочек, осыпал всех снепиком искр из своей игрушечной пушки. Звонок на урок с трудом утихомирил восторги моих товарищей. (На другой день мама не разрешила взять эту игрушку в школу...)

В начале мая 1941 года наша семья вновь объединилась на о. Осмуусаар. Все, казалось, было, как и в прошлом году: прогуливались в лес, играли в лапту, любовались красотами природы. Новостей появилось несколько. Каждый вечер над западным побережьем нашего островка немцы, с какого-то катера или подводной лодки поднимали в воздух небольшой воздушный шар и два человека в его корзине (это было хорошо видно всем) осматривали наши береговые батареи. Стрелять по ним никому не разрешалось. Второй новостью была родившаяся на острове настоящая любовь и интерес к рыбной ловле.

Ранним утром 22 июня 1941 года мы с мамой, накопав в баночку из под кильки червей, отправились на пирс к нашим подводным лодкам ловить рыбу. К пирсу были пришвартованы несколько небольших подводных лодок. Диаметр их корпусов, как мне казалось, был метров пять или шесть, а длина не превышала 30–35 м. С пирса на первую лодку был переброшен дощатый трап. Такие же трапы соединяли соседние лодки, пришвартованные к первой. Я забрасывал наживку между пирсом и первой лодкой. Каждую пойманную рыбешку мы с мамой складывали в баночку с червяками, насаживали новый кусочек наживки и продолжали любимое занятие.

Над пристанью возвышался фонарный столб с громкоговорителем и до поры из него разносились какие то мелодии. Вдруг музыка прекратилась и суровый голос диктора объявил, что сейчас будет выступать Вячеслав Михайлович Молотов... Не торопясь, немного заикаясь, В.М. Молотов сообщил, что ночью немецкие бом-

бардировщики без объявления войны бомбили советские города. Началась Великая Отечественная война...

Великая Отечественная война

Как мне казалось в тот день, на нашем островке все было до привычного спокойно и обыденно. Правда, взрослое население было необычайно возбуждено, но я относился к этому возбуждению абсолютно нейтрально до тех пор, пока 23 июня по местному радио не объявили воздушную тревогу, и все женщины и дети из нашего барака потихоньку побежали в ближайший лесок, прихватив с собой бидончики с водой и легкие сумочки с провизией.

Немецкие самолеты пролетали над нашим островком, но ни наши бараки, ни береговые батареи они не бомбили. Над западным побережье теперь уже целый день висел аэростат с наблюдателями. Стрелять по нему по-прежнему было запрещено...

Поздно вечером того же дня прибежавший отец велел маме немедленно собираться для отъезда в Москву. Всю ночь они упаковывали чемоданы и большой грузовой контейнер, в который уносили запасенные продукты, кастрюли, столовую посуду и разную мелочь. Они засыпали и сахар, и крупы, и муку в различные емкости и банки, заворачивали в теплую одежду головки твердого эстонского сыра, копченые колбасы и копченую рыбу. Словом все, что было в нашей квартире и чулане, и было припасено совсем без расчета на войну и возможную эвакуацию.

Утром 24 июня мы уже были в Таллине, и папа головокружительно метался между комендатурой и кассой, пытаясь получить для нас проездные документы для отъезда в Ленинград. Когда все бумаги удалось раздобыть, мама отвела нас с сестрой пообедать в ближайший ресторан. На всю жизнь в моей памяти остались поданные на десерт *взбитые сливки с вафлями*... (Много, много лет спустя, бывая в командировках в Прибалтике – и в Таллине, и в Риге, и в Вильнюсе – я всякий раз искал в буфетах, столовых и в ресторанах подобное лакомство и, находя, отводил, что называется душу...)

Без помощи солдат и папиных товарищей мы не смогли бы попасть в свой вагон, так как его тамбуры ожесточенно штурмовали десятки людей, рвущихся из города. Всю нашу семью – маму, сест-

ру и меня – буквально засунули в вагон через узкую форточку!.. До Ленинграда далее мы добрались вполне благополучно.

В Ленинграде по оформленным папой документам нас посадили в товарный эшелон, отправлявшийся в Москву. В нашей теплушке были установлены настоящие нары, постелены матрасы, набитые соломой, а все проходы густо завалены чемоданами и мешками попутчиков. В нашем «вагоне» мою маму, наверное, как жену офицера, избрали старостой. В течение нескольких суток, пока наш состав с бесконечными остановками продвигался к столице нашей Родины, мама, выполняя приказы начальника поезда, строго следила за всеми, кто на стоянках выбегал за кипятком и водой или отлучался в лесок по нужде... Находясь в доставшейся маме высокой общественной должности, на какой-то станции она отказала назойливому мужику в его просьбе взять его в наш «литерный» вагон. Больше того, она пошла и пожаловалась на мужика начальнику поезда. Как ни странно, но просителя не просто арестовали, а через непродолжительное время сообщили, что он немецкий шпион! В награду за бдительность и разоблачение шпиона маму и нас с сестрой в Ярославле пересадили в комфортабельный скорый поезд, и уже через несколько часов мы благополучно оказались у себя дома на 5-й Тверской-Ямской улице, в доме № 30, в квартире 120!

В первые дни в Москве мы окунулись в напряженные будни ожидания почти каждодневных бомбежек, отсутствия каких бы то ни было вестей от отца и получения документов на эвакуацию в Новосибирск, куда переезжал трест, где мама работала до отъезда в Эстонию. Ожидая вызова за проездными документами в Сибирь, мы с мамой и ее родной сестрой Ниной Дмитриевной, которая работала вместе с ней в том же тресте, перебрались из Москвы в Лосинку, на подмосковную дачу наших близких друзей и маминых сослуживцев – М.Л. и Н.Л. Гавриловых. На широкой улице перед дачей вместе с соседями, следуя каждодневным рекомендациям, передаваемым по громкоговорителю, все вместе вырыли довольно длинный и глубокий окоп, накрыли его досками и присыпали землей. Считалось, что таким образом было создано дворовое бомбоубежище!

В это «бомбоубежище» в первый же вечер после его создания и объявления по радио об очередном артналете, забрались все соседи вместе со своими детьми, а некоторые даже с чемоданами... Если

бы один из соседей не затащил в убежище свою *козу*, может быть поход в убежище стал бы традицией. Но запах, исходивший от козы, быстро «отрезвил» многих родителей, и в последующие ночные налеты все просто выходило из своих домов на улицу и напряженно наблюдали, как прожектористы отыскивали в небе немецкие самолеты, а зенитчики вели по пойманным самолетам прицельный огонь. К сожалению, я ни разу не видел, чтобы неопытные еще наши артиллеристы попали хотя бы в один бомбардировщик. Зато много раз приходилось прикрывать голову руками, когда на шиферную крышу нашего дома сыпались и стучали по ней осколки зенитных снарядов. Пожизненно запомнилось как однажды немецкий летчик, может быть, спасаясь от прожекторов, сбросил все свои зажигалки на близкое к нам болото. Начался неистовый, оглушительный вопль миллионов лягушек, который не прекращался еще долгое время уже после того как все зажигалки погасли. Заворо этого болотного пожара и хоровой крик лягушек – это, наверное, самое сильное мое воспоминание о московских бомбежках.

В конце августа маме вместе с ее младшей сестрой удалось получить разрешение и проездные билеты на эвакуацию в Новосибирск, в распоряжение одного из машиностроительных заводов, уже перевезенных в Сибирь.

Как только отец отправил нас в Ленинград, он немедленно отправился к новому месту своего назначения на большой остров Даго, входивший в группу островов Моонзундского архипелага, прикрывавших проход вражеских кораблей в Финский залив. На острове Даго папа руководил достройкой береговых батарей и создавал систему их круговой наземной обороны – строил завалы, рвы, доты, дзоты, окопы... На Родине бушевала война. А островной гарнизон был полностью отрезан от своих – ни почты, ни радио, никакой связи с тылом. Вместе с солдатами, вместе со стройбатавцами на всех островах архипелага самоотверженно трудились рабочие и инженеры, которые еще до начала войны привезли со своих заводов, монтировали и устанавливали в блиндажах крупнокалиберные батареи. Теперь они продолжали монтаж и вели прицельный огонь по вражеским кораблям, рвавшимся в Финский залив. По острову Даго фашисты ежедневно выпускали до 3000 снарядов в день! Но защитники укрывались в непробиваемых блиндажах и землянках и, обороняясь, продержались 165 дней! Последний

снаряд на Даго был израсходован 20 октября. Только тогда отцу и другим командирам был отдан приказ уходить. Глубокой ночью они легли в желоба торпедных катеров вместо торпед, и ушли в море. Когда катера останавливались для определения координат по звездам, чтобы не попасть к врагу, желоба наполовину затапливало ледяной октябрьской водой. К счастью, не нарвавшись на фашистские корабли, они к утру чудом прорвались к полуострову Ханко.

В день 24-й годовщины Октябрьской революции папа был назначен начальником строительства береговых причалов и подъездных путей на берегу ленинградской стороны Ладожского озера.

О «Дороге жизни» и о трассе по льду Ладожского озера написано и рассказано немало. Однако мало кто задумывается и понимает, что ледовая трасса поддерживала Ленинград только 4 месяца в году! Все остальное время снабжение окруженного немцами города и вывоз из Ленинграда ослабевших блокадников и детей осуществлялось катерами и баржами Ладожской флотилии. Строительством причалов, портов и перевалочных сооружений на Ленинградской стороне «Дороги жизни» как раз и командовал мой отец.

Продовольственные пайки у офицеров и солдат, как и у всех, были предельно урезаны. Вместе с ленинградцами с голодом боролись и строители «Дороги жизни». Отец, кстати, потерял за время блокады более 20 килограмм своего изначально незначительного веса.

В некотором смысле его самого, ближайших друзей-однополчан и некоторых родственников в самом Ленинграде «спас» обнаруженный им на одной из разгрузочных площадок города неразворванный контейнер с продовольствием, отправленный из Таллина!

В 2007 году, когда мне довелось активно заниматься внедрением нанобетона, судьба занесла меня в город Волхов. Мой большой друг и патентодержатель отечественного нанобетона А.Н. Пономарев, по моей просьбе, отвез меня на берег Ладоги, к тому пирсу, куда прибывали катера и баржи из Ленинграда. Сердце сжималось, глядя на скромный памятник, установленный в честь героев «Дороги жизни». Памятник – это два скромных, допотопных, плохо покрашенных катера и скромная мраморная стела со словами благодарности строителям и героям этой эпопеи... Дорога от г. Волхова до Ладожского озера проходит вдоль одноименной реки

Волхов, которая в свое время была неприступной границей, охранявшей рубежи России. Во многих местах вдоль реки сохранились и реставрируются старинные крепости и бережно охраняются могильные холмы князя Олега («Как ныне сбирается вещий Олег...»), княгини Ольги и многих других князей и рыцарей – защитников Отчизны. Думаю, что *мемориал* защитникам Ленинграда не сохранится так же долго, как былинные могильники...

Вернусь к воспоминаниям о нашей эвакуации. Приехав в Новосибирск, мы поселились в маленьком домике у маминой тети Анны Дмитриевны Тюриной, родной сестры маминого отца (ул. Луначарского, 32). Примерно через пол года мама получила от своего завода хорошую квартиру, и мы переехали в поселок Кривошеково, расположенный на левом берегу реки Оби, рядом с ее заводом.

Жизнь в Новосибирске резко отличалась от московского бытия. Во-первых, на все продовольствие и промтовары были введены довольно жесткие карточки. Однако нам сразу же выделили небольшой земельный участок под огород, и мы всей семьей на паровозе несколько раз ездили копать землю и сажать картошку, лук, а потом окучивать грядки. До тех пор когда кто-то не собрал за нас запоздалый, но ожидаемый урожай...

В крохотном садике у тети Ани росли два куста крыжовника. Когда ягоды уже почти созрели на них налетела какая то мошкара и дядя Кира, больной муж тети Ани, работавший на станции скорой помощи, опрыскал кусты дегтем. Мушки исчезли, а черные точки на ягодах так и остались. Взрослые посоветовались, собрали небогатый урожай и отправили меня, ученика второго класса, продавать эти пестрые ягоды на ближайший рынок. На рынке было много женщин, которые продавали разные ягоды и овощи. Как мне и рекомендовали взрослые, я спросил у торговки, почем они продают свой товар, сбросил с цены за стакан ягод два рубля и очень быстро избавился от своих меченых ягод! На вырученные 180 рублей мы с мамой на том же рынке купили буханку черного хлеба. Замечу, что мешок картошки тогда можно было купить за 800 рублей.

Не могу не похвалиться, как в 1942 году я попробовал и тут же бросил курить. Началось с того, что моя мама еще в теплушке по дороге в Москву пристрастилась к курению. В Новосибирске они с сестрой и тетей Аней покупали табак и гильзы и по вечерам наби-

вали для себя папиросы. В моем классе в школе некоторые мальчишки курили, и я тоже решил попробовать. Взял дома у взрослых женщин одну папироску, в школе сделал несколько неприятных для себя затяжек и отдал докуривать папиросу мальчишкам. Однако дома мама обнаружила хищение и, найдя похитителя, понастоящему выпорола меня ремнем. Я очень обиделся и с тех пор бросил курить.

Однажды дядя Кира привез домой из своей скорой помощи бочку из-под какого-то повидла. Женщины тщательно обскоблили ее, и к ужину к чаю всем выдали по кусочку черного хлеба со слоем повидла. В наш дом иногда приходила соседская бабушка, и когда в тот раз ей тоже достался хлеб с повидлом, она сильно удивила не только меня, так как обильно посыпала сладкое повидло *солью*. Другой раз дядя Кира принес бидон из под рыбьего жира, и наши хозяйки опять, тщательно вычистив эту емкость, решили пожарить на рыбьем жире картошку. Это было что-то! Ужасная *вонь* распространилась по всему дому и не выветривалась несколько дней.

Новосибирская жизнь продолжалась только до весны 1943 года. Кто-то из маминых знакомых еще зимой посоветовал ей и нашим ближайшим друзьям завербоваться на работу в Якутск. Мама реализовала эту рекомендацию, и, как только на реке Лене открылась навигация, мы уже плыли к новому мамину месту работы. Лена протекает по красивейшим местам, и на колесном пароходе мы почти месяц любовались сибирской природой. Два момента из этого длинного плавания.

В редких прибрежных деревушках, к каждой из которых наш пароход надолго приставал, разгружая то, что привез для местного населения, мама обязательно покупала для нас с сестрой, казалось бы, обыкновенное коровье молоко. Зимой и весной, до начала навигации деревенские жители остроумно замораживали свежее молоко в железных мисках. У каждого хозяина в сараях обязательно был подвал набитый снегом. Круглый год такой подвал исправно служил и морозильником, и холодильником. Все лето молоко проплывающим покупателям крестьяне продавали в виде молочных ледышек, очень похожих на спортивный диск для метания.

Вместе с нами на том же пароходе в Якутск переправляли немецких женщин и стариков, выселенных из Поволжья. В подавляющем большинстве это были весьма интеллигентные люди, вла-

чившие, однако, бедственное существование. Советские граждане, завербованные на работу и получившие приличные подъемные, регулярно покупали у немцев золотые кольца, сережки и прочие ценности. До сих пор в наследство от мамы у моей сестры хранится кольцо с великолепными гранатами и золотая заколочка, украшенная миниатюрной мушкой. Крылышки и тельце мушки изящно светились изумрудами, а головка – настоящим алмазом. Обе эти памятные безделушки были приобретены мамой на пароходе.

На пристани в Якутске нас встречали представители фирмы, куда завербовалась на работу мама. Они выдали всем адреса квартир для заселения и отвезли нас в город. Что запомнилось в Якутске особо?

В Москве и Новосибирске продовольствие выдавали по карточкам. Первый же заход в магазин в Якутске сопровождался моим криком: «Мама! Смотри – *чай*, продают!» А рядом на прилавке лежали свежие пирожные и конфеты! И не было н и к а к и х карточек. Их ввели в Якутске только к зиме 43 года. Наряду с карточками на работе всем служащим ежемесячно выдавали довольно объемные пайки. В каждой коробке для пайка лежал брусок шоколада размером 10×10×20 см, трехлитровая банка со сгущенкой, сухой лук, сухая картошка, пачки со *жвачкой* и т.д.

Если в Новосибирске в школе детям давали в обед по баранке или по бублику, то все их с удовольствием съедали. В Якутске в класс приносили большой противень то с омлетом, то с крутой манной или какой-либо другой кашей... Трудно поверить, но почти никто из третьеклассников не ел этих бесплатных обедов. Более того, иногда мальчишки кидались друг в друга кусками каши.

Запомнились прогулки по старинному деревянному якутскому кремлю. Ребята частенько находили в башнях и помещениях этой крепости клинки и сабли. Тогда я не понимал ценности этих находок и не коллекционировал их. Мы «сражались» этим оружием, а уходя домой припрятавали свои трофеи в каком либо укромном месте. Другие ребята поступали аналогично, и найти клинок или саблю можно было при любой прогулке. Несколько раз мы всей семьей посещали местный театр оперы и балета. Особенно в те недели и месяцы, когда гастролировали приезжие с «большой земли» артисты.

Когда в январе 1943 года блокада Ленинграда была частично прорвана, истощенного блокадой папу откомандировали как бы на поправку здоровья в уже давно знакомые ему места – на родной Амур. На базе, расположенной в 30 километрах от Хабаровска ниже по течению Амура, его ждала работа заместителя начальника строительства Амурской флотилии. В Хабаровске отцу разрешили съездить за семьей в Якутск.

Папа прилетел в Якутск в мае 1943 года. В офицерской форме с погонами, которые только что ввели в армии, с орденами и медалями на груди он явился в городской военкомат, начальство которого сразу же затаскало его по школам и предприятиям с просьбой поделиться фронтовыми впечатлениями. Приходил отец и в мою школу...

Опять на пароходе до Иркутска, потом на поезде до Хабаровска и далее на грузовике вдоль Амура добрались мы до нового места службы родителей и до нашего нового места жительства. Что часто вспоминается о жизни под Хабаровском?

Во-первых, походы с соседними мальчишками на Амур на ночную (!) рыбалку. Ловили на закидушки касатку. Эта рыбка весом 200–300 грамм имела в основании своих грудных плавников острые шипы. Если случайно прикоснуться к ним, то от острого яда рука долго побаливала. А на вкус касатка напоминала навагу. За ночь удавалось наловить 5–10 кг касатки. Иногда более взрослые мальчики вылавливали на жмых крупных – по 30 и более килограмм, красивых увольней сазанов. Осенью солдаты и офицеры брали меня на охоту за идущими на нерест многочисленными стадами кеты. Били самок примитивной острогой. Некоторые экземпляры рыбин достигали 10–15 килограмм. А красной икры в каждой добытой тушке было 3–5 кг!

На выделенных нам огородах все высаживали, кроме картошки, капусты и овощей, арбузы, дыни и сахарную свеклу. В сараях для дров и прочего почти у всех наших соседей выращивали поросят. Урожай были восхитительные!

Отдельные картофелины достигали 700–800 грамм, арбузы и дыни не только хорошо вызревали, но прекрасно сохранялись до самого нового года. Из сахарной свеклы выпаривали вкусную патоку, и, смешивая ее с прожаренной и истолченной соей, делали прекрасные конфеты. Рыбой и отходами со стола выкармливали

поросят, которых забивали при достижении солидного веса, не менее 100 кг... Жизнь казалась прекрасной. Телевидения на базе флотилии не было, газет я тогда практически не читал, а сводки с фронтов после возвращения отца как-то не трогали...

В конце 1944 года, по-видимому, посчитав папу полностью реабилитированным после ладожской голодовки, его вновь отозвали в Москву. Герой Советского Союза, легендарный полярник Иван Дмитриевич Папанин, возглавлявший Главсевморпуть, назначил отца начальником треста «Арктикстрой». Отец строил и реконструировал порты вдоль всего Северного Ледовитого океана, возводил аэродромы и военно-морские базы Северного флота...

Когда по радио объявили, наконец, о Победе, которую с нетерпением все ждали, мы с мамой и сестрой еще находились на базе Амурской флотилии. В честь Победы на высоком правом берегу Амура солдаты выстроили более десятка зенитных пушек и Примечания 9 мая вместе со всей страной устроили грандиозные *салют и фейерверк!!!*

Телеграмма от отца ускорила наш отъезд из Хабаровска в Москву. Дорога на пассажирском поезде заняла целых 10 суток. Ехали в плацкартном вагоне. Лежа на верхней полке и наблюдая как взрослые, коротая время, играли в карты, я научился играть в преферанс. В Москве в своей двухкомнатной квартире мы более года жили с подселенной в войну в наш дом семьей инженера-керамиста. С сентября 1945-я поступил в 5-й класс 178-й, а теперь уже мужской, школы, с медалью которую окончил в 1950 году.

Отец очень хотел, чтобы я стал военным. Он внял моим давним детским мечтам о желании быть летчиком и обратился к главнокомандующему ВВС страны К.А. Вершинину. В письменной форме он просил, чтобы меня, наряду с военными летчиками, допустили сдавать вступительные экзамены в Академию имени Н.Е. Жуковского. Ставший позднее Главным маршалом Aviации К.А. Вершинин, в свою очередь обратился за разрешением лично к И.В. Сталину, который, как ни странно, написал на обращении «Согласен». Мне пришлось одновременно и невпопад сдавать 11 экзаменов на аттестат зрелости в школе и 11 экзаменов в ВВА имени Н.Е. Жуковского. В школе заработал серебряную медаль, а в академии с меня сняли мерку, чтобы выдать форму курсанта и отправить на летние сборы. Но... Вышел Приказ о впервые дополни-

тельном зачислении в ВВА офицеров-летчиков из стран народной демократии, и из нашей группы «вольнонаемных», состоявшей из 30 школьников, в академию зачислили только четверых, среди которых остался сын Л.М. Кагановича. Я откровенно стусебался, так как вступительные экзамены в гражданские вузы уже подходили к концу. В отличие от меня, отец не растерялся и упросил командование Военно-строительной академии имени В.В. Куйбышева принять меня как сдавшего вступительные экзамены в ВВА. Собеседование с завкафедрой ВСА профессором Лурье я прошел благополучно. Однако родственники и друзья, окончившие МВТУ имени Э. Баумана, помимо папиных хлопот уговорили и меня и деканат инженерно-физического факультета зачислить меня в студенты как медалиста. Отец смирился с такой оказией.

В 1952 году вместе со всем факультетом меня перевели в Московский механический институт. Все бауманцы были очень не довольны переводом из могучего МВТУ, в какой-то никому не известный ММИ. Никто тогда не знал, что этот перевод осуществлялся по задумке И.В. Курчатова и что это будет МИФИ, первый и единственный *Национальный ядерный университет «МИФИ»*.

P.S. В 2021 году Лев Николаевич издал книгу «Поэзия и проза инженера и педагогического труда». Книга, представляющая собой заметки о инженерной и педагогической работе Льва Николаевича Патрикеева – профессора кафедры микро- и нанозлектроники Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», талантливого инженера, чуткого гуманитария и гибкого педагога, повествует о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в научном мире. // Патрикеев Л.Н. Поэзия и проза инженерного и педагогического труда – М. Лаборатория знаний, 2021. – 226 с.

Петрова Т.Е. (род. в 1931 г.)

ВОЙНА. КАКОЙ ОНА ОСТАЛАСЬ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Когда началась война, мне было десять лет. Мы жили тогда в Лосинке, куда переехали в 1939 году из Москвы со Стромынки. Мама работала в больнице Лосинки хирургической медицинской сестрой, отец продолжал работать на заводе «Геофизика» в Москве.

Я не могу сказать, что во мне зрело предчувствие начала войны. Хотя помню, как с одноклассниками мы «как взрослые» обсуждали ситуацию, складывающуюся в мире. Конечно, это было совсем не-серьезно, ведь мы учились в 3-м классе. Но война началась, и мы очень быстро это почувствовали.

Отца забрали в армию, маме приходилось очень много работать в больнице. Скоро оказалось, что жить под Москвой далеко не безопасно. Немцы пытались бомбить Москву, но так как противовоздушная оборона зачастую не пропускала немецкие самолеты на территорию Москвы, они сбрасывали свой смертоносный груз на Подмоскowie, нам доставалось с лихвой. Я помню, как мы с мамой неоднократно дежурили на крыше нашего пятиэтажного дома по ночам и следили, чтобы «зажигалки», которые упали на крышу, были сброшены в бочки с водой, чтобы не возник пожар.

С каждым днем жизнь становилась все труднее. Исчезли из магазинов продукты, холодно было в школе и дома. Мама приняла решение отправить меня во Владимир к моей тете Ларисе, которая работала главным врачом в одном из госпиталей города. Тетя окончила Первый медицинский институт в Москве и была хирургом.

Мама не смогла отвезти меня во Владимир, и я отправилась туда на поезде самостоятельно. Эта поездка мне запомнилась на всю жизнь. Вагоны поезда были переполнены людьми, света в вагонах практически не было, а когда на станции Петушки ночью в наш вагон ворвались бандиты и начали избивать и грабить пассажиров, я испытала настоящий ужас. Спасибо тем женщинам, которые ехали рядом со мной, они спрятали меня под столик между нижними

полками, и это возможно спасло не только мой маленький узелок с вещами, но и мою жизнь.

Госпиталь, в котором работала моя тетья, располагался в большом старинном особняке с колоннами, стоящем на холме. Под палаты для раненых были приспособлены залы бывшего особняка, и поэтому раненых в каждой палате было много. А прибывали раненые прямо с фронта практически ежедневно, их привозили на военных грузовиках, крытых брезентом. Госпиталь жил в авральном режиме круглые сутки.

Моя жизнь тогда проходила между школой и госпиталем.

Как племянница главного врача, в госпитале я пользовалась определенной свободой: ходила по палатам, где лежали раненые, разговаривала с ними, что-то им рассказывала, даже читала стихи, но главное сообщала последние сводки Совинформбюро с фронта. Я видела, как раненые начинали улыбаться при виде худенькой белобрысой девчонки с косичками, они всегда пытались одарить меня кусочками сахара, по-видимому, я пробуждала в них воспоминания о доме, о семье, о своих детях. В госпитале мне представилась возможность непосредственно соприкоснуться с той специальностью, о которой я мечтала с детства. Я хотела быть хирургом и поэтому упростила свою тетю разрешить мне присутствовать при операции прямо в операционной. Проводилась операция по ампутации нижней конечности – попросту ноги. Я помню, что ни вид крови, ни раздробленная нога раненого бойца не испугали меня, но почему-то чувство протеста вызвала ручная пила, с помощью которой хирург проводил ампутацию, хотя пила естественно была медицинской. Я решила, вырасту, обязательно буду заниматься разработкой и усовершенствованием медицинского хирургического инструмента. Задумкам сбыться было не суждено.

Муж моей тети тоже был хирургом и с первых дней войны работал в военном госпитале, расположенном достаточно близко к линии фронта. В своих письмах он писал, что у них очень много работы, им приходится стоять у операционных столов по 20 часов в сутки. Особенно так было в первые дни войны. В одном из писем он написал, что ранен в ногу, и мы с тетей заволновались, что с ним. В следующем письме он написал, что ногу вряд ли удастся сохранить. Я помню, как тетья горько заплакала, а до меня почему-то не дошел смысл его слов. Все стало понятно, когда он приехал к

нам во Владимир на костылях с одной ногой. Но мы были счастливы, что он вернулся живым.

Оставшееся время я проводила в школе, проблем с учебной работой у меня не было, но времени школа требовала много. Дело в том, что при школе работал комбинат по производству мягких игрушек для детей-сирот из детских домов. Я думаю, что во время войны игрушки больше никто не делал. Работа на комбинате была организована по-взрослому. Школьники были разбиты на бригады, существовали планы, которые нужно было выполнять. И нам даже как взрослым давали рабочие карточки на продукты. А мы делали разных зверушек, по лекалам вырезали из материи силуэты собак, кошек и других зверей, сшивали эти силуэты попарно, набивали опилками, раскрашивали. Получалось забавно. Мы очень серьезно относились к своей работе, считая ее нашим посильным вкладом в общее дело борьбы за Победу. О работе бригады, в которой я была бригадиром, городская газета напечатала статью под заголовком «Неунывающий бригадир Таня Петрова».

Татьяна Петрова с тетей

В 1944 году я вернулась из Владимира в Москву, до дня Победы оставалось меньше года. День Победы я запомнила на всю жизнь. Рано утром 9 мая 1945 года я проснулась от шума во дворе нашего дома. Выглянув в окно, увидела довольно много людей, которые что-то радостно кричали, размахивали руками. Я услышала слово «Победа» и поняла – это была наша Победа.

Погожин Н.С. (род. в 1935 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ О КУРСКОЙ ДУГЕ

---

*О Великой Отечественной войне
я всегда вспоминаю
с содроганием сердца*

Когда немецкие фашисты пришли в нашу деревню летом 1941 года мне тогда было неполных шесть лет. Но в моей памяти запечатлелись навсегда два периода пребывания фашистов в нашем селе. Наше село расположено в 18 километрах от города Обояни Курской области, и кто читал историю войны, то знает что в этом городе располагался штаб фронта, которым командовал генерал-армии К.К. Рокоссовский. Не раз там бывал и маршал Г.К. Жуков перед началом и во время Курской битвы.

Так вот, вернусь к началу событий 1941-го. Когда немцы пришли в наше село, мы, мальчишки, бегали вокруг домов, где они жили, в надежде, что они нам что-то дадут. Первое время они угощали нас галетами. Потом резко все переменялось, когда фашисты потерпели сокрушительное поражение под Москвой. Нас начали избивать, и мы прятались, кто где может. Большею частью – по гребам, а летом – в лесу. Ночевали в стогах сена или соломы.

Потом фашисты куда-то исчезли, и мы ребята, оборванные и голодные, поскольку немцы все увезли с собой, опять жили относительно беззаботной жизнью. На руках у мамы было четверо детей и ей было трудно нас прокормить, поскольку отец был на фронте.

Через какой-то промежуток времени фашисты снова вернулись в наше село и начали зверствовать. Выгоняли жителей из домов зимой на улицу, забирали оставшийся скот и птицу, а также теплую одежду. Всех трудоспособных (в основном женщин и стариков), а также детей от 13 лет и выше отправляли на тяжелые работы. Мы оставались на попечении старшей сестры, которой в это время было 10 лет. Мы голодали и мерзли.

Вспоминается лето 1943 года. Мою маму перестали посылать на принудительные работы. Нам немножко полегчало. Потом наступило лето 1943-го (июль–август), когда мы все попрятались по погребам, поскольку круглосуточно шли непрерывные бои, и ночью было светло как днем. В августе бои начали стихать, и мы наблюдали, кто откуда, как фашисты отступали и на ходу сжигали все подряд.

Особенно запомнилась одна картина, как при отступлении фашистский офицер сидел в корыте, которую лошадь тащила волоком, а фашисты плелись за подводой, понурые и обтрепанные.

Через какое-то время пришли наши войска, и по домам, подвалам, сараям и погребам начались обыски. Некоторых стариков и женщин увозили в город. Многие из них в село не вернулись. Видимо, это были люди, которые сотрудничали с фашистами.

После Курской битвы в нашем селе в полуразрушенном доме открыли школу, и я пошел в первый класс.

После ухода фашистов из села народ вздохнул, но материально жить стало не легче. Землю обрабатывать было нечем, так как скот был уничтожен фашистами, а мужчины были на фронте. Мы, семи-, восьмилетние дети, сразу повзрослели. Вместе со взрослыми начали обрабатывать землю, выращивать скот, птицу. Женщины и старики с помощью веревок тащили соху, а мы управляли этой сохой. К вечеру приходили домой изнуренные, поэтому в школе учились не очень хорошо. Зимой мне с братом приходилось из леса на санках привозить дрова, для того чтобы протопить печь.

Закончилась война! В село вернулось около 20 % мужчин, но и те в основном раненые и больные. Но радостно было всем. Все ликовали: война закончилась. Думали, что жить станет легче. Но не тут-то было.

Голод 1946–1947 годов покосил много взрослых и детей. Мне удалось выжить. Дальнейшие мои воспоминания – это уже жизнь после войны. Я посвятил свою жизнь служению Отечеству в рядах Вооруженных Сил СССР, создавая «ядерный щит», чтобы не было никогда войны, и наши дети и внуки не видели ужасов войны и не испытали того, что пришлось испытать нам.

Погожин Николай Семенович, 2024 г.

Николай Семенович Погожин – советник ректора, председатель совета ветеранов НИЯУ МИФИ. Доцент, преподает курс информационной безопасности. Руководитель Научно-учебного центра по комплексной защите информации. Возглавляет Аттестационный центр по защите государственной тайны.

Поленов Б.В. (род. в 1936 г.)

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ МОСКВИЧА О ЖИЗНИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Я, Поленов Борис Владимирович, родился в Москве 29 мая 1936 года. Моя семья: отец, мать, сестра и я жили в коммунальной квартире в центре Москвы на Рождественском бульваре в доме № 15. В нашем доме второй и третий этажи занимала средняя женская школа. Вход в нее был через парадный подъезд со стороны бульвара. Жилые квартиры располагались на первом, четвертом и пятом этажах. Ранее дом был трехэтажным. На нем была памятная доска с надписью: «В этом доме жил известный русский писатель Денис Иванович Фонвизин».

В советские годы, в тридцатых годах прошлого века дом № 15 был надстроен двумя этажами. В них были размещены отдельные и коммунальные квартиры, вход в которые осуществлялся по «черной» лестнице без лифта. Наша семья проживала в коммунальной квартире на четвертом этаже. В квартире было пять комнат на пять семей. Кроме того, в квартире были общие кухня, ванная, туалет и кладовая комната. Из проживавших в квартире семей три семьи были русские и две – еврейские. На кухне были установлены две четырехконфорочные газовые плиты, и у каждой семьи был кухонный столик со шкафчиками. В квартире был один общий газовый счетчик, один общий электросчетчик и пять (на каждую семью) отдельных электросчетчиков. Газ оплачивался по количеству членов семьи, а по показаниям электросчетчиков определялась плата за общий свет и плата отдельной семьи. Скандалов по поводу оплаты за газ, электричество, уборки общественных мест не было. Несмотря на разный общественный статус, возраст, национальность и бытовые привычки, все 16 человек как-то уживались в этом муравейнике.

Я хорошо помню начало войны, поскольку к этому времени мне уже исполнилось 5 лет. Немецкие летчики стали часто осуществлять налеты на Москву и бомбить особо важные объекты, многие из которых были расположены в центре Москвы. Некоторые из них

располагались довольно близко от нашего дома. Объектами бомбардировок были Кремль, Моссовет, Центральный телеграф, Центральный телефонный узел, здания министерств (Министерства обороны, Генштаба, Госплана, НКВД и т.д.), Большой театр, многочисленные заводы и важные для обороноспособности страны объекты.

Чтобы затруднить ориентацию немецких летчиков, многие объекты были задекорированы (Кремль, его копия была построена на ВДНХ, Большой театр и другие). Во многих местах, в том числе на Бульварном кольце, были смонтированы площадки, с которых каждый вечер девушки поднимали на большую высоту аэростаты. В случае налета немецких самолетов включались прожектора, лучами которых пытались ослепить летчиков, а если удавалось поймать самолет в перекрестные лучи прожекторов, зенитчиками упрощалась задача его сбить.

Все окна московских домов были обклеены газетными полосками, чтобы укрепить стекла во время бомбардировок. Для маскировки окна во время бомбардировок закрывались черными шторами. Если в это время в окне горел свет, то по этим окнам военные патрули сразу открывали огонь. На автомашинах во время движения в темное время горели только синие полоски фар.

В битве за Москву с обеих сторон участвовало около двух тысяч самолетов. Советские и немецкие самолеты отличались по звуку моторов: советские самолеты звучали непрерывно, а немецкие – прерывисто, с завыванием. При включении сирены воздушной тревоги жители домов спускались в бомбоубежища, подвалы домов и даже на станции метро. Женщины с маленькими детьми брали с собой ночные горшки. По звуку стабилизаторов падающих бомб определялся вес бомбы. Самый низкий (густой) звук был у максимально тяжелой на тот период 500-килограммовой бомбы. Такая бомба могла разрушить до основания 4–5-этажный дом вместе с подвалом и спрятавшимися там жителями. Заслышав гул падающей бомбы, я обычно начинал кричать: «Мама, я боюсь!» Вблизи нашего дома были разбомблены жилые дома на углу ул. Дзержинского (Большой Лубянки) и Большого Кисельного переулка, на углу ул. Кирова (Мясницкой) и Кривоколенного переулка. Бомбой пытались уничтожить жилой дом «Россия» на Сретенском бульваре, но бомба упала посередине бульвара и этот дом, образец архитек-

туры, не пострадал. Бомба попала и в фойе Большого театра, хотя он был также задекорирован.

На Москву сбрасывалось много зажигательных бомб. Поэтому на крышах домов каждую ночь дежурили пожарные и добровольцы. Среди детей в тот период началась мода собирать осколки бомб и артиллерийских снарядов (до этого преобладала мода собирать фантики от конфет, модны были и игры в фантики).

В начале сентября мою мать, сестру и меня отец отправил в эвакуацию. Исход мирного населения Москвы был массовым. В городе остались органы государственной власти, оборонные заводы, предприятия, обеспечивающие жизнь в городе, и некоторые культурные учреждения. Нас отправили в Татарию. Погрузили в товарный вагон, в котором было размещено еще 5 или 7 семей. У каждой семьи было по 2 чемодана. Поезд ехал с многочисленными остановками для пропуска военных составов. Поезда немцы часто бомбили. По железной дороге нас довели до Волги и пересадили на колесный пароход, который доставил нас до Казани. Нам повезло. Ни поезд, ни пароход не попали под бомбардировку немецких самолетов. В случае бомбардировок человеческих жертв было бы очень много. Особенно, когда немцы топили тихоходные речные пароходы. С них спасались единицы. Волга осталась в памяти очень широкой.

Из Казани прибывших москвичей на подводах развезли по разным деревням. В конце концов, мы оказались в русском селе с названием Верхние Кодряки Кызыл-Юлдукского района. Нам дали для проживания пустую избу с огородом. Мать поступила работать в колхоз, сестра пошла учиться в школу, в которой с первого по четвертый классы занятия проходили в одной комнате. Я вместе с деревенскими мальчишками весь день играл или занимался поиском еды. Вместе с тем мать, уходя на работу, каждый день давала мне задание прочесть кусочек из какой-нибудь сказки, например из «Колобка», «Красной шапочки» или «Репки». Возвращаясь с работы, она заставляла меня пересказывать содержание прочитанного. Затем начинала проверять выполнение уроков у сестры.

Было голодно. Еды не хватало. Я постоянно выпрашивал у матери хлеб, растягивая все длиннее и длиннее слово: хлеееб. Мы мечтали о куске черного хлеба. Еще лучше было, когда черный хлеб поливали подсолнечным маслом и посыпали солью или са-

харным песком. Главной мечтой всегда был кусок белого хлеба, намазанный сливочным маслом и политый вареньем. В деревне мы собирали для еды все, что можно было съесть: семена злаков из колосков, горох, чечевицу, семена конопли. Также ели жмых, патоку, очищенные стволы сныти, различные ягоды. С ягодами черемухи пекли пироги, а из сушеных ягод черемухи с косточками делали муку, из которой затем пекли лепешки. Зимой даже ели сушеный клевер. Когда на колхозных полях вырос турнепс (кормовая свекла для скота), мать стала из него варить суп типа борща. Но от этого супа исходил такой противный запах, что я, несмотря на голод, постоянно отказывался есть этот суп. В селе говорили, что семена турнепса были немецкие. Кстати, потом я узнал, что немцы супом из турнепса кормили узников концлагерей.

В те времена в Татарии на базаре продавалась кусочками в виде ирисок вареная смола, которую местные жители жевали, как сейчас молодежь жуёт жевательную резинку. Поэтому запомнились очень здоровые белые зубы местных жителей. Запомнились снежные зимы. Снег по окнам заметал дома. Мать неожиданно для меня купила на базаре детские некрашенные лыжи и я, сделав самодельные лыжные палки, начал совершать лыжные походы по окрестностям села, научился спускаться на лыжах с горок и освоил коньковый бег по весеннему насту. Покупка для меня лыж видимо была связана с тем, что мать и, особенно отец, увлекались до войны лыжным спортом. Они и познакомились на лыжных соревнованиях. Отец даже входил в когорту сильнейших лыжников Москвы и участвовал до войны во многих, в том числе городских, соревнованиях.

В эвакуации запомнилось дружелюбие местных татар и русских, отсутствие национальной вражды, и то, как они доброжелательно приняли нас – незнакомых им городских жителей из Москвы. За полтора года, пока мы находились в эвакуации, отец два раза приезжал к нам в отпуск, каждый раз преодолевая расстояние в 56–70 км от Казани до села пешком.

Отец всю войну проработал в Москве на заводе. До войны завод выпускал в основном железные перьевые складные ручки (с одной стороны – перо, а с другой – карандаш) и ручные механические машинки для стрижки волос. С начала войны завод переключили на изготовление ППШ (пистолета-пулемета Шпагина) и затворов для пушек. Работали по две-три смены. Иногда, чтобы успеть вы-

полнить план, руководство завода и рабочие ночевали прямо на заводе. Когда в цехе было холодно, выдавали для согревания немного спирта. На случай захвата немцами Москвы на заводе имелся план эвакуации, а у всех работающих были рюкзаки для эвакуации вместе с заводом или ухода в партизаны. Как классный специалист, необходимый заводу для выполнения плана выпуска военной продукции, отец всю войну имел «бронь», освобождавшую его от призыва в армию. «Бронь» выдавалась руководством завода на определенный период.

Отец, живший в пустой квартире в полупустом доме, оплачивал квартплату не только за нашу комнату, но и за остальные оставшиеся без жильцов комнаты. Соседи из эвакуации пересылали ему деньги, и он регулярно проводил оплату жилья. Тем самым он сохранил соседям их жилье, поскольку в то время, если за жилье никто не платил, то его занимали чужие люди. Они же и присваивали себе все имущество, находящееся в комнате или квартире. Возвратить обратно свою комнату, квартиру или собственность было очень трудно. Соседи впоследствии, возвратившись из эвакуации, были за это благодарны отцу.

Весной 1943 года отец, уверенный, что немцев окончательно отогнали от Москвы и исход войны уже предрешен, привез нас из эвакуации домой. У него на четверых было только два обратных железнодорожных билета, но проводник поезда за две бутылки спирта пустила меня и сестру в вагон поезда в Казани. В этом эшелоне с плацкартными вагонами офицеры и солдаты после лечения и отдыха отправлялись обратно на фронт. Они были хорошо экипированы, были жизнерадостными, веселыми, уверенными в окончательной победе над Германией. Меня они приглашали к себе, демонстрировали пистолеты, показывали, как они стреляют и как их чистят, а я выпрашивал у них хотя бы шомпол от пистолета. Без приключений мы все добрались до Москвы.

В сентябре 1943 года сестру и меня (мне было 7 лет, а в школу брали только с восьми лет) мать отправила учиться в школу, а сама поступила работать на фабрику (находящуюся в нашем доме) на которой шили куклы. В основном шили кукольных баб, у которых юбка была из теплого ватника. Такими куклами вся страна закрывала чайники и кастрюли, чтобы они быстро не остывали. Причиной отправки меня раньше времени в школу была ситуация в те

годы в городских дворах, в которых правили шпана, бандиты и воры. Они довольно активно привлекали за подачки пацанов на воровские штучки и другие преступления, затягивали их в свои шайки.

Таким образом, я оказался одним из самых младших в первом классе 7-летней мужской школы № 239 в Колокольниковом переулке Москвы. Школы в Москве примерно до 1955 года были раздельные: мужские и женские. Нашим первым учителем стала Зоя Владимировна Воскресенская – старая учительница с дореволюционным педагогическим стажем, жившая на Кузнецком мосту. Учителем физкультуры был инвалид войны без руки. В классе было много ребят из бедных семей. У некоторых ребят отцы уже погибли на фронте, их опекали и сочувствовали. Каждый день в школе нам давали по одному бублику и по одной большой круглой карамели с патокой. Их мы съедали в перемену, растягивая максимально удовольствие, крутя постепенно бублик и обгладывая его по краям. Бублик и конфета были также предметом всякого обмена. Временами в классе выдавали талончики на ткань (в основном это был черный сатин) и на обувь.

В школу мы ходили с зелеными сумками от противогаза. Противогазы были на всякий случай в каждой семье. У некоторых ребят, у которых отцы были офицерами, были кирзовые и даже кожаные полевые сумки.

Как и во многих дворах Москвы в нашем дворе также была «своя» шайка бандитов и воров. Ее возглавлял бандит по кличке «Хрюня». «Хрюней» его прозвали за кривой сломанный нос. Каждый раз, выйдя из тюрьмы, он появлялся во дворе как король. В это время власть во дворе переставала существовать. «Хрюня» выходил в черном пиджаке, в черных галифе, заправленных в черные, начищенные до блеска сапоги. На голове у него всегда была тогда модная у шпаны и бандитов шестиклиновая кепка-малокозырка. «Хрюня» в очередной раз всем объявлял, что он окончательно вышел из тюрьмы, что милиция от него отказалась, так как иголки, которые милиционеры запускают ему во время допросов под ногти, чтобы добиться признаний, на него не действуют. Бандит обладал невероятной взрывной силой. Он регулярно ее демонстрировал, закидывая большой кусок кирпича на крышу пятиэтажного дома. На вид «Хрюне» было 20–25 лет. В подручных у «Хрюни» был Бо-

ря Картошкин, которому было лет 16–17. Приказы «Хрюни» выполнялись во дворе беспрекословно. Он мог любому сказать: «Лезь на четвертый этаж по пожарной лестнице и крючком из проволоки сбей на землю авоську с продуктами». Из-за отсутствия в то время холодильников продукты с едой сохраняли зимой в авоське за форточкой. Схватив авоську, шайка съедала все добытые продукты, а семья без авоськи на длительное время оставалась без продуктов. Другому мальчишке со двора бандит мог сказать: «Иди, сними вот с той бабы шубу и отдай ее мне». В какой-то день подобный приказ мог быть обращен и ко мне. Отец, хотя был высоким и здоровым мужчиной, не мог меня защитить. Банда могла избить его группой, кинуть издалека в него камень и т.д. Но мне дважды повезло. Во-первых, оказалось, что моя сестра Валя нравится «Хрюне» (он считал ее самой красивой девушкой во дворе), и, во-вторых, правая рука Бандита Боря Картошкин поступил на работу на завод к моему отцу учеником. Как только об этом узнали во дворе, бандиты и крутящаяся вокруг них шпана от меня отстали, перестали посылать на преступные задания, от которых я всегда отказывался.

Драки были по разным поводам не только между шайками, но и между мальчишками. Но они проводились обычно при свидетелях и по правилам: «Один на один», «Двое одного не бьют», «Лежащего не бьют» (в том числе ногами), «Драка до первой крови». Разбивали в основном нос, губы, подбивали глаза, больно били в грудь и живот. Все мальчишки ходили с ножами или заточками, сделанными из напильников. Мечтой всех был настоящий финский нож.

Каждый вечер в небо Москвы поднимали аэростаты. Много площадок для аэростатов было устроено на бульварах Бульварного кольца. Аэростаты с помощью лебедек в небо поднимали девушки. Рядом располагались и прожектора.

В 1943–1945 годах обстановка в Москве была довольно спокойной. Налеты немецких самолетов на Москву происходили, но уже намного реже, чем в 1941 году. У населения появилась уверенность в победе над немецко-фашистской Германией. Почти в каждой семье на стене висела карта, на которой маленькими красными флажками отмечалось положение войск Красной Армии. Все ждали, когда наша армия перейдет границу, освободив всю территорию СССР.

У нас во дворе стали квартироваться военные. Их часть была укомплектована американскими студебеккерами и виллисами. Офицеры в те годы были самыми лучшими и желанными женихами в стране. Тем более что мужчин стало существенно меньше женщин. В середине или в конце войны на завод отца стал поступать американский инструмент, в том числе сверла, полотна ножовок, напильники, токарные резцы и др. На инструменте было написано «Маге ш Н8А. БеГой». Отец очень хвалил поступивший по «ленд-лизу» инструмент за его большой ресурс работы.

Москва времен Отечественной войны запомнилась зеленой, чистой, поливаемой водой из шлангов летом и убранной от снега зимой. Дворники начинали работу примерно в 6 час утра и работали весь день. На работу выходили в белых фартуках. Мы, как могли, помогали дворникам в их трудной работе. Летом из резиновых шлангов мы поливали двор, зимой тяжелыми ломami кололи лед во дворе и на тротуаре. Понравились первые салюты за взятие городов Белгорода и Орла. Салюты смотрели из окон, со двора или с крыш домов.

Однако в Москве было также голодно. Все было по карточкам. Хлеба в день на семью давали примерно 0,5 кг (полбуханки) черного и примерно столько же белого, масла – 100 г, немного крупы и сахара. В черный хлеб добавляли картошку, отруби, перемолотые сухари от старого хлеба. Я всегда просился сходить за хлебом в булочную. Ближайшая Филипповская булочная была на улице Сре-тенка. По договоренности с родителями, если к половинке буханки черного хлеба продавец прикладывал довесок, то мне разрешалось его съесть. Вот я, стоя у прилавка с весами, мечтал о любом большом или малом довеске. К праздникам выдавали муку. За ней стояли ночами, на руках химическим карандашом писали номер в очереди. К муке придавался кусочек дрожжей.

Чтобы как-то быть сытыми мы тащили из кузовов проходящих мимо грузовых автомашин всякие овощи. Для этого изготавливались из толстой проволоки специальные длинные крючки. Когда машина проходила мимо, мы ее догоняли, закидывали в кузов крючок, надеясь зацепить кочан капусты, морковь, свеклу или картошку. Сброшенный таким образом кочан капусты очищали, резали на куски и сразу съедали, морковь и свеклу чистили битым стеклом, мыли водой из-под крана для поливки двора и тоже съедали, а кар-

тошку жарили во дворе на костре. С помощью этих крючков мы также катались зимой на улицах по снегу, прицепившись крючком за кузов грузовой машины.

Где-то в 1943 или в 1944 году в Большом Кисельном переулке была открыта, по-моему, бесплатная столовая для детей. В ней давали суп с картошкой и американской свиной тушенкой, на второе – американское китовое мясо с пюре из американского сублимированного картофельного порошка, а на третье – кисель из апельсинового, порошка. Это спасало нас, московских детей, от голода и болезней.

Но не все в те годы жили голодно и бедно. Партийным руководителям, высоким чиновникам и начальникам выдавалось по двойному комплекту карточек, были спецпайки, закрытые спецстоловые и спецмагазины с хорошими продуктами, одеждой и бытовыми товарами, специальные ателье по пошиву одежды. Для «элиты», в спеццехах выпекался особый хлеб, изготавливались специальные колбасы и рыба, на спецфермах с помощью отборных кормов выращивались птицы и животные. Для них функционировали специальные санатории, дома отдыха, поликлиники и больницы. Запомнилась такая история. У нас в подъезде в отдельной квартире жил богатый толстый Трахтенберг. Он курил шикарные папиросы и мы у него выпрашивали пустые коробки из-под них для хранения фантиков от конфет. Так вот, когда Трахтенберг узнал, что у товарища Сталина кончился табак, то он позвонил в Кремль и сообщил, что может в любом количестве доставить в Москву из Америки необходимое количество табака. Ему надо только знать, сколько надо табака. Как известно, Сталин курил трубку, а табак для нее брал из папирос «Герцеговина Флор». Табак американский назывался Виргиния (Виржиния). Для аромата в табак добавлялся мед. Во дворе говорили, что Трахтенберг табак Сталину доставил, чем снискал к себе его благосклонность.

Нам постоянно делали пробу на туберкулез (реакцию Пирке). В школе каждый день начинался с проверки классным руководителем всех пришедших на наличие вшей в волосах на голове. У кого находили вшей, отправляли домой с письмом к родителям. Дома лечили, стригли «наголо» и т.д. От вшей, блох и клопов страдали не только гражданские, но и военные. В коммунальных квартирах, в которых жила основная часть городского населения страны, в

деревенских домах и на фронте борьба с этими паразитами велась постоянно с помощью кипятка, дуста и «индивидуального террора».

В стране катастрофически не хватало мыла. Обмылки не выбрасывали, их копили и потом варили, иногда добавляя в самостоятельно сваренное мыло глины или мелкого песка. Хотя газ в квартиры подавался и газовая колонка действовала, по причине нехватки мыла, многие москвичи ходили мыться в баню. Ближайшие к нашему дому были Сандуновские бани – знаменитые Сандуны. В них было несколько разрядов (3 или 4), разные по обслуживанию и, естественно, по цене. В баню ходили из-за того, что при покупке входного билета давали кусочек серого хозяйственного мыла. Этого кусочка хватало, чтобы вымыть голову и все тело. Мы с отцом ходили во второй или третий разряд, смотря, какая в них была очередь. В высшем разряде, вход в который был с углового парадного подъезда здания, был даже бассейн с мраморными скульптурами. Эти бани функционируют до сих пор, в них несколько раз снимались художественные фильмы и про них до сих пор ходят всякие легенды.

В бане одни хвастались, а другие разглядывали татуировки на теле. Чего только там не было изображено: профили Ленина, Сталина, матерей, любимых женщин, якоря, маяки, надписи типа «Не забуду мать родную», пятиконечные звезды, кресты, змеи, танки, самолеты, церковная, тюремная и лагерная тематика. Особая тематика отображалась сзади на ягодицах. Там картинки двигались при хождении человека, например, игра кошки-мышки, когда кошка якобы ловила мышку. Но были и другие более привлекающие взрослых движущиеся картинки. Люди разглядывали и обсуждали эти произведения народного искусства, как будто они находятся в художественной галерее.

Летом мальчишки катались по дворам и улицам на деревянных самокатах с двумя подшипниками (их можно было достать с трудом). О таких самокатах, как сейчас, мы и не мечтали. А нас тогда было большое удовольствие прокатиться по асфальту под горку с Рождественского или Петровского бульвара на Трубную площадь или с Пушкинской площади по улице Горького (ныне Тверской) к Охотному ряду. Во дворе только у меня одного был детский велосипед и меня постоянно просили дать на нем прокатиться. От такой

нагрузки велосипед постоянно ломался, и отец терпеливо чинил его, подтягивая и переклепывая цепь. Многие из ребят катали в то время изогнутой проволокой колеса или обода от бочек. Зимой мы с горки Рождественского бульвара катались на деревянных санках или «рулевиках». «Рулевики» представляли собой деревянную площадку, к которой впереди на оси крепился конек «снегурочка» (для фигурного катания), а сзади крепились два конька «гаги». К маленькой доске, к которой крепился «конек-снегурочка», устанавливался руль, с помощью которого мы, лежа на животе на деревянной площадке, управляли «рулевиками». Иногда на «рулевиках» умещалось до четырех человек. Скорость по плотному снегу или по льду под горку была очень приличная, и надо было иметь силу вовремя остановиться в конце бульвара перед появлением транспорта. Также катались по льду на фигурных коньках, «гагах» и беговых коньках. Их привязывали веревками к валенкам и прикручивали затем с помощью палочек. Валенки в основном были стеганные ватные, как телогрейки. На валенки надевали галоши, но чтобы они не соскакивали, их привязывали к валенкам веревками. Только у некоторых были в то время настоящие валенки. По дорогам также катались на санях, которые изготовлялись из труб или толстых прутков, изогнутых в виде финских саней. Одна нога стояла на полозе, а другой мы отталкивались от дороги.

Когда отец увидел, что я прилично катаюсь на лыжах, привезенных из эвакуации, он достал из кладовки и подарил мне пару финских лыж с крепленьями «Ротефелло» с огромными петушками, бамбуковые лыжные палки и настоящие кожаные лыжные ботинки. Затем он купил мне синий байковый лыжный костюм. Когда я появился в полном обмундировании во дворе и стал кататься на этих лыжах, то посмотреть на меня собрались все дворовые мальчишки и девчонки. Для них я выглядел так, как если бы сейчас во дворе появился бы космонавт в скафандре. У отца для себя осталась в запасе еще одна, вторая пара лыж с ботинками.

История сохранения двух пар лыж во время войны со слов отца была такой. Когда немцы подошли близко к Москве, в городе было отключено центральное отопление. Наступила холодная зима. Спать в неотопляемых комнатах стало невозможно. Тогда все москвичи стали устанавливать у себя в комнатах железные печки-«буржуйки». Трубу от печек выводили через железный лист в фор-

точку. В печку шло все, что горело: доски, ящики, стулья, мебель. У отца ушло в печку и несколько пар плохих лыж. Но у него была надежда, что немца отгонят от Москвы и, как тогда говорили по радио: «Враг будет разбит и победа будет за нами». Он не сжег две пары лыж, и одна из них счастливо досталась мне. А для отопления отец нашел в нашем дворе горку каменного угля и им он спасся в войну от холода.

В конце войны в парках Москвы стала оживать культурная жизнь. На эстрадах парков стали проходить концерты известных артистов: помню выступления оркестров, дуэтов Л. Лядовой и Н. Пантелеевой. В. Бунчикова и В. Нечаева, чтеца Э. Каминки и других. Зимой в парках стали постепенно появляться лыжники, в основном те, кто любил кататься на лыжах до войны и сохранил лыжный инвентарь, как мой отец. Увидев, как я катаюсь на финских лыжах по Рождественскому бульвару, отец стал брать меня кататься на лыжах в парк Сокольники. Добираться до парка приходилось так. Пешком до станции метро «Красные ворота» и далее на метро или трамваем до Сокольников. Дело в том, что ближайшая к нашему дому станция метро «Кировская» во время войны была закрыта. Там в подземном зале станции на большой глубине располагался Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Наземная часть штаба располагалась в небольшом особняке в доме № 37 по ул. Кирова (Мясницкой). Сейчас на этом здании есть мемориальная доска. Перрон станции «Кировская» был обшит щитами, а поезда мимо станции шли без остановок.

Среди лыжников в парке выделялись инвалиды войны. Это были лыжники, кто без левой, кто без правой руки, мужчины с искалеченными коленными суставами и т.д. Друг и коллега отца по заводу с начала войны как хороший лыжник был призван в военный лыжный батальон. Задачей таких батальонов были рейды по тылам немецких войск в Подмосковье и внезапные атаки на немецкие позиции. Однако сильнеешие в первую военную зиму морозы, когда температура воздуха временами доходила до минус 38 °С, привели к обморожению многих лыжников. У друга отца были обморожены и ампутированы пальцы на ногах. Он мог ходить только с палочкой и медленно бежал по лыжне. Когда лыжники в азарте ему кричали: «Мужик, давай беги быстрее!», он с улыбкой отвечал: «Эх, друзья, если бы у меня были пальцы на ногах, я всех вас давно бы обо-

гнал!» Я тоже изо всех сил старался не отставать, однако еще несколько слышал подбадривающие крики старших: «Парень, давай кати быстрее!» Однако самое трудное наступало, когда надо было добираться из Сокольников домой. Усталый, полуживой, я с трудом тащился со связанными лыжами в руках за отцом. Одно только утешало, что дома нас ждет обед. Будет суп, второе, а на третье мать варила целую кастрюлю компота из сухофруктов или кисель из клюквы. Кстати, клюква в то время была очень дешевой. На Центральном рынке, который располагается на Цветном бульваре, стакан мелкой клюквы стоил 2 копейки, а стакан крупной – 5 копеек.

Во х московских дворах проходила спортивная жизнь. Маленькие дети играли в футбол мячом, сделанным из старых женских чулков, или со старым сдутым резиновым мячом, набитым ватой. Играли в ножички, классики, салки, прятки, в вышибалы (мячом), в лапту, в догонялки, в козла (прыгали друг через друга). В салки часто играли с помощью пустой консервной банки, по которой, чтобы осалить партнера, били ногой.

Чтобы выбрать того, кто первый будет водить, использовались считалки, вроде этой: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить, все равно тебе водить». Много прыгали со скакалкой, целые компании прыгали через вращаемую двумя мальчишками или девчонками веревку и даже через две вращаемые одна навстречу другой веревки. Была игра, когда в поделенном поровну круге, нарисованном на земле, втыкая в землю нож, мы, нарезая, отбирали друг у друга землю, находящуюся в круге. Проигрывал тот, кто не мог устоять на оставшемся у него клочке земли. Была еще игра в «пушок». В этой игре надо как много больше без падения на землю подкинуть внутренней стороной лодыжки согнутой ноги кусочек длинного меха. Для тяжести к меху с помощью вара прикреплялась монета. Во дворе и в школе по этой игре были рекордсмены. Счет шел на сотни подкидываний. После этих игр грязные, потные, усталые и голодные, мы возвращались домой. Причем возвращались только после того, как родители два-три раза позвали нас домой. В нашем дворе был также турник, на земле лежали пудовая и двухпудовая гири. Взрослые на отдельной площадке с сеткой играли в волейбол. Были дружеские сражения по волейболу между соседними дворами. Тогда жители

нашего дома болели за «своих» прямо из окон своих комнат. Взрослые и дети играли на деньги в карты, в «расшибалку» и «пристеночек». Но деньги проходили небольшие. Играли больше на «интерес». Наверное, становится ясно, почему тогда не было толстых мальчишек и взрослых. Причина: еда по калориям на пределе по количеству и большие физические нагрузки. Чтобы не выглядеть бледными, мы активно загорали. Загорали тогда на крышах домов и сараев. Когда становилось очень жарко, то спускались на землю и обливались водопроводной водой из шланга для полива двора. Время определяли по часам на Спасской башне Кремля, которые были видны с верха крыши нашего дома. Купальный сезон было делом чести начать до 1 мая. Купаться ездили на пруды в парк Сокольники и в Измайловский парк.

Чтобы как-то решить проблему продовольствия, на предприятиях стали давать в Подмосковье участки для посадки картошки. Сначала у нас был участок в Вишняках, а потом еще и второй участок в Царицыне. Туда по воскресеньям с лопатами или тяпками всей семьей, как и многие москвичи, мы ездили посадку, окучивание и копку картошки на электричке. Выкопанную осенью картошку организовано на грузовиках привозили в квартиру и хранили в коридоре в отгороженном закутке.

Дрова ближе к концу войны можно было купить на дровяном складе, расположенном на Трубной площади. Таскали бревна мать, сестра и я. Прохожие качали головами и сочувствовали мне: такой маленький, а тащит в горку такое большое бревно. Дрова в Москву привозили на баржах. Баржи, в основном, разгружали молодые девушки и юноши. Многие из них были мобилизованы на рытье окопов в Подмосковье. Резиновых сапог не было, галош не хватало. В осеннюю дождливую погоду, стоя в холодной воде, они часто простужались. В результате эти молодые люди получали воспаление легких, а затем, в отсутствие тогда пенициллина, туберкулез легких. Многие из них в конце войны или сразу после нее лежали в туберкулезных санаториях, а потом умерли. О них забыли, но они помогли спасти Москву.

На новый год нам с сестрой часто доставались пригласительные билеты на главную елку страны в Колонный зал Дома союзов. Там выступали артисты, а также поэты С.Я. Маршак и С.В. Михалков, которые в основном восхваляли товарища Сталина. В подарках

были душистые мандарины, грецкие орехи, вафли и конфеты. Восхваление Сталина росло по мере приближения Победы над Германией. По радио ежедневно примерно в 9 часов 30 минут, наверно специально для него, исполнялись грузинские хоровые песни. Часто передавали концерты Ансамбля песни и пляски Красной Армии под художественном руководством А.В. Александрова – автора музыки Гимна Советского Союза. Концерты всегда начинались с двух прославляющих Сталина песен («Песни о Сталине»): «От края до края, по горным вершинам, где гордый орел совершает полет. О Сталине мудром, родном и любимом, прекрасные песни поет весь народ...» и «На просторах Родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили радостную песню о великом Друге и Вожде. Сталин наша слава боевая, Сталин нашей юности полет. С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет...». Только затем исполнялась песня А.В. Александрова на слова В.И. Лебедева-Кумача «Священная война» со словами: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой. Пусть ярость благородная вскипает как волна, – идет война народная, священная война». Далее исполнялись такие всеми любимые песни, как «В землянке», «Соловьи», «На солнечной поляночке», «На позицию девушка провожала бойца», «Прощай, любимый город», «Заветный камень», «Эх, дороги» и многие другие.

По радио часто звучали песни и арии из опер в исполнении С.Я. Лемешева, И.С. Козловского, Н.А. Обуховой, М.Д. Михайлова, А.С. Пирогова и других певцов. До самой смерти Сталина было запрещено по радио передавать в записи песни и арии из опер в исполнении русского гения Ф.И. Шаляпина, который в годы революций, как и А.М. Горький, много помогал большевикам. Запрет был связан с тем, что Ф.И. Шаляпин в тридцатые годы, выходя из церкви в Париже, дал деньги нуждающимся детям белоэмигрантов. Для поддержания высокого духа народа в Большом театре была поставлена опера М.И. Глинки «Иван Сусанин» (первоначальное название «Жизнь за царя»). В ней победа над поляками ассоциировалась с победой Советского Союза над фашистской Германией. За постановку этой оперы была присуждена Сталинская премия. В числе других ее получили бас М.Д. Михайлов (ранее был церковным певчим), исполнявший роль Ивана Сусанина, и И.С. Коз-

ловский за роль Юродивого. Интересно отметить, что я за время войны ни разу ни от кого не слышал даже нотки сомнений в том, что Германия будет разбита. Все были уверены в победе.

Во дворах Москвы часто заходили мужчины-«коробейники». Стекольщики ходили с высокими узкими ящиками со стеклом на плече. Они кричали на весь двор: «Стекла вставляем! Стекла вставляем!». Точильщики кричали: «Точу ножи, ножницы! Точу ножи, ножницы!». Паяльщики кричали: «Паяю кастрюли, чайники, лужу, клепаю. Паяю кастрюли, чайники, лужу, клепаю!». Заходили старые татары в тюбетейках и кричали: «Старье берем, старье берем!». Они по дешевке скупали старые и поношенные вещи для перешивки.

Приходили также слепые. Они играли на гармошке или на баяне и пели грустные песни: «Когда я на почте служил ямщиком», «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом» и другие. Слепых обычно сопровождали дети. Запомнилась одна пара, которая не раз приходила в наш двор. Слепой мужчина ходил с баяном на плече и с палочкой в руке. Его под руку водила красивая женщина. Сколько горя и грусти было в ее глазах. Народ охотно подавал милостыню слепым.

Наша семья была довольно культурной и интеллигентной. Отец с матерью, когда была возможность, ходили на оперу в Большой театр, посещали спектакли в Малом и Художественном театрах. Часто ходили в кино. В нашей семье еще до войны были патефон с большим количеством пластинок, фотоаппарат и гитара. Все новости узнавали из радио – черного круглого репродуктора («тарелки»). Отец любил стихи Сергея Есенина и многие из них знал наизусть. Иногда по случаю праздников, дня рождения и других событий у нас в семье собирались гости. Выпивали тогда немного. Обычно на всех была одна бутылка водки или разбавленного спирта. Отец любил настаивать спирт на сушеной вишне. Я никогда не видел его даже сильно выпившим. В основном вели разговоры. Иногда взрослые переходили на шепот и мне говорили: «А ты это не слушай, это не для тебя. Ты еще маленький, чтобы это знать». Пели песни, иногда под аккомпанемент гитары, гармошки, баяна, а в конце войны и под аккомпанемент трофейных аккордеонов. Если у кого был хороший голос, то летом, когда у всех окна были открыты, песни слушал весь двор. Во дворах молодежь устраивала

танцы под гармонь, баян или патефон. Патефон выносили на улицу или выставляли в окне. Пластинки в основном проигрывались довоенные: «Цветущий май», «Брызги шампанского», «Рио-Рита». Заводили песни В. Козина, Л.О. Утесова, Л.А. Руслановой, И.Д. Юрьевой, К.И. Шульженко и других: «Люба-Любушка», «Раскинулось море широко», «Мы летим, ковыляя во мгле», «Валенки», «На Муромской дорожке», «Очаровательные глазки», «Катюша», «Синий платочек». Взрослые пели народные песни, популярны песни «Темная ночь», «Шаланды, полные кефали» из кинофильма «Два товарища» и другие. Во дворе молодежь пела под гитару другие песни: «В нашу гавань заходили корабли», «В Кейптаунском порту», «На корабле матросы злы и грубы», «Старушка, не спеша, дорожку перешла» и другие. Шпана пела утесовские «С Одесского кичмана», «Гоп со смыком», блатные, тюремные, лагерные и матерные песни. Песни «Мурка» и «Таганка» были запрещены к исполнению на концертах и по радио. В школе в первом классе на уроках пения мы разучивали песню «Варяг».

В тот период взрослые, молодежь и дети часто ругались матом. Кстати, мой отец матом ругался редко. Мат процветал во дворе. Мат был распространен в высших эшелонах власти, среди интеллигенции и среди артистов. Но мат «уважали», когда ругались «к месту» и «красиво». Когда в наши дни я или кто-то другой моего возраста вдруг выразятся по необходимому случаю матом и нас за это осуждают, то у нас один ответ: «Мы дети войны» или «Я дитя войны». Сейчас матом непрерывно ругаются и молодые парни и девушки, не стесняясь друг друга. Они говорят: «Мы не ругаемся, мы говорим матом». Жаль, они даже не до конца понимают смысл ругательств, а просто для бравады вставляют между обычных слов матерные слова.

Если не считать неизбежные бытовые ссоры, то в коммунальных квартирах в принципе жили дружно. По праздникам угощали друг друга выпечкой: жареными на сковородке и выпекаемыми в духовке пирогами, пирогами с курагой, изюмом и маком, выпекаемыми в алюминиевой круглой кастрюле с большим отверстием посередине («чуде»). Сейчас, живя давно в отдельной квартире, трудно себе представить, как утром и вечером шестнадцать человек могли без ссор и упреков попасть в туалет, в ванную, вскипятить чайник, приготовить себе еду и, пользуясь одной раковиной, по-

мыть посуду. Не было проблем и с органами власти. Мне кажется, что никто из соседей (Соколовых, Цеповых, Пищиковых и Бронштейнов) не жаловался и никто тайно или открыто не доносил (не «капал») на нас или других соседей в милицию или НКВД, правда, и повода не было. У нас в квартире даже агитатор был полковником НКВД. Наверно все понимали, если что случится, то пострадают в квартире все. В то время редко, но имели место ложные доносы, чтобы забрать себе освободившуюся комнату, квартиру, дачу или хорошую должность. По Москве на улицах и во дворах иногда появлялись грузовые автомашины без окон – «черные вороны», в которых перевозили арестованных или заключенных. Некоторые «воронки» не имели на бортах надписи, а на некоторых были надписи – «Хлеб» или «Продукты».

В Москве постепенно стало скапливаться много инвалидов войны. Инвалиды без одной ноги ходили на костылях. Инвалиды без обеих ног передвигались на самодельных тележках на четырех подшипниках. К тележке они привязывались ремнями. Для движения они отталкивались от земли руками, в которых за ручки держали деревяшки, снизу обитые резиной. Обычно инвалиды просили подаяния на многолюдных перекрестках. Собрав определенную сумму денег, они ехали в пивную, где свое горе запивали водкой. По Москве также ходили инвалиды с обгорелыми лицами. Это в основном были бывшие летчики и танкисты, выжившие после страшных сражений, которые смогли спастись из горевших танков или самолетов. Но хуже всего была участь военных, у которых были оторваны и руки, и ноги. Иногда их даже не принимали обратно в свои семьи, и они были вынуждены постоянно жить в госпиталях. Впоследствии в Москве была проведена акция по выселению инвалидов из города. Так страна «отблагодарила» своих героев, отдавших здоровье за освобождение от немецко-фашистского ига.

В конце 1944 или в начале 1945 года у нас во дворе появились пленные немцы. Они стали ремонтировать парадный подъезд нашего дома. Немцы были тихие, вежливые и постоянно нам говорили: «Гитлер капут». Немцев привозили на грузовой автомашине и оставляли для работы без охраны под присмотром старшего из них. Он говорил, что до войны якобы был учителем в школе. Немцы постоянно просили нас сбегать купить им махорку. За это они предлагали нам самодельные зажигалки из стреляных гильз. В

то время наиболее распространенными источниками огня, при дефиците спичек в СССР, были кремень, рашпиль и фитиль.

Когда в парке имени Горького открылась трофейная выставка, москвичи и гости столицы стали часто ее посещать. Там были представлены различная немецкая боевая техника, оружие, обмундирование, а именно различные типы самолетов, танков, автомашин, пушек, минометов, автоматов, винтовок, обувь, одежда солдат и многое другое. Я заглядывался в основном на финки, их красивые наборные рукоятки и различные ножи.

Я не ходил смотреть на колонну пленных немцев, которую демонстративно провели по Садовому кольцу. 9 мая 1945 года я также не пошел вечером на Красную площадь. Туда ходили более взрослые ребята. Те, кто был на Красной площади, рассказывали, что взрослые от счастья плакали и бросали в воздух деньги. Военных качали на руках.

К сожалению, не обошлось без потерь среди моих родственников. В первые дни войны из десятого класса школы в городе Владимир был направлен на фронт и пропал без вести мой двоюродный брат Володя, названный в честь моего отца. Когда его мать, моя тетя, пыталась узнать, как он погиб, то ей ответили, что узнать, где лежат наши парни, пытавшиеся в первые дни войны задержать наступление немцев, невозможно. Поисковики до сих пор находят безымянные останки советских воинов. Пособие за «пропавших без вести» не платили. От туберкулеза, не дожив до тридцати лет, скончалась моя тетя Клава – сестра матери. Она во время войны разгружала баржи с бревнами и дровами.

Были потери и в семьях, проживавших в нашем доме. Одна похоронка пришла уже после окончания войны. В Польше был застрелен в спину сын из одной из проживающих в нашем доме семьи. Его возвращения домой ждали со дня на день. Один взрослый мужчина вернулся домой из штрафного батальона. В бою ему пулей раздробило колено. По условиям того времени, в штрафных батальонах воевали «до первой крови», т.е. до первого ранения. В штрафные батальоны набирали из уголовников или осужденных по другим причинам. «Штрафников» посылали в бой первыми.

P.S. В 1953 году, в год смерти И.В. Сталина, я окончил десять классов мужской школы № 232. Пройдя Сретенский бульвар, я повернул направо и подал документы для поступления в Московский

механический институт (ММИ) по адресу: ул. Кирова, дом 21. Сдав семь экзаменов и выдержав конкурс, поступил на первый курс института. К поступлению в ММИ меня подтолкнуло то, что я с детства любил мастерить и многое умел делать. В моей семье постоянно велись разговоры о конструировании различного инструмента, механизмов, приспособлений, разработки и производства велосипедов и мотоциклов.

В 1959 году я закончил факультет «Теоретическая и экспериментальная физика» МИФИ, кафедру № 1 «Дозиметрия и защита» и получил специальность «инженер-физик». Работаю в Союзном (сейчас Специализированном) НИИ приборостроения (СНИИПе) с 1959 года по настоящее время. Стаж работы более 55 лет. Последние 15 лет как приглашенный лектор читаю в НИЯУ МИФИ лекции «Основы ядерного приборостроения» на кафедре № 24 «Прикладная ядерная физика». Читал лекции по экспериментальным методам космической физики в МФТИ. Автор около 10 монографий и учебных пособий, 45 изобретений и патентов, 180 статей и докладов на отечественных и международных конференциях и семинарах.

На лыжах катаюсь уже более 73 лет. В каждое воскресенье зимой, если есть возможность и позволяет погода, я пробегаю на лыжах от 5 до 10 км. После такой пробежки, не уставая, могу работать целую следующую неделю.

Савченко О.В.

МОЯ СЕМЬЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Семьи моих бабушки и дедушки с маминой стороны до Великой Отечественной войны жили в Ленинграде.

Еще в школе Юрий Валентинович Мирохин познакомился со своей будущей женой – Еленой Константиновной Тукмаковой. Они жили недалеко друг от друга – Мирохины на Лиговском проспекте, Тукмаковы – на улице Гончарной. В 1938 г. дедушка поступил в Ленинградский электротехнический институт.

Вдвоем

22 июня 1941 года началась другая, страшная жизнь.

У Юры год назад родилась сестренка. Он ушел на фронт в числе первых добровольцев из их института. После этого Леля уже не оставляла его маму, Альму Карловну, и маленькую Танечку одних. Иван Семенович, отчим деда, был мобилизован в РККА в самом начале войны. Брат Елены Константиновны, Александр, служил по призыву в армии с 1940 года, прошел от западной границы до Волги и обратно уже до Берлина.

10 августа 1945

Моя мама Нина Юрьевна вспоминает: «В июле сорок первого папа пришел домой и сказал своей маме: «Иду добровольцем на фронт, завтра». Насколько постарела моя бабка за эту ночь, сидя у его кровати? Когда проснулся – плакал и просил прощения. И всю войну прошел на Ленинградском фронте. И в пехоте, и в радистах, и в техобслуге на аэродроме, и по «Дороге жизни» не один рейс сделал. А моя мама ездила к нему на свидания на линию фронта на трамвае. И в Гатчину. В Гатчине он был в какой-то школе или какие-то курсы оканчивал. О войне папа почти не говорил. Как и о блокаде. Нам, детям, не говорил. Когда подросли, стал рассказывать. Что-то слышали из разговоров взрослых».

В народном ополчении в первой атаке из нескольких сотен добровольцев уцелело около 10 человек. И вот тут Юрию Валентино-

вичу пригодилась школьная выучка (в старших классах он учился в военной школе), понимание, что надо уметь подчиняться старшему и более опытному товарищу. 40-летний сержант спас несколько человек, сказав им: «Делай как я». Он взял на себя ответственность за этих необстрелянных «студентиков».

Потом он ходил в разведку, из которой вернулся со своим напарником благодаря умению терпеть и ждать. Немецкий снайпер положил их на речной лед и не давал встать в течение нескольких часов, стерег каждое их движение. И здесь уже Юра был старшим, а второй – необстрелянным салажонком. У них была фляжка спирта, и они, почти не двигаясь, передавали ее друг другу. Делали по 1 глотку через каждые 40–50 минут. «Уж как мы там высасывали этот спирт из фляжки в лежачем положении, стараясь не двигать головами, до сих пор удивляюсь», – рассказывал он потом. Перележали они того немца, повезло: зимой темнеет быстро. И даже не простудились.

Ленинград оказался в блокаде. В городе остались мать, маленькая сестра, Леля с ее семьей. Константин Александрович (отец Елены Константиновны) умер зимой 1942 года. Лежал на столе в квартире около трех недель: надо было получить карточки, чтобы похоронить его в отдельной могиле. А все остальные – Леля, Татьяна Ивановна и Матрена Ивановна, Альма Карловна и Танечка – жили у подруги Татьяны Ивановны на улице Гончарной в этом же доме, во флигеле напротив, в полуподвальной комнате в 11 кв. м. Такое жилье можно было еще хоть как-то согреть, живя там всемером (еще сын подруги). Маленькую Таню мама не отдала в эвакуацию. Ее прятали в кладовке. Там она ослепла. К счастью, позже зрение восстановилось. Татьяне Ивановне Шириковой в этом году исполнится 80 лет, они живет в Санкт-Петербурге.

Однажды при очередной бомбежке бомба попала в школу, которая стояла стена в стену с тем флигелем, где была квартира Тукмаковых. Школа была полна эвакуированных... Расстояние между стенами дома и школы было всего 2–2,5 метра. Но ударная волна пошла таким образом, что даже стекла в окнах их дома остались целы. После бомбежки они прибежали домой, думая, что увидят развалины своего дома, но увидели его невредимым, только на полу немного потолочной побелки. Повезло. После войны там опять

построили школу и сделали школьный стадион, где послевоенные дети играли в лапту и штандер, прятки и казаки-разбойники.

Одно время Юрий Валентинович водил машину по льду Ладоги, «но про этот ужас он мне никогда не говорил» (из воспоминаний Н.Ю. Савченко об отце). Немецкие «Мессеры» постоянно штурмовали обозы автомашин, перевозящих продукты питания в осажденный Ленинград по «Дороге жизни». Поэтому водители ехали с открытыми дверцами в потрепанных «полуторках». Дважды после бомбежки автомашины, управляемые Мирохиным, проваливались под лед Ладоги, но энергичный водитель сумел вовремя выпрыгнуть на лед и остаться живым. Как-то его отпустили в Ленинград к матери. Как потом вспоминала Альма Карловна, вероятно, он уже был физически и душевно настолько истощен, что уже ни на что не годился. Пришел на побывку, на пару дней. Что они могли тогда для него сделать?! Но сделали. Отмыли в одном ведре воды в своем одиннадцатиметровом «общежитии». И чем-то кормили целых два дня. Альма Карловна куда-то что-то отнесла и принесла кастрюльку перловой каши. Может, когда тебе 22–23, этого бывает достаточно. «У Юры долго, всю войну, была мечта – наесться перловки с подсолнечным маслом. Но когда появилась такая возможность, что-то она ему не пошла».

Потом было тяжелое ранение осколками от немецкой мины. Он лежал в госпитале, который располагался в здании Генерального штаба на Дворцовой площади. Когда хирург разобрался с его ранением, то сказал, что с двумя осколками в перикарде (сердечной сумке) он может прожить год, а может и тридцать, а если вынимать сейчас, из ослабленного организма, то и месяца не протянет. Добрая ему память и бесконечная благодарность. Прожил Юрий Валентинович после этого 45 лет.

В госпитале его навещала Леля. Об этом он любил вспоминать. Палата была громадная, коек сто, а может, и больше. Какой-то зал в Генеральном штабе. Раненые, в основном, лежачие. Сейчас уже, вероятно, никто и представить не может себе того кошмара. Самое неожиданное для человека с улицы – запах. Когда Леля пришла в первый раз, было видно, что она как будто нырнула с мостков в воду (а делала она это когда-то очень красиво). И Юрий Валентинович вспоминал, что праздник был не только для него, когда она шла по проходу к его койке. В этом аду девушка с длинными бе-

лыми волосами, в красном берете набок, с осиной талией, умением держать себя и ходить на сцене, смотрелась сказочно (бабушка до войны училась в театральной студии).

Леся тоже воевала, она была на казарменном положении. Была в Ленинграде такая мукомольная мельница им. В.И. Ленина. С громадными элеваторами для хранения зерна и спецбашней. Вот на этой башне, на самой верхотуре, под стеклянным колпаком и дежурили женщины во время налетов немецкой авиации и артобстрелов. Чтобы добраться до этой стеклянной камеры, надо было пройти все лестничные пролеты по обычным лестницам, а потом и по пожарной. А «танки» элеватора были пустые, темные и метров 50–60 длиной. В этой темноте были и крысы, и беспризорники, и дезертиры. Так что их каждый раз сопровождал солдат лет 45 с ружьем, которое вряд ли могло стрелять. В мороз под 40 градусов 4 часа под этим колпаком они находились на цементном полу, да еще и бомбежка. Ноги у Елены Константиновны стали сильно болеть после сорока, а в 75 и вообще отказались ходить. Последние четыре года своей жизни она провела, не вставая с постели. А как она танцевала до войны в Мраморном зале Аничкова дворца! Отбою от кавалеров не было. Юра танцевать не умел, как говорится, «слон на ухо наступил».

Мама с дочкой (05.12.1945)

Когда сняли блокаду, Леля опять ездила к Юре на свидание на трамвае. И уже в феврале 1944 года они поженились. В декабре у них родилась дочь Ниночка.

Летом 1945 года часть, в которой служил Юрий Валентинович, стали куда-то перебрасывать. Дислоцировались они в товарняках, на запасных путях Московского вокзала. Как-то узнали, что их отправляют на Восток, воевать с Японией. Татьяна Ивановна пошла навестить зятя, принесла ему папиросы, водку, но не успела дойти до нужного вагона, как состав тронулся. Она побежала за ним, кричала: «Юра, Юрочка!». Да разве догонишь. Хорошо, успела все это добро отдать «ребятишкам» из последнего вагона. Слез было – не осушить. Но что-то, где-то сработало по-другому. И эти составы вернули в Ленинград.

Много позже, уже «где-то в семидесятые годы, я видела, как он плакал в День Победы. Сидел один в комнате. По телевизору пел Марк Бернес «Журавлей»: «...И в том строю есть промежуток малый. Быть может, это место для меня». Праздновать День Победы официально почему-то стали только с 1965 года. А до этого это были домашние застолья, да и то не у всех и не всегда. А тут выпустили и памятные медали, и значки, и прочее, прочее.

Папа говорил, что война из него человека сделала», – вспоминает Нина Юрьевна.

После демобилизации Юрий Валентинович восстановился в институте, закончил его в 1948 году по специальности «Телевидение» с квалификацией «Инженер-физик». Учебу совмещал с практической работой в Научно-исследовательском институте телевидения. В апреле 1948 года он приехал на «объект», будущий Ядерный центр в городе Саров. По воспоминаниям Ю.В. Мирохина, выбирал его в ЛЭТИ лично Юлий Борисович Харитон (руководитель «объекта»), один из руководителей советского атомного проекта. На «объекте» Юрий Валентинович проработал до 1982 года. С 1959 года первым заместителем главного конструктора КБ-2. 22 июня 1982 года у него случился инсульт, потом через полгода еще один, и последние пять лет своей жизни он провел практически парализованным. Умер Юрий Валентинович 3 сентября 1987 года. Похоронен в Сарове. Елена Константиновна умерла 16 августа 1998 года. Похоронена в Сарове.

Ю.В. Мирохин

О СОБЫТИЯХ В ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ 1941 г. ПО 3 СЕНТЯБРЯ 1945 г.

На выходной 22 июня 1941 года отца отпустили домой. Он был в лагерях на сборах на Октябрьском поле (нынешняя территория Курчатовского института). Теперь я знаю, что их знакомили с новейшими ракетными установками («Катюшами»). Работал он в издательстве газеты «Московский большевик». На следующий день он отправился в военкомат, а мама за ночь сшила ему небольшой вещевого мешок и собрала вещи первой необходимости.

Через несколько дней из издательства за нами приехали, а мы с мамой и бабушкой отправились вместе с семьями сотрудников издательства на пароходе, а затем поездом в город Казань и далее – в город Йошкар-Ола.

Люди оказались в сложной обстановке, но не роптали, делились необходимым, поддерживали друг друга. В этом городе в 1942 году я пошел во второй класс, так как программу первого я изучил дома, под руководством бабушки. Я старался оказывать посильную помощь семье, многому научился из житейских дел. Ходил в магазин по карточкам. От отца несколько месяцев не было известий, и не было продовольственного аттестата; жили впроголодь. Более-менее ценные вещи, которые мы смогли привезти, поменяли на продукты. Мама работала в горкоме комсомола, часто уезжала в окрестные деревни, вела агитационно-пропагандистскую работу. Осенью 1943 года нам удалось вернуться в Москву. Бабушка жила у наших хороших друзей, а мы с мамой вели наше маленькое хозяйство. Очень часто мама приходила поздно с работы. Я занимался обеспечением продуктами по карточкам. Была большая радость, когда вместо черного хлеба получали белый или пеклеванный. Особым лакомством был бородинский. Мне полагалось 400 грамм хлеба, а маме – 600.

В комнате, куда мы вернулись, отопление работало плохо, и нам помог сосед-старичок сделать подобие маленькой «буржуйки» из

кирпича. Топилась она в основном листочками из книг нашей библиотеки, дров практически не было. Весной 1944 года за пополнением для своего полка в Москву приехал отец. Это были такие счастливые дни, что я умудрился потерять карточки за 8 дней, и мы оказались без хлеба. Выручили продукты, привезенные отцом.

Летом 1944 года отец получил разрешение на период формирования нового полка на приезд мамы к нему, а меня отправили в пионерский лагерь по Савеловской железной дороге (станция Кагуар).

Для нас особыми событиями были салюты в честь освобождения крупных городов. В 1945 году 2 мая был салют в честь взятия Берлина. Мы с соседским мальчиком-первоклассником сумели добраться до Красной площади. По дороге туда нас чуть не раздавили. Было очень много желающих пройти на нее, поэтому было выставлено оцепление, регулирующие проход. Кругом все ликовали, обнимались, поздравляли друг друга с победой.

В июле 1945 года мы с мамой приехали в Эстонию в город Тарту, в пригороде которого стоял полк отца. 1 сентября я пошел в русскую школу.

Большими приятными событиями в период учебы в Москве были так называемые «сталинские подарки» для детей по праздникам и на Новый год, в виде красиво оформленных кулекков с орехами, конфетами и печеньем.

ПЕРЕЖИТЬ ВОЙНУ

Я, Сафонова Нина Кирилловна (Голубцова), родилась 15 июля 1937 года в городе Смоленске. До июля 1941 года мы жили в Смоленске: я, мама, папа, две сестры и бабушка (папина мама). Когда началась война, папа ушел на фронт воевать с фашистами. Смоленск стали бомбить, мама решила уехать из города к дальним родственникам, которые жили в деревне Черныши Смоленской области. Я помню, как мы уезжали из Смоленска. Кругом слышались разрывы снарядов, все гудело, и было очень страшно. Мама с собой смогла взять только самое необходимое, а когда решила вернуться и взять что-нибудь из вещей, то вместо нашего дома в Смоленске увидела воронку.

У дальних родственников мы жили до тех пор, пока мама не заболела тифом, и ее положили в больницу. Вскоре мама умерла. Я помню, как рвались снаряды за рекой, которая протекала недалеко от дома. Я прижималась к бабушке, дрожала от каждого взрыва. В доме было темно, но от взрывов все освещалось.

В деревню пришли немцы и остановились на постой недалеко от дома тети Гаши, к которой я нередко бегала. Однажды меня позвал немец, и, хотя мне было очень страшно, я подошла к нему, так как бабушка мне говорила: «Если будут звать, иди, а то убьют». Когда я подошла, немец стал говорить, что у него есть такая же девочка. Я прибежала домой и рассказала бабушке.

Над деревней часто пролетали с гулом самолеты, которые, как говорили взрослые, летели бомбить железную дорогу возле станции Гусино Смоленской области. Я каждый раз от страха пряталась.

Помню, как однажды пришли партизаны и сказали, чтобы мы уходили из деревни, так как будет бой. Мы собрались и ушли в лес. Люди, кто мог, сооружали из веток шалаши, а наша бабушка была старенькой, и ей было не под силу что-либо соорудить, и поэтому, настелив на землю веток, она расстелила сверху одеяло. Мы все вместе легли на него, и я помню, что небо было чистым и звездным, и я долго смотрела на эти звезды.

Когда мы возвращались из леса, мы встретили усталых наших солдат с котелками, и наша бабушка наливала им молоко.

Мы жили с бабушкой в Чернышах до тех пор, пока с войны не вернулся отец. После его возвращения жить нам стало легче.

Я не хотела писать, но события, происходящие на Украине, заставили меня сесть и вспомнить те страшные годы лишений и сиротства. Вспомнить и осознать, как трудно было бабушке не потерять силу духа, оставшись одной в 80 лет с тремя детьми, и дожидаться прихода отца с войны. Ведь война – это так страшно. Страшно от того, что гибнут мирные люди, ни в чем неповинные дети. Люди лишаются крова, родителей, сестер, братьев. У них нет уверенности в завтрашнем дне. А ведь люди хотят просто мирно жить, работать и растить детей, а их лишают будущего.

Нина Кирилловна Сафонова

Снегирев А.А. (род. в 1934 г.)

ДЕТИ ВОЙНЫ – К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Я родился в марте 1934 года в г. Рошаль, что в 34 км от г. Шатура на востоке Московской области. Город Рошаль строился в 30-е годы XX века на базе градообразующего предприятия по производству пороха для зарядов в орудиях большого и малого калибров. Летом 1941 года сразу после объявления войны город находился под пристальным вниманием немецких летчиков, которые, в основном в дневное время, на малой высоте пролетали над территорией завода, имевшего хорошую маскировку. Но бомбить завод не стали, так как, предположительно, собирались в конце 1941 года оккупировать всю Московскую область.

В ноябре 1941 года началась эвакуация гражданского населения на восток, а оставшиеся начали готовиться к обороне города: рыли траншеи, строили бомбоубежища рядом с жилыми домами, поднимали «целину» под будущие огороды. Пенсионеры и дети-подростки привлекались к работе на дому, где имелись швейные машинки, на которых шили чехлы для упаковки пороха в гильзы снарядов. Мы вместе с бабушкой Ириной Ивановной выполняли норму на 150 %, что давало возможность получать дополнительную продовольственную карточку.

В сентябре 1941 года я пошел в первый класс в един-

ственную работавшую среднюю школу, в которую надо было добираться пешком около 45 минут. Это время мне запомнилось очень хорошо. Вместо портфелей носили холщовые сумки от противогазов, в качестве тетрадей использовались самостоятельно сброшюрованные листы из оберточной бумаги, разлинованные карандашом. Учебниками истории служили учебники с перечеркнутыми портретами «врагов народа». Особой радостью для учеников были 100-граммовые пайки черного хлеба с вкраплениями кусочков картофеля.

Летними развлечениями были костры из сухой ботвы убранных картофеля, в которых взрывались рукотворные петарды из пороховых отходов, найденных на заводской свалке. В девять лет мне удалось пострелять из пистолета системы «наган», который мне доверил отец, приезжавший на побывку из госпиталя после ранения. Зимой основными развлечениями были бои «стенка на стенку», взятие «крепостей» в виде холма из обледеневшего снега.

Я отлично помню День Победы 9 Мая 1945 года. Был солнечный день. В школу мы не пошли и весь день до вечернего салюта провели на площади при ДOME культуры.

Может быть, такое детство и зародило во мне мысль – учиться хорошо. Я закончил школу с серебряной медалью и поступил в 1951 году в Московский институт боеприпасов. По окончании работал два года на заводе ракетостроения в городе Долгопрудный.

Собенин Н.П. (род. в 1931 г.)

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Объявление о начале войны 22 июня 1941 года застало меня с мамой в очереди за картошкой. Я, как и мои сверстники по двору в старинном русском городе Вологда, встретил это известие с уверенностью, что Красная Армия быстро победит немцев, как это было с японцами и финнами. Поэтому в то время мы не разделяли точку зрения взрослых, что скоро будет другая война, которая коснется непосредственно нашего дома, в корне изменит нашу жизнь. В первые же дни войны мы, подростки, не достигшие и десятилетнего возраста, стали востребованы взрослыми. Во дворе начали сооружать бомбоубежища, организовывать дежурства. Наше романтическое отношение к войне вскоре полностью исчезло, когда стало голодно, многих мужчин из нашего двора призвали в армию, а в соседней с нашим домом школе, во дворе которого мы привыкли в основном проводить время, организовали призывной пункт. Этот двор превратился в полигон, где обучали молодых ребят-призывников правилам обращения с оружием, приемам рукопашного боя. Мы все время теперь проводили на заборе, разграничивавшем наш двор со школьным двором, и наблюдали за этими молодыми бойцами, которые весело шутили, так как и им казалось, что война для нас будет скорой и победоносной. Вскоре вместо призывников школу заполнили раненые. Мы смотрели в окна на этих первых раненых и не понимали, почему их так много. В первую военную зиму в этой школе было много дистрофиков – эвакуированных из Ленинграда. Около здания школы размещался большой сарай, и в нем штабелями укладывали умерших. Каждое утро увозили многие десятки умерших в больших деревянных ящиках на санях, запряженных лошадьми. Поскольку в то время почти все автомашины были мобилизованы, то основным транспортом в городе был гужевой. В городе было много беженцев. Их подселяли в разные семьи. Подселили беженцев из Прибалтики и в нашу квартиру. Приезжие мать и дочь рассказывали нам об ужасах, которые они пережили, когда бежали от немцев из Прибалтики. В

первые годы войны мы любили собирать на крышах домов осколки от зенитных снарядов, наблюдать выстрелы в свете прожекторов. Стали приходиться и первые уведомления о гибели наших знакомых по двору. Так, наш сосед Миша Медведев сразу по окончании школы пошел на фронт. После ранения он получил кратковременный отпуск и рассказывал нам о войне глазами участника обороны Москвы. К сожалению, он погиб в 1942 году, как и многие другие старшие товарищи и отцы нашего дружного двора, состоявшего из шести двухэтажных деревянных домов.

Первые годы войны повсюду оконные стекла были заклеены крест-накрест бумажными полосами и на ночь закрывались плотным темным материалом – было введено затемнение, и теперь на улицах в безлунную ночь была абсолютная темнота. Вместо электрического освещения мы пользовались так называемыми коптилками, представляющими собой фитиль, помещенный в снарядную гильзу, наполненную керосином. При свете такого светильника или у растопленной печки приходилось делать уроки. Так как в комнатах зимой было постоянно холодно, то утеплялись чем могли. Выбора одежды практически не было. Я помню, что в школу ходил в штанах, сшитых из старого одеяла и в старой фуфайке. Поскольку на руках постоянно были цыпки, то я опускал рукава фуфайки на кисти рук, чтобы не видела учительница. На ногах были шубники – это нечто из старой шубы. Поскольку в школе не всегда было электричество, а учились мы порой и в третью смену (большая часть зданий школ была переоборудована для госпиталей), то единственным источником света была керосиновая лампа на столе учительницы. Мы приходили в школу в основном, чтобы по окончании уроков получить маленькую булочку. В процессе уроков часто ползали под партами или просто там сидели. Однажды, подойдя к школе, мы обнаружили, что ее часть выгорела. Мы были рады, что сгорел классный журнал с нашими нехорошими оценками, и какое-то время могли не учиться. Затем нас перевели из 26-й средней школы в 1-ю мужскую среднюю школу (к этому времени было введено раздельное обучение). В этой школе, бывшей дореволюционной гимназии, я учился с 4-го по 10-й класс. В то время в школе мы пользовались только перьевыми ручками и чернильницами-непроливайками. Бумага тетрадей была негладкой, и у меня постоянно получались кляксы. Положение еще более ухудшилось с

началом войны, так как вместо тетрадей приходилось писать на серой оберточной бумаге. Мои успехи в начальных классах были настолько незначительны, что меня не приняли вместе со всеми в пионеры. Первая мужская средняя школа, в которую я был переведен в 1943 г., расположена на берегу реки около моста. Из окон класса можно было смотреть на любимую мною реку, ниже по течению которой находился мой дом... С первых же дней учебы в этой школе я почувствовал хорошее отношение ко мне со стороны преподавателя математики Елены Константиновны Монастыревой, которую мы между собой называли «бочей». Ей была по нашим меркам много лет, она была полная, невысокого роста, ходила медленно, не поворачивая головы, и некоторые ребята нередко шутили над ней, размещая на ее плечах бумажные кораблики. Елены Константиновны была удивительным педагогом, очень строгим, но справедливым. Именно она привила мне вкус к математике. В дальнейшем при поступлении в институт у меня не было проблем с математикой. Хуже обстояло дело с русским языком. Но и здесь я получал помощь от преподавателя русского языка, Анны Филосовны Чистотиной. Она приглашала меня заниматься дополнительно к себе домой без какой-либо платы, хотя сама с малым ребенком с трудом сводила концы с концами. Тогда не было понятия об оплате дополнительных занятий. Физику у нас преподавали традиционно плохо, и я не могу вспомнить ни одного из часто менявшихся преподавателей физики. Зато очень тепло вспоминаю преподавателя немецкого языка Зельмана Шмулевича Шерцовского. Сначала его мы встретили плохо. Считали, что он из пленных поляков, и нередко устраивали забастовки. Так, перекрывали двери в класс вешалками с одеждой (в военное время мы раздевались в классе). Он тоже нас не баловал и иногда командовал «встать, русские свиньи». Однако со временем мы зауважали его за его знания и желание научить нас языку врага. Классным руководителем в старших классах была Маргарита Александровна Кудряшева, молодая преподавательница литературы, только что окончившая педагогический институт. Она любила свой предмет, была очень начитана и пыталась привить нам любовь к русской и советской литературе. Не без ее влияния формировалось наше патриотическое сознание, несмотря на очень тяжелые материальные условия жизни не только во время войны, но и в послевоенные годы. В

старших классах я был все годы старостой класса. Традиции быть старостой я не изменил и при учебе в институте. В летнее время на три месяца нас посылали в колхозы на прополку, сенозаготовку и прочие сельскохозяйственные работы. В течение учебного года нас посылали на торфяники (переворачивать торфяные кирпичики) и на другие работы. После рабочего дня на торфяниках нам в столовой давали какую-то бурду.

Часто мы посещали раненых в госпиталях и декламировали стихи, пели им песни. Поскольку в последнем искусстве я не был силен, то читал стихотворение, чаще всего о герое-партизане Коле Тиховарове, который в Гражданскую войну на Дальнем Востоке повторил подвиг Ивана Сусанина.

Раненых в Вологде было очень много. Жизнь во время войны была значительно омрачена неизлечимой болезнью мамы. Отсутствие еды для детей (их у нее было трое), сильно ее расстраивало. Помню, как однажды я обнаружил, что все мои зубы шатаются, и их можно было вырывать руками. Постоянно все мысли были направлены на то, чтобы где-то достать что-нибудь съедобное. Однако возможностей почти не было. Осенью с братом мы ходили на поля за город перекапывать грядки, с которых уже был снят урожай, с надеждой найти хотя бы немного картошин. С ним же разгружали баржи, и нам удавалось за это получить немного так называемого «колоба» – спрессованных остатков подсолнуха, который предназначался для скота. Я пытался встречать на вокзале приезжих с предложением помочь довести их багаж до дома, используя санки. Однако первый же опыт такой работы оказался неудачным – я взялся помочь одному военному, которого встречала женщина, однако на полпути я взмолился, что боюсь дальше идти. Действительно, была ночь, улицы абсолютно темные, а путь мы уже проделали немалый, и далее дорога выводила за город. Военный пожалел меня и дал немного хлеба. По карточкам нам выдавали по 300 грамм хлеба и практически больше ничего. Но и за этим хлебом занимали очередь с ночи. Если я получал хлеб, то по дороге домой я съедал свою порцию. Иногда нам несколькими ослабленными выдавали в школе талоны в диетическую столовую. Мы полдня простаивали перед ее открытием, а после так называемого безкалорийного обеда (пустого крапивного супа) уходили еще более голодными. Летом 1942 года меня послали в пионерский лагерь, который рас-

положен на реке Соть. Это был единственный лагерь, в котором я побывал в жизни. Мы называли его «Голодная Соть». Наш день обычно проходил в ожидании выноса очисток с кухни. Собирали также ягоды и грибы. После первой голодной зимы мы получили участок для огорода за городом, где выращивали картошку. Участок был очень далеко. Отец часто в воскресенье ездил в окрестные деревни, чтобы выменять на старые газеты, карандаши немного зерна или картошки. Его месячной зарплаты хватало лишь на одну буханку хлеба по коммерческим ценам. Иногда с друзьями мы прогуливали занятия в школе, ходили на поле и собирали колоски, чтобы сварить кашу. Очень многое в это время и позднее скрашивала река, которая протекала напротив дома. По этой реке сплавляли лес в виде плотов, из окон нашей квартиры я наблюдал, как разворачивались пароходы (далее река была несудоходна для больших пассажирских судов). Мы с братом смастерили из досок лодку – плоскодонку и примитивные весла из досок. Эта лодка помогала нам обеспечить семью на всю зиму дровами, которые использовались для отопления. Обычно я в течение дня ловил так называемых «утопленников», то есть бревна, которые намокали в воде и падали на дно. Орудия багром (длинная жердь с металлическим наконечником), я проводил много часов, пока удавалось нащупать эти двухметровые бревна на глубине несколько метров. Поскольку они были очень тяжелыми, а я мал и не слишком силен, то бревна привязывал веревкой к корме лодки и буксировал их к берегу. Вечером брат, который старше меня на четыре года, после работы на судоремонтном заводе помогал перенести бревна домой. Я очень любил проводить время на реке, порой просто сидеть на берегу и наблюдать за речной жизнью. Так, по ней довольно много справляли груза в огромных баржах, которые буксировали маленькие катера. Интересно было наблюдать, как причаливают к пристани и отправляются от нее пассажирские двухпалубные пароходы с названиями летчиков – первых героев СССР, спасавших челюскинцев, как вечером по субботам на лодках и моторках уезжают на рыбалку и охоту вниз по реке знакомые мужики. А порой я просто мечтал, что когда вырасту, то обязательно поступлю в речное или в морское училище. На лодке мы выезжали с ребятами за город и ловили рыбу на «дорожку». Правда, улов часто был нулевым. Иногда поездки были далеко и длились несколько дней. Мы плыли по спокойной

речной глади даже ночью. Берега реки в то время были пустынные, с редкими домиками. Левый высокий берег в ряде мест был усеян гнездами стрижей. Мы любили не столько плавать, а больше нырять с плотов, с рулей проплывающих мимо барж.

Во время войны мы каждое утро слушали сводки с полей сражения, с нетерпением ожидали дня, когда погоним фрицев. Радовались первому большому наступлению нашей армии под Москвой, разгрому немцев под Сталинградом, на Курской дуге. А выстраданный нашим народом День Победы был поистине днем невиданной радости.

В дальнейшем мне приходилось работать за рубежом, в частности, неоднократно в США и Германии. Во многих семьях американских ученых, куда меня приглашали, проявляли настоящий интерес не только к текущим событиям в СССР (в начале 1970-х годов) и в России (в начале 1990-х годов), но и к тому, как и почему мы победили фашизм. В Германии, естественно, такой вопрос в семьях немецких ученых мне не задавали.

Старосельцев В.Н. (род. в 1937 г.)

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Родился я в Курске 21 ноября 1937 года. Улица, на которой это произошло, тогда называлась улицей Юных пионеров (сейчас Вокзальная). Сам Курск раскинулся на среднерусской возвышенности, у подножия которой расположились многочисленные районы города. Наш Кировский один из самых больших и древних. В составе района большой железнодорожный узел: пассажирский и грузовой вокзалы, многочисленные железнодорожные магистрали, включая основные (Москва–Курск–Белгород и Курск–Воронеж), в то время делившие район на два микрорайона: восточный («Мурыновку») и западный (наша «Ямская слобода»). Между этими магистралями раскинулись многочисленные железнодорожные постройки: большое здание железобетонной эстакады для быстрой заправки тендеров паровозов углем, паровозное и выгонное депо. В дальнейшем это стало великолепной целью для немецких авиационных ударов, которые нам пришлось пережить.

Узкая наша улочка, идущая вдоль железнодорожной магистрали Курск–Воронеж, вмещала еще и автомобильную дорогу, ведущую через Мурыновку и далее, в Воронеж. Фасады домов, украшенные цветными оконными наличниками и резными крылечками, на которых по вечерам собирались соседи. Было шумно, слышались смех, какие-то шутки. Папа в то время работал мастером по текущему и капитальному ремонту железнодорожных вагонов, а мама – лаборанткой с опасными вирусами на биологической фабрике. Я, как себя помню, ходил в сад на нашей улице, играл с друзьями, летом забирался в соседний сад за яблоками, особенно мне нравились красные, сладкие маленькие яблочки (называли мы их «янтарками»). Сын владельца сада, Гарик Верхопенский, не только нас не преследовал, а наоборот, всегда угощал. Вечером с появлением Гарика все ребята окружали его, просили рассказать забавные истории, сказки, на которые он был великий мастер. Он придумывал для нас разнообразные игры, и только по зову родителей приходилось расходиться. По выходным иногда смотрели фильмы в нардо-

ме (клубе), который был разрушен авиационной бомбой и заново построен только после войны пленными немцами. Сейчас это клуб железнодорожников. Шумно и весело было на нашей улице. И вдруг прекрасным летним днем из черной «тарелки» репродуктора прозвучала речь Молотова о начале войны. Потом была известная речь Сталина. Пошла гулять песенка «Киев бомбили, нам объявили, что началась война». На улице стало как-то тихо, но родители продолжали работать. Некоторые родственники сразу эвакуировались в Подмосковье. Мы конечно, не представляли, что такое война, и неожиданная первая бомбардировка маминой фабрики вызвала удивление. После этого короткого налета мама принесла нам подарок – первый осколок авиационной бомбы, рваный кусок железа. Все с любопытством его рассматривали. В силу возраста я тогда не понимал, почему этот первый авиационный налет пришелся на фабрику.

Но теперь понятно. Это было очень опасно для нас и счастье курян, что немецкий летчик сбросил бомбу так неточно, она упала рядом с фабрикой. После этого ее сразу эвакуировали, а мама стала домработницей.

С быстрым наступлением немцев, по дороге на Воронеж мимо наших домиков, потекли нескончаемые колонны беженцев. Плач детей, стоны, ругань и проклятья в адрес наступающего врага неслись из толпы. Шли в основном пешком, кто-то тащил свою поклажу на колясках, и редко протекали подводы с нехитрым скарбом. С усилением бомбардировок Курска и приближением немцев поток беженцев прекратился. От многочисленных бомбежек железнодорожного узла ужасно страдали близлежащие дома. Не говоря уже о людях... В один из налетов, дом, в котором жили и наши родственники, попала бомба, от осколков погибло много жильцов. Ужасно было видеть лицо бабушки Прони, на котором вместо носа было глубокое отверстие от осколка. Люди еще не знали, как защищаться от осколков. Я просто ложился у забора. Правда, их скоро все сожгли, так как надо было чем-то топить. Практика показала простой способ – прятаться в погребах. В одну из ночных бомбежек, когда я крепко спал в детской, как рассказывала потом мама, она не захотела меня будить, в надежде, что бомбы минуют наш дом. Но одна из бомб разорвалась совсем рядом. От мощной ударной волны оконная рама вылетела из оконного проема и с грохотом

и брызгами разбитого стекла рухнула рядом с постелью. Проснувшись, я смотрел и смотрел на пустой оконный проем, в котором ветер раздувал легкую занавеску. Перепуганная мама прибежала и забрала меня в погреб.

Для отражения быстро приближающихся немцев куряне создали отряды ополченцев, в один из которых пошел и папа. Ополченцы, готовясь к уличным боям рядом с нашим двором, в саду Верхопенских, близ яблони «янтарки», выкопали длинный глубокий окоп. В дальнейшем этот окоп стал для меня печальной памятью. Вошедшие в Курск немцы вводили строгие порядки. В один летний день 1942 года, играя с ребятами, увидел процессию: по дороге немецкие офицеры вели нашего любимого Гарика Верхопенского, на груди которого висела табличка «Вредитель». Его провели по улице, вошли к нам во двор и повели к злосчастному окопу. Проходя мимо, Гарик улыбнулся мне. Гурьбой ребята забрались на крышу нашего сарая, а я, как самый маленький, просто стоял растерянный, наблюдая процессию со двора. Немцев поставили Гарика на краю середины длинного окопа, зачем-то сфотографировались вместе с ним, и один из офицеров, отойдя несколько шагов от Гарика, расстрелял его из пистолета. Гарик упал в окоп, солдаты забросали его землей. Когда все разошлись, я со слезами подбежал и долго смотрел на небольшой холмик среди длинного окопа под «янтаркой». Незадолго до этого трагического события, постоянно находясь на улице, обратил внимание на поразительное явление. Их буксовых коробок (были раньше такие подшипники) многочисленных товарных вагонов, проходящих по железной дороге мимо наших домов, вырывались большие языки пламени. Впечатление – железные колеса горят. Поскольку папа работал осмотрщиком железнодорожных вагонов, спросили его об этом явлении. Он поведал, что некоторые осмотрщики (и не только они) буксовые коробки с особыми вкладышами, для уменьшения трения при движении колесных пар, наполняли не только машинным маслом, но и песком. Отчего при движении состава в буксовых коробках возникало повышенное трение, машинное масло воспламенялось, буксовые вкладыши плавились, товарный вагон подлежал длительному ремонту. Немцы строго следили за всеми осмотрщиками. Задержанные за засыпку песка подлежали расстрелу. Вероятно, за это был казнен и наш Гарик. Часто посещал потом эту своеобразную могилу. Со временем

окоп засыпали, яблоньку спилили, и никто, возможно, не знает, что в это месте покоится прах замечательного человека.

В 1941 году немцы так стремительно вошли в город, что ополченцев, участвующих на нашем участке, забрали в плен и посадили в автомеханические мастерские на Мурыновке, находившейся недалеко от нашей автомобильной дороги. Протекали томительные дни ожидания того, что будет с папой. В городе появились немецкие патрули. Стали устанавливаться новые порядки. Мама постоянно находилась у ремонтных мастерских. Однажды ей сказали, что скоро пленных должны переводить в город, в бараки на Парках (местность над рекой Тускарь напротив слободы Ямской, на отроге возвышенности). В назначенный час вышли с мамой на крыльцо с надеждой увидеть папу. Скоро показалась длинная колонна пленных, медленно вытекающая из-под моста на нашу дорогу, колонну по бокам сопровождали немецкие автоматчики. Папа шел в колонне так, чтобы быть ближе к нам. Когда он поравнялся с нами, я закричал: «Папа, иди домой!», на что он ответил: «Сыночек, дядя не пускает». Часовой, насупившись, прошагал рядом. Мама теперь стала пропадать на Парках, в надежде хоть что-то узнать. Постепенно пленных начали вывозить в Щетинку и там расстреливать. Еще сильнее и настойчивее стала умолять мама отпустить папу. Наконец, как это ни странно, руководство лагеря отпустило нашего папу, поскольку тот был беспартийным. После выхода из ада, он вспоминал, как прощались близкие ему люди, как готовились, предчувствуя, что в эту ночь или утро их заберут на расстрел. Как правило, такие предчувствия всегда оправдывались. Готовился и папа, так как подходила его ужасная очередь.

После радости выхода из лагеря, стало легче переносить стужу и голод: нечем топить, нет продуктов, а мы дружно и стойко переносили эти лишения. Из леса и окрестностей папа приносил сухие палки и ветки на растопку, мама на поле выкапывала мерзлый, оставшийся не убраным картофель. Из него, после размораживания, пекла прекрасные сладкие оладья. Ходила по деревням менять наши нехитрые вещи на продукты. Те, кто не мог противостоять голоду, пухли и умирали. Умерли от голода почти все наши соседи по дому.

Голод и страх, что папу снова заберут в концлагерь, заставили родителей искать спасение в деревне. После договоренности с Ми-

хайловым, своим другом по старой работе, перевез нас в деревню под Курском, именуемую Куркино. Нас приютила его очень добрая супруга. У Михаила и тети Фени не было детей. Видимо, поэтому тетя Феня полюбила меня, баловала парным козьим молоком с настоящим деревенским крутым хлебом. После голода для меня это стало чудом, вкус этого парного молока и хлеба ощущается и теперь.

Немцев в деревне не было. Тишину и покой нарушали только домашние животные: лошади, коровы, козы. Размеренную деревенскую жизнь только однажды нарушила проходившая, видимо, на фронт через деревню какая-то немецкая часть. Немцы ходили по домам в надежде забрать у крестьян продукты. В нашу комнату зашел немец со словами: «млеко», «яйки», «цукор», т.е. он требовал молоко, яйца и сахар. Поскольку у нас действительно не было ничего кроме соли и немного сахара и в самом дальнем углу, мама распахнув все полки, пододвинула немцу мешочек с солью, прося попробовать. Немец опустив палец в соль, облизнул его, поморщился и удалился. В деревне после ухода немцев потекла обычная жизнь. После непродолжительного пребывания в семье Михаила родители решили вернуться в родной дом. Мама занялась уборкой, а папа пошел устраиваться на работу. Как бывшего железнодорожника, папу взяли осмотрщиком вагонов. Мама быстро навела порядок в доме, комнаты засияли чистотой. Неожиданно к нам пришли немецкие солдаты. Осмотрев самую большую комнату, приказали переселиться в другие, поскольку в этой будут жить немецкие офицеры. Скоро в гостиной появились три кровати. Вечером пришли немцы и стали обустраиваться. Мы стали жить в соседних комнатах, а офицеры, очень корректные, в великолепной своей форме, обосновались в гостиной.

Даниэль, уже пожилой, высокий, с рыжими усами, выглядел как наш крестьянин. Эрвин, стройный, среднего роста, с красивой солдатской выправкой, довольно молодой, был подвижен и общителен. Все общение наше, в основном, велось через него. Христиансен низкого роста, средних лет, почти всегда молчал с напряженным лицом и каким-то пронзительным взглядом. Недаром Эрвин предупреждал папу с ним меньше говорить, чтоб ни попасть за решетку.

Эрвин, у которого, видимо, были дети моего возраста, сразу привлек мое внимание. Он очень ласково относился ко мне: часто сажал на колени, что-то говорил мне на своем языке. И хотя я не понимал его, мне приятно было с ним проводить время. Помнится, обычно после ужина, он старался обучать меня немецкому языку. Возьмет ложку и произносит по-немецки, я повторяю за ним, потом это же по-русски. Итак по предметам, которые находились на столе, мы учились друг у друга. В канун нового 1943 года, возвращаясь из отпуска, Эрвин привез мне великолепный детский костюм и маленькую искусственную зеленую елочку, украшенную маленькими яркими шариками. Костюм я долго потом носил, пока не вышел из своего возраста. Наши хорошие знакомые, которые жили недалеко на улице Театральной, зачем-то попросили маму устроить для офицеров встречу нового 1943 года. Обсудив, родители предложили Даниэлю и Эрвину поговорить об этом с другими офицерами. Все согласились. Родители, как всегда в канун Нового года, украсили елку. Эрвин и какой-то офицер принесли продукты и елочные украшения. Елка стояла нарядная с цветными свечами в красивых с зажимами подсвечниках. Когда на елку родители вешали игрушечный радиоприемник, очень боялись за последствия. Ведь в СССР были запрещены приемники, да и немцы могли за это наказать. Волнения оказались напрасны. Когда собравшиеся шумные офицеры расселись, один пожилой немец подошел к елке. Прислонил ухо к приемнику, с улыбкой стал что-то шутливо говорить, потому что все немцы смеялись. Вскоре родители отправили меня спать, а шум, гомон, смех слышался еще долго, пока я не заснул. На другой день ходили вокруг нарядной елки, на которой в подсвечниках горели цветные свечи, и вспоминал печальную елочку 1942 года, когда было холодно и голодно. Большую часть времени тогда я проводил, сидя на лежанке маленькой печки, чтоб хоть как-то согреться, и очень хотелось есть. Мама, как всегда, уходила на поиски чего-нибудь съестного. Когда заходил в большую комнату, видел в ней одинокую, уже запыленную елочку.

После встречи нового 1943 года офицеры по-прежнему уходили утром и возвращались поздно вечером чем-то сильно озабоченные. Мама сообщила папе, что подруга Лена с Театральной улицы благодарила их за оказанную услугу. Вскоре наши постояльцы тепло попрощались с нами и покинули дом, да и Курск навсегда. Живы

ли они, остались, кто же их знает. Началось так называемое безвременье, когда одна власть ушла, а другая еще не пришла. Это продолжалось, правда, недолго. Вскоре, гуляя по улице, увидел сотни советских солдат, спускающихся с насыпи Воронежской железной дороги на нашу улицу. Войска вошли в Курск. После бурного, шумного, раздольного празднования взятия Курска бойцы, поселившиеся в нашем доме, вернулись в часть к своему нелегкому ратному пути. С ними ушел на фронт и папа. При прощании он сказал мне: «Сын, ты уже большой, помогай маме по хозяйству». Я старался, как мог, в мои обязанности входило снабжение маленькой печки дровами. Мама пробовала достать пропитание, которое все труднее и труднее было добывать. Много делалось из трав. Особенно запомнились оладьи из лебеды, зеленые, но очень вкусные, как мне тогда казалось. Где-то очень редко мама доставала кусочки спрессованных отходов производства подсолнечного масла – жмых. Подолгу сосал эти драгоценные кусочки, как великолепный шоколад, боясь быстро проглотить. Самого растительного масла, конечно, не было. Вместо масла использовалась поджаренная конопля, растолченная и разведенная водой. Ели с ребятами сердцевину молодых лопухов, но особенно мне нравились плоды низенькой травки, которой сейчас нет. Ее очень вкусные, как мне казалось, плоские плоды, похожие на маленькие таблетки, при очистке напоминали дольки мандаринов или апельсинов, и мы эти дольки ели, отделяя одну от другой. Эти плоды мы называли «лепешечками».

Между тем началась эпопея битвы на Курской дуге. Участились немецкие бомбардировки, которые проводились теперь днем и ночью. Поразила ярким летним днем атака немецким самолетом-штурмовиком здания железобетонной эстакады, заправлявшей углем паровозы. Облетев здание, с большой высоты летчик в пикировании на здание сбросил бомбу, но она взорвалась рядом. Летчик снова делал заход, чтобы повторить бомбометание, но бомбы упорно рвались рядом, и только после четвертого захода летчику удалось сбросить бомбу точно в центр крыши здания. Эстакада раскололась пополам. Через какое-то время, когда я играл во дворе, началась бомбардировка, слышались страшные разрывы фугасных бомб. Со страхом упал рядом с поваленным деревом, осколки падали где-то рядом. Улучив момент между взрывами, ползком

пробрался под коридор соседнего дома. Там уже были другие ребята и несколько взрослых. Вскоре налет прекратился, и все вздохнули с облегчением. Выбравшись из своеобразного укрытия, пошли по улицам смотреть на последствия этого налета. Что-то ужасное поразило нас. Много погибших от неожиданного налета, фрагменты человеческих тел, которые висели на деревьях и телеграфных проводах. В этот день все ребята разошлись по домам в надежде, что больше не будет такого ужаса. Но налеты продолжались. По надрывному звуку моторов, издаваемого приближающимся бомбардировщиками, могли уже безошибочно определять, с каким запасом бомб приближались к нам самолеты врага, и, следовательно, как долго продолжится бомбардировка. Армады бомбардировщиков шли на город и сбрасывали на наши головы свой смертоносный груз. Иногда из погреба наблюдал, как отрывались от самолета «огурчики» огромных авиационных бомб. Самым потрясающим было то, что с самого начала войны немцы для устрашения в стабилизаторы всех бомб вставляли свистульки. Падая, такая бомба издавала такой пронзительный свист, что, как говорили, мурашки бегали по всему телу.

Июльскими и августовскими днями 1943-го, когда шли ожесточенные бои на Курском выступе, не менее ожесточенными были сражения в воздухе. Несколько наших «ястребков» и немецких «мессеров» сходились в ожесточенной карусели воздушных боев. С особым любопытством наблюдали, когда же советский ас завалит немецкого аса. Иногда это удавалось видеть, но чаще все быстро разлетались. Стоял сплошной гул от множества артиллерийских выстрелов с обеих сторон. Люди говорили тогда: «Это «Катюша» с «Ванюшей» разговаривают», видимо подразумевая, что у немцев тоже было похожее оружие. По ночам весь горизонт в стороне Поньрей пылал сплошным заревом, подобно всполохам непрерывной грозы. Багровое зарево висело над горизонтом, сотрясая душный воздух. В вечернем небе над головой повисали со свистом и шипением цветные гирлянды трассирующих пуль. Красиво, но жутковато.

К концу августа накал борьбы стал стихать, пока совсем не прекратился. Постепенно прекратились и авианалеты. Жители вздохнули с облегчением от перенесенных ужасов. С питанием были трудности, однако появились так называемые «хитровы рынки»,

которые помогали выжить. Постепенно жизнь налаживалась. Летом 1944 года с фронта неожиданно вернулся папа. Его сильно ранило в боях под Понырями, когда мы наблюдали зарево. Он лежал в госпитале, после которого ему был положен десятидневный отпуск. Как мы с мамой обрадовались, и как жаль, что так быстро пролетели эти дни. Папа снова отбыл в часть, а нам с мамой осталась связь с папой в виде маленьких «треугольничков» писем.

Голодных детей власти города решили подкормить, открыв для нас бесплатные столовые. Дети ходили только на обед, а после нам давали по одной маленькой желтой горошине витамина.

И наконец, долгожданная Победа! Солдаты возвращались с фронтов в товарных вагонах, украшенных цветами и зелеными ветками. Поезда прибывали на старый Курский вокзал, где их встречали родственники. Играл оркестр. Улыбки, слезы, радость встреч. Мы с мамой тоже выходили к поездам в надежде встретить и обнять папу, но этого не случилось, папа не приезжал. В своем «треугольнике» он написал, что задерживается, выполняя какое-то поручение командования.

В 1945 году я пошел в школу. В сентябре 1947 года, когда возвращался из школы, увидел папу, идущего с вокзала. Это было спасением для нас с мамой, потому что она лежала больная брюшным тифом, от которого вылечила меня. Папа сделал все для скорейшего выздоровления мамы, а я продолжал учиться. Вот так и прошло мое военное детство. Как же тяжела война для людей. Как же удержать тех руководителей государств, которые затевают такие беды, считая, что они творят добро для своего народа и отечества.

Страмоус Т.Е.

ТАНКИСТ

---

*Посвящается моим родителям
Лонину Евгению Андреевичу,
полковнику Советской Армии,
танкисту, прошедшему всю войну,
и маме – Лониной Лидии Ивановне –
несовершеннолетней узнице
фашистского концлагеря в Германии*

Москва, услышав рокот танков,
В испуге ежилась к Кремлю.
Порядком боевым во флангах
Шли защищать страну свою.
И корпус танков рвался в бой,
Глоток сто грамм из фляжки.
Пехоте, верной за спиной,
Вдобавок смачную затяжку.
Стальные глыбы, словно птицы,
Перелетали мины, грязь –
Одной семьей надежней биться,
Крушить фашиста, матерясь.
Крушили «Тигров», «Фердинандов»,
Топтали «Юнкерсам» хвосты.
Симфонией огня по бандам
Танкисты влепят им в зады.
Солдаты вермахта плевались,
Что сами влезли на рожон.
И в собственном дерьме купались
За слезы матерей и жен.
Снег бился в смотровые щели
И в башне пылью зависал,
Но экипаж держал в прицеле
Плацдарм врага – он отступал.

Земля тряслась, как в лихорадке,
Воронками ощерив рот.
Боясь ослепнуть, пот украдкой
Смахнет танкист и вновь вперед.
Ох! Страшным будет ближний бой
В кровавой снежной слизи.
Коль уцелеешь – встанешь в строй,
А нет – в заоблачные выси.
На поле боя танки тлели.
Двух «Тигров» взяли на таран.
От взрывов башни вверх летели,
Снег багровел от страшных ран.
Звезду фашист поймал в прицел,
В затылок смотрит пушкой.
Танк заурчал, кормой осел –
Теперь без гусениц – игрушка...
Сквозь толщу лет хочу кричать,
Перебивая грохот, взрывы,
И календарь войны порвать,
Чтоб все отцы остались живы.
Еще пока не грянул взрыв,
А пламя башню уже лижет –
Люк открывай, иди в прорыв,
К земле скатись поближе.
Ты так любил родную землю,
Всею грудью прижимайся к ней,
И свастика поганой тенью,
Не омрачит простор полей.

От жара небо распахнулось,
Осколки сыпались, как дождь.
Ужаленное тело окунулось
В воронку, где таилась злость.

«Со шлемофона сбей огонь.
По снежной шелухе кружись,
К осколку на ноге прижми ладонь,
За жизнь, танкист, борись!

Давай, скорей метни гранату,
На вражьих траках сбей штыри,
По фрицам вмажь из автомата,
Но ради Бога – не умри!
Прими последнее решение –
Ты должен выжить! Не дури!
Чтобы потом старлею Женьке
Любимых прижимать к груди.
От жуткого огня на шее
Рубцы останутся – терпи,
Дорога длинная до Шпреи,
Ты берега ее сомни.
Ворвись своей тридцатьчетверкой
В концлагеря на всех парах,
У смерти отними девчонку,
Неси, как чудо, на руках.
Поверь, что это не мечты,
Здесь правда голая нужна.
Весь в орденах вернешься ты,
Девчонка та – твоя жена.
Ладонка шрамы накрывает,
Скользит по шее, у плеча
Малышка папой называет...
Держись, танкист, ведь это я!

*Страмоус Татьяна,
начальник военно-мобилизационного управления
НИЯУ МИФИ*

ВОЙНА В МОЕЙ ПАМЯТИ

Летом 1941 года я с бабушкой и двумя двоюродными сестрами выехала в г. Краснослободск, где жила наша родная тетя с мужем, дочерью и сыном. Мужа отправили на фронт, и он не вернулся.

В этом городе раньше жила бабушка с шестью дочерьми и сыном. Кроме жены, к которой мы приехали, все переехали в Москву. Дочь и сын тети вскоре окончили школу и уехали из Краснослободска. Дочь поступила в Московский строительный институт, а сын – в военное училище.

Город Краснослободск был назван за красный вид. На высоком берегу Мокши возвышались церковные строения, которые частично были разрушены в советское время. Его посетила Екатерина II и оставила план города, по которому он строился. Мокша была богата рыбой. Вылавливали сомов более 4 метров длиной. Кругом были богатые леса. В советское время Краснослободск входил в состав Молдавской АССР.

Мы жили в просторном доме тети. Материально не бедствовали. Тетя работала, у нее была корова. На зиму оставляли теленка или поросенка. Дом находился у реки (под горой) и все удобрения с горы попадали в наш огород, поэтому выращенные тыквы весили более 10 кг. Ими кормили корову практически до следующего урожая (был погреб со льдом). Овощи с огорода были очень вкусными, особенно помидоры. В дальнейшей жизни таких помидоров не встречала. На горе были прекрасные сады. Особо славились сорта «мирончик» и «паточное».

В 1942 г. мне исполнилось 8 лет, и я пошла в школу. Она располагалась в бывшем духовном училище. Занятия вела учительница, которая учила маму. Учителя ходили в длинных юбках и красивых белых кофтах. На перемене всех пускали в спортивный зал, где мы могли бегать, прыгать, кричать. Присматривали за нами старшеклассники. После такой перемены на уроке мы сидели тихо и были внимательны к словам учительницы. В физическом, биологическом и других кабинетах было много экспонатов и красивых цветов.

Широкие коридоры школы были покрыты красивыми красными дорожками.

До революции Краснослободск был очень культурным городом. существовало большое количество кружков. Мои родители занимались в театральном и музыкальных. Играли на трубе и гитаре, моя тетья – на скрипке. Костюмы для театральных постановок и спортивных состязаний шили из старых вещей.

Необыкновенное отношение учителей к воспитанию детей сохранилось и в наше время. Через 50 лет я вновь посетила этот город. Хотя в школе был ремонт, меня встретил молодой учитель истории. Он показал кабинет истории, все стены были увешаны работами учеников. Из разговоров с пришедшими школьниками я поняла, что их круг интересов не ограничен школьными программами.

В 1943 году я возвратилась в Москву и была удивлена бедностью кабинетов и видом учителей. Во время моего отсутствия у меня появился отчим, который вместе с мамой работал на заводе им. Лихачева (тогда еще имени Сталина). Мама работала на пристрелке автоматов, отчим – начальником литейного цеха. Когда немцы подходили близко к Москве, завод заминировали. У рубильника дежурил отчим. При его включении он погиб бы вместе с заводом.

Закончила школу в Москве. На каникулах все лето проводила в заводском пионерском лагере «Мячково». Ездили всем двором. Играли в волейбол, в разные подвижные игры. Зимой катались на коньках на залитом во дворе льду.

В 1952 году поступила в МИФИ (тогда еще ММИ) и осталась на кафедре электрических установок, защитила кандидатскую диссертацию. После разделения кафедры работала в радиационном ускорительном центре, где защитила докторскую. Мне 80 лет. До сих пор работаю в РУЦе старшим научным сотрудником, являюсь членом диссертационного совета, участвую в российских и международных конференциях.

ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Я родилась в Харькове 1 мая 1932 года. 22 июня 1941-го было воскресенье, и мы с папой играли, шутили, смеялись, слушали детскую передачу, которую передавали по радио. Неожиданно радио прервало передачу, и в 12 часов мы услышали страшное слово «война». Жили мы недалеко от железнодорожного вокзала, который немцы начали бомбить в июле. Бомбежки проходили ночью. По радио передавали просьбу укрыться в бомбоубежищах, которые харьковчане вырыли почти в каждом дворе.

Папа фактически все время был на работе. Он был военным и работал в организации, которая занималась строительством военных аэродромов. В Харькове заканчивалось строительство аэродрома, но теперь надо было решать его судьбу, так как немцы приближались к нашему городу. В сентябре было принято решение вывезти из Харькова членов семей руководителей организации, где работал папа. Нас отправили в Саратов на знаменитых грузовиках-полупулторках. В каждой машине было 4–5 семей. Наш путь проходил в основном через деревни, и я впервые услышала слово «эвакуированные». Так называли нас.

В Саратов мы приехали в середине октября и получили направление в Автономную Республику Немцев Поволжья. Незадолго до нашего приезда всех немцев отправили в товарных вагонах в Казахстан. Им разрешили брать с собой все, что они могли увезти. Семьи военных, и нашу в том числе, направили в деревни. Нас встретили пустые дома, возле которых бродили козы, бычки, куры, собаки, кошки. Они не убежали, тянулись к нам, а мы (особенно дети) их гладили и обнимали. На огородах вырос большой урожай картофеля, моркови, помидоров, лук, свеклы. Немцы не успели собрать урожай. Это сделали наши мамы. Они организовали колхоз. Так началась новая жизнь городских жителей Украины.

В ноябре все дети школьного возраста пошли в школу. Мы сидели в одном классе, и учила нас одна учительница. Книг не было, тетрадей и ручек тоже, но мы внимательно слушали учителя, и

всем было очень интересно. 7 ноября 1941 года мы отпраздновали в школе. Пели песни, читали стихи, а мамы нас угостили пирогами, которые они испекли сами. Было очень хорошо, но тревога нас не покидала. В Харькове остались наши папы. Они должны были уничтожить аэродром, который только что построили. Они это сделали, но уезжали из почти окруженного немцами города. Мы все очень волновались, так как писем не было. В Саратове тоже не знали о судьбе наших отцов.

Папа приехал к нам в конце декабря поздно вечером. Мы были бесконечно рады и всю ночь слушали рассказ папы о том, что происходило в Харькове, а он слушал рассказ о нашей новой жизни. Началась новая пора в жизни нашей семьи. Мы жили в товарных вагонах, так называемых теплушках, так как папа и его сотрудники начали строить военные аэродромы. Мы ехали на восток страны, а навстречу нам, на запад, ехали составы с танками, пушками, солдатами. Сначала был город Чкалов (ныне Оренбург), потом Саранск, село Лопатино Горьковской (ныне Нижегородской) области, опять Саранск, Мелекес.

Летом 1943 года мы приехали в Москву. Нам дали маленькую комнату в деревянном доме в Кожухове, на улице Сайкина. 1 сентября я пошла в школу в 4-й класс, а брат пошел учиться в техникум. Эти годы были наполнены и страхом, и радостью за наши успехи на фронте. Я никогда не забуду первый салют в Москве в августе 1943 года в честь освобождения Орла и Белгорода.

Все эти года мы посылали солдатам небольшие посылки, в которые клали конфеты, печенье, вышитые платочки, записки, в которых просили солдат о победе. Часто ходили в госпиталь к раненым, пели песни, читали стихи и видели улыбки на их лицах. Первый раз за эти годы в школе мы праздновали Новый год (1944). Елка была очень красивой, и мы получили первые новогодние подарки. Нашей радости не было конца. А потом пришло лето 1944 года. Наша школа была недалеко от завода ЗиС, а рядом с ним стояли вагоны с пленными немцами. Мы туда бегали, чтобы увидеть тех, кто так долго и страшно воевал с нашей страной. Закончилось это тем, что мы стали приносить немцам хлеб, булки, пряники, так как нам казалось, что они голодны. Нам было жалко их, и мы старались их накормить. Когда колонны пленных немцев вели через Москву,

мы всем классом отправились на Ленинградский проспект к Белорусскому вокзалу. Все смотрели молча. На проспекте царила тишина. Я до сих пор не могу найти слов, что бы передать те чувства, которые возникли при виде побежденных немцев.

В 1944-м освободили Харьков. Мама, брат и я поехали домой, а папа остался работать в Москве. Нашу победу в Великой войне мы праздновали в Харькове. Салют Победы был незабываемым. 30 залпов из 1000 орудий! В 1945 году мы вернулись в Москву, так как папу не отпустили работать в Харьков.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОДАХ ВОЙНЫ

Начало войны

Начало войны не помню. Мне было 2 года 4 месяца (родился 22 февраля 1939 года). По рассказам мамы война застала нас в Набережных Челнах, где мама, Екатерина Алексеевна Фигурова, работала учительницей. Отца призвали в армию. Мама с двумя сыновьями (двух и четырех лет) перебралась в Лаишево – районный центр под Казанью, на берегу Камы. Перебралась, чтобы быть поближе к своим родителям, которые жили в небольшой деревушке Якшино в 20 километрах от Лаишева. У бабушки был огород, примерно 30 соток, корова и другая живность, обычная для тех лет. Бабушка проводила двух своих сыновей на фронт в первые дни войны и всю войну поддерживала плодами своего хозяйства двух дочерей с тремя внуками. Дедушка умер в 1942 году. До сих пор удивляюсь, как бабушка одна справлялась с огромным огородом, с коровой, поросятами, курами. Дочери, работавшие в Лаишеве учительницами, помогали только летом, от нас – троих внуков – помощи, видимо, не было никакой. Низкий поклон бабушке Тоне, и спасибо доброму русскому огороду.

Просо

Осталась в памяти уборка проса. Всем учительницам (мужчин-учителей не помню – наверное, все были на фронте) выделили в поле, недалеко от берега Камы, небольшие участки для выращивания проса. На посев и уборку все приходили с детьми. Сеяли его и убирали вручную. У всех было приподнятое настроение, особенно при уборке. Оно передавалось и нам – детям. Старались помогать старшим, рвались принять участие в молотье цепями. Мама радовалась, когда к концу уборки набирался мешок пшеницы – теперь всю зиму будем с кашей! Мешок этот стоял в углу, и, проходя мимо, всегда радовался – еще много осталось! До сих пор пшеничная каша не надоедает никогда.

Кашаиха

После переезда из Набережных Челнов в Лаишево маме выделили комнату в двухэтажном деревянном доме. Одну их комнат в

этом доме занимала одинокая немолодая женщина. Очень бедно одетая, всегда угрюмая, она казалась нам ведьмой. Мы, дети, всегда боялись ее и втихаря дразнили, звали «Кашаихой». Не знаю, на что она жила, чем кормилась. Получив посылку от бабушки, мама обязательно что-то передавала ей. Уже став постарше, узнали от мамы, что ее фамилия Кашаева, что она была эвакуирована в Лаишево в первый год войны и уже в Лаишеве в течение нескольких месяцев получила подряд три «похоронки». Видимо, на сыновей... Эти «похоронки» и вбили ее в эту мрачную угрюмость, в невозможность пережить свое горе.

Повиниться бы перед ней, попросить прощения... Увы, время необратимо, не позволяет вернуть упущенное, свернуть в прошлом на другую тропинку.

Воспоминания об этой святой для меня теперь, с высоты 75 лет, женщине наводят на мысль о том, что все мы, все наше общество, помешавшееся на «ценностях» рыночной экономики, до настоящего времени не воздали должное, не поставили достойный памятник солдатской матери, не дождавшейся своих ушедших на войну двадцатилетних мальчиков. Эти мальчики ценой своей жизни, да их матери свои трудом в тылу и добыли победу. И только потом уже – осыпанные наградами и памятниками полководцы. (Это же надо было додуматься до конкурса на «лучшего полководца всех времен»! Как, впрочем, и до конкурсов на лучшего учителя и других «лучших». Лучший учитель свой у каждого ученика и не может быть выбран чиновниками). Уверен, что в будущем потомки будут достойно чтить память о труженицах тыла, солдатских вдовах и матерях. Увы, пока все как в песне о памятнике деревне на Красной площади в Москве: «...и на разломанном крыльце там будет мать убитого солдата с позорной пенсией в руке».

День Победы

День Победы впечатался в память навсегда. Утром меня разбудил старший брат, Саня: «Вставай, проспичь – Победа!». От обиды, что проспал сам момент победы, что меня не разбудили к этому моменту, заплакал. Мама успокоила, сказала, что праздновать Победу будут целый день и еще каждый год в будущем. Успокоился, настроился праздновать целый день.

Часам к десяти-одиннадцати мама повела нас на митинг в честь победы над фашистами (так мы называли тогда всех немцев). На

главной площади собрались сотни лаишевцев – в основном женщины с детьми. С трибуны выступал председатель исполкома Халиков. Говорил горячо, без бумажки, почти кричал и... плакал. И все кругом плакали. Я очень удивлялся – праздник, а они все плачут! Только повзрослев, особенно после того, как приехал учиться в Ленинград, побывал на Пискаревском кладбище, пообщался со студентами-ленинградцам, пережившими блокаду, на всю жизнь стал воспринимать День Победы как «праздник со слезами на глазах».

Пленные немцы

Уже после войны, скорее всего в 1946 году, в Лаишево привезли довольно большой отряд пленных немцев – на разгрузку барж. Мы, мальчишки, конечно же, ринулись посмотреть на фашистов. Многие набили карманы камешками – покажем гадам! Прибежали, увидели их, столько раз убиваемых нами в наших играх. Худые, мрачные и, наверное, голодные. Ни у кого не хватило духа достать камешки и бросить их в этих несчастных. И еще поразили меня, семилетнего, наши русские лаишевские женщины. Их было не очень много, но большинство из них принесли пленным продукты – хлеб, вареную картошку, огурцы, еще что-то съедобное. Те, кто пришел без передачи, побежали домой, чтобы тоже что-то передать пленным. Конвоиры не мешали передачам, а немцы брали свертки и благодарили на своем языке или «спасибо» с акцентом и улыбками. Не знаю, были ли среди этих женщин получившие «похоронки». Наверняка, были те, кто получил извещения о пропаже «без вести» (была такая страшная формулировка). Наверное, надеялись, что и их сыновьям или мужьям тоже кто-то подаст кусок хлеба. Для меня это было первым уроком о невероятной сложности переплетений судеб, интересов и устремлений всех участников войн, доставшихся нам в наследство от диких первобытных времен, наследство, от которого человечество никак не может избавиться, несмотря на явную угрозу уничтожения всего живого на земле. (Подумать только, до настоящего времени самые высокие награды и почести получают не учителя, врачи, хлеборобы, а создатели все более совершенного оружия уничтожения себе подобных! Явно снова движемся к пещерам).

ЭПИЛОГ

---

*Не щадя себя в огне войны,
Не жалея сил во имя Родины,
Дети героической страны
Были настоящими героями.*

Р. Рождественский

Воспоминания, собранные в сборнике «Дети войны», очень разные, как и те люди, которые их написали. Ни одно из них не может оставить читателя равнодушным, за каждым стоят личная трагедия или история спасения на фоне страшного военного времени. Они выжили и перенесли все: страх, голод и холод, потери родных и близких, эвакуацию и оккупацию, немецкие обстрелы, бомбежки и атаки «мессеров». И во многом, несмотря на возраст, стали примером мужества, стойкости и силы духа.

Война – это не только сражения и боевые действия. Она проникает в каждый уголок мирной жизни, разрушая привычный уклад и оставляя за собой только горе и бедствия. Дети, чьи воспоминания составляют этот сборник, стали свидетелями и жертвами этих ужасов. Им пришлось столкнуться с невыносимыми условиями, которые нарушили их детство, навсегда оставив в памяти следы страха и боли.

Эти дети, лишённые детства, рано узнали, что такое настоящие испытания. Они научились быть сильными и находить свет даже в самых темных моментах своей жизни. Их истории — это не только свидетельства о прошлом, но и важные уроки для будущих поколений.

Мы приближаемся к знаменательной дате – **80-летию Великой Победы**. Этот юбилей – не просто торжественная дата, это напоминание о невероятном подвиге советского народа, который, объединившись, смог противостоять мощнейшей военной машине и победить. Победа в Великой Отечественной войне стала возможной благодаря негибаемой воле и духу, мужеству и самопожертвованию миллионов людей, среди которых были и дети.

Советский народ совершил невероятный подвиг, защищая свою Родину и спасая мир от фашизма. Их героизм и стойкость навсегда останутся в памяти человечества, а уроки той войны будут передаваться из поколения в поколение. Мы обязаны помнить и чтить тех, кто отдал свои жизни за нашу свободу и мирное будущее.

Этот сборник – дань памяти тем, кто, несмотря на юный возраст, смог выстоять и пережить все ужасы войны. Их истории – это напоминание о том, как важно сохранять мир и не допускать повторения трагедий прошлого. Пусть воспоминания детей войны станут для нас всех напоминанием о необходимости беречь мир и ценить жизнь.

Вечная память героям и низкий поклон всем, кто пережил войну, кто своим мужеством и стойкостью приблизил нашу Великую Победу. Пусть грядущие поколения всегда помнят о подвиге своих предков и стремятся к миру, сотрудничеству и взаимопониманию.

Редакция книги благодарит всех, кто в той или иной мере помогал нам в подготовке материала для издания. Особую благодарность выражаем начальнику архивного отдела организационно-правового департамента НИЯУ МИФИ Галине Сергеевне Харитоновой, техническому редактору Светлане Владимировне Тялиной, сотрудникам библиотеки НИЯУ МИФИ и начальнику центра информационно-библиотечного обеспечения Татьяне Николаевне Стукаловой.

Редактор *Т.В. Волвенкова*
Макет подготовлен *С.В. Тялиной*

Подписано в печать 20.03.2025. Формат 60x84 1/16.
Изд.л. 13,25. Печ.л. 13,25. Тираж 120 экз. Изд. № 002-3. Заказ № 15.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
Типография НИЯУ МИФИ. 115409, Москва, Каширское ш., 31.